

Science. Society. State
Electronic scientific journal

НАУКА ОБЩЕСТВО ГОСУДАРСТВО

Электронный научный журнал

esj.pnzgu.ru

**№ 4(52)
2025**

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34.01

EDN: CGQILQ

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Виталий Владимирович Гошуляк¹, Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов²

^{1,2}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹vvgoshulyak@rambler.ru

²tabaris@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность темы исследования определяется ее научно-теоретической и практической значимостью. В научно-теоретическом плане изучение данной проблемы позволяет углубить наши представления о закреплении института собственности в российском праве. В практическом плане тема значима с точки зрения изучения правовых идей и теорий в целях совершенствования российского законодательства, касающегося института собственности. Цель исследования состоит в попытке рассмотрения эволюции правовых теорий собственности и их отражения в действующем законодательстве. *Материалы и методы.* Работа написана на основе анализа имеющихся правовых теорий собственности. Были использованы следующие методы исследования: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, метод анализа и синтеза. Преимущественно применяются историко-доктринальный и нормативно-описательный подходы. *Результаты.* Обоснована идея об эволюционном развитии российского законодательства в части, касающейся отношений собственности, показано, что законодательство и Конституция РФ строились на основе различных теорий собственности, наиболее востребованных в современных условиях. *Выводы.* Анализ российского законодательства показал, что его нормативные положения о собственности в своей основе имеют несколько наиболее распространенных правовых теорий собственности, возникших в разные исторические периоды: либеральную теорию, теорию социальной функции собственности, теорию триады прав собственника, социалистическую теорию. Применение их в совокупности указывает на переходный характер российского общества, находящий свое закрепление в Конституции РФ.

Ключевые слова: институт собственности, правовые теории собственности, либеральная теория собственности, теория взаимосвязи собственности и свободы, теория взаимосвязи собственности и власти, социальная теория собственности, теория триады права собственности, социалистическая теория собственности

Для цитирования: Гошуляк В. В., Сеидов Ш. Г. Теоретико-правовые проблемы закрепления межотраслевого института собственности в российском праве // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 5–12. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-1 EDN: CGQILQ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THEORETICAL AND LEGAL PROBLEMS OF CONSOLIDATING THE INTERSECTORAL INSTITUTE OF PROPERTY IN RUSSIAN LAW

Vitaly V. Goshulyak¹, Shakhmutdin G. Seidov²

^{1,2}Penza State University, Penza, Russia

¹vvgoshulyak@rambler.ru

²tabaris@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the research topic is determined by its scientific, theoretical and practical significance. In scientific and theoretical terms, the study of this problem allows us to deepen our understanding of the institutionalization of property in Russian law. In practical terms, the topic is significant from the point of view of studying legal ideas and theories in order to improve Russian legislation concerning the institution of property. The purpose of the article is to attempt to examine the evolution of legal theories of property and their reflection in current legislation. *Materials and methods.* The article is based on an analysis of the available legal theories of property. It uses the following research methods: dialectical, historical, comparative legal methods, method of analysis and synthesis. *Results.* The article substantiates the idea of the evolutionary development of Russian legislation in terms of property relations, showing that the legislation and the Constitution of the Russian Federation were based on various theories of property, which are most in demand in modern conditions. *Conclusions.* An analysis of modern Russian legislation has shown that its normative provisions on property are based on several of the most widespread legal theories of property that arose in different historical periods – the liberal theory of property, the theory of the social function of property, the theory of the triad of owner's rights, and the socialist theory of property. Their combined use indicates the transitional nature of Russian society, which finds its consolidation in the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: institute of property, legal theories of property, liberal theory of property, theory of the relationship between property and freedom, theory of the relationship between property and power, social theory of property, theory of the triad of property rights, socialist theory of property

For citation: Goshulyak V.V., Seidov Sh.G. Theoretical and legal problems of consolidating the intersectoral institute of property in Russian law. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):5–12. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-1

Закрепление правовых норм межотраслевого института собственности в российском праве строилось на основе теорий собственности, имеющих существенное значение для той или иной отрасли права. При этом в разные исторические эпохи доминировали различные теории собственности, нашедшие свое закрепление в законодательстве. По крайней мере за последние двести с лишним лет мы можем наблюдать переход от либерального до социально ориентированного законодательства, касающегося правового института собственности. Последнее не означает, что социальное законодательство является полностью сложившимся. В Российской Федерации мы отмечаем переходный период, в котором уживаются старые социалистические идеи теории собственности с принципами рыночной экономики, что означает наличие российской модели социального капитализма. Одновременно отметим, в европейской науке общепризнанным является то, что современное право собственности берет начало от римской модели *dominium*, что само по себе «подчеркивает непреходящее значение римского частноправового наследия» [1, с. 25].

Институту собственности посвящено огромное количество научных работ, особенно в отрасли гражданского права. Среди них наиболее значимыми являются исследования С. С. Алексеева, П. П. Андреева, В. В. Гребенникова, В. П. Камышанского, О. Е. Кутафина, В. А. Мазаева, Е. А. Суханова и др. [2–8]. В них основной упор делается на правовое регулирование института собственности в Российской Федерации, в то время как рассмотрению правовых теорий собственности уделено незначительное внимание.

Развитие экономических отношений и соответствующих им правовых теорий собственности позволяет нам выделить наиболее значимые из них. Это либеральная теория собственности, теория взаимосвязи собственности и свободы, теория взаимосвязи собственности и власти, социальная теория собственности, теория триады права собственности, социалистическая теория собственности [9, с. 40].

Исторически первой в эпоху Нового и Новейшего времени была либеральная теория собственности, провозглашающая собственность «священной и неприкосновенной». В законодательстве впервые она была закреплена во время Великой Французской буржуазной революции в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. и просуществовала в конституционных актах и законодательстве многих стран мира вплоть до начала XX в. В настоящее время из текста большинства конституций такая формулировка исчезла, за исключением Конституции Литовской Республики [10, с. 125].

Развитие либеральной теории собственности привело к ее углублению и выявлению взаимосвязи между собственностью и свободой. Это случилось в эпоху падения абсолютистских монархий конца XIX – начала XX в. Именно в это время идеи личной свободы человека стали доминирующими как в общественном мнении, так и в законодательстве. Отсюда главным в теории взаимосвязи собственности и свободы стало представление о том, что именно собственность делает человека свободным или, другими словами, нет свободы без собственности. Это двуединое и взаимообусловленное понятие. Для России эта теория была особенно актуальна во второй половине XIX в. после ликвидации крепостного права, ее юридическое значение состояло в том, что каждый житель Российской империи стал субъектом права, носителем прав и обязанностей.

В конституционных актах и законодательстве разных стран мира эти базовые для жизнедеятельности человеческого общества категории «собственность» и «свобода» стали закрепляться в их взаимосвязи. Однако в настоящее время мы констатируем ограниченность этой теории. Действительно, собственность во многом можно считать основой свободы человека. Вместе с тем для ее обеспечения одной только собственности явно недостаточно. Для практического воплощения идеи свободы в повседневной жизни необходимо существование в стране конституционного государства, где бы признавались все права и свободы человека и гражданина, а государство действовало бы в соответствии с законом. Отсюда можно сделать вывод о том, что собственность сама по себе не может быть основой свободы. Предпосылкой ее появления является не собственность, а конституционное государство. В связи с этим из конституций стран мира исчезли положения о двуединстве свободы и собственности.

Одной из правовых теорий собственности является теория ее взаимосвязи с властью, возникшая как ответ на притязания быстро растущего класса буржуазии на власть. В соответствии с этой теорией наличие собственности у так называемого «третьего сословия» является основанием для его вхождения во власть. Для реализации этого на практике необходимо было сформировать избирательное законодательство и допустить указанное сословие к участию в выборах в органы власти. Считалось, что его представители, создавшие благополучие для себя и сумевшие управлять большим хозяйством, смогут также успешно руководить государственными делами.

Теория взаимосвязи собственности и власти получила чрезвычайную популярность в буржуазных странах и была закреплена в избирательном законодательстве в виде наличия имущественного ценза для участия в выборах. В России эта теория была воплощена на практике при выборах государственных дум в начале XX в.

Следует отметить, что данная теория в том или ином виде закреплена и в современном избирательном законодательстве. Речь идет об избирательных фондах кандидатов, в которых аккумулируются денежные средства, хотя и в ограниченных масштабах, направляемые на избирательные кампании. В Российской Федерации относительно финансирования избирательных кампаний для политических партий сделаны некоторые послабления, нивелирующие в определенной степени теорию собственности и власти. Так, в соответствии со ст. 33 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» осуществляется финансовая поддержка со стороны государства тех политических партий и кандидатов, выдвинутых политическими партиями, которые в ходе выборов набрали не менее трех процентов голосов избирателей, участвующих в выборах¹.

Проявлением теории взаимосвязи собственности и власти в Российской Федерации является наличие пропорциональной системы выборов в законодательные органы государственной власти, при которой крупные собственники, финансируя избирательные кампании, получают в партийных списках проходные места и становятся депутатами разных уровней. Однако здесь необходимо соблюдать разумный баланс собственности и власти с тем, чтобы не превратить законодательные органы в выразителей интересов крупной буржуазии и не потерять качество представительных органов власти как выразителей интересов многонационального народа России.

При всей значимости анализируемых правовых теорий собственности наибольшее влияние на современное законодательство оказывает теория социальной функции собственности. Основой ее появления стало формирующееся в разных странах гражданское общество с быстро растущим средним классом, который наиболее всего заинтересован в стабильности и эволюционном, а не революционном развитии общества и государства.

Суть указанной теории состоит в том, что собственность, независимо от ее принадлежности, должна работать на благо всех и выполнять социальную функцию. К ней уже нельзя относиться как к «священной и неприкосновенной». Собственность обязывает. Право собственности может быть ограничено общими интересами.

Теория социальной функции собственности тесно связана с идеями социального государства. В современном мире существует несколько моделей социального государства. Наиболее распространенными являются его либеральная и корпоративная модели [11, с. 345–346]. Либеральная модель предусматривает личную ответственность человека за себя и свою семью. Роль государства в ней сведена к минимуму. Социальная функция собственности здесь реализуется за счет личных сбережений и частных инвестиций. При этом государство должно создавать условия для роста личных доходов граждан. Данная модель используется во многих странах объединенного Запада и США. Нетрудно заметить, что она берет свое начало в принципах буржуазного индивидуализма, где каждый сам за себя. Коллективизм здесь не уместен.

В корпоративной модели главную роль играют коллективистские начала и повышенная роль государства в обеспечении социального благополучия граждан. В ней гражданам предоставляются различные социальные гарантии за счет страховых и иных отчислений от предприятий и организаций. За счет них формируется участие государства в пенсионном обеспечении граждан, медицинском обслуживании, образовании и т.д. Эта модель характерна для стран с социально ориентированной рыночной экономикой, куда можно отнести ФРГ и Российскую Федерацию. Так, европейское цивилистическое законодательство, начиная со старейшего французского и включая германское и современное итальянское, защищает права добросовестного приобретателя вещи от неуправомоченного лица².

В конституциях и законодательстве таких государств на первое место выходит социальная функция собственности, когда она обязывает и используется во благо всех. В современной

¹ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2001. № 29. Ст. 2950.

² Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon). Гл. III. О защите права владения. Ст. 2279 / пер. с фр. В. Н. Захватаевой. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 525.

России до осознания этого прошло более десяти лет. В 90-е гг. XX в. упор делался на либеральные концепции собственности, хотя и при декларировании на конституционном уровне идей социального государства [12, с. 302]. В начале XXI в. в российском законодательстве и в правоприменительной практике начала преобладать теория социальной функции собственности, которая стала определяющей в реализации принципов социального государства.

Рассматривая правовые теории собственности, нельзя не сказать о теории триады прав собственника, имеющей свое законодательное закрепление в гражданском и конституционном праве. Речь идет о владении, пользовании и распоряжении собственностью. Хотя, по мнению отдельных ученых, эти правомочия собственника являются неполными и их можно увеличить до одиннадцати разных комбинаций [13, с. 125]. Но как бы то ни было, общепринятой является триада прав собственника. Остальные правомочия являются производными от нее.

Следует отметить, что указанная теория является универсальной как для конституционного, так и для гражданского права. Включение триады полномочий прав собственника в конституции и гражданское законодательство дает основание сделать вывод об абсолютности прав собственности даже при возможности их ограничения при определенных условиях. При этом данные ограничения должны быть соразмерны конституционно значимым целям, должны вытекать из принципов социального государства, прав и законных интересов других лиц. Вместе с тем, как отмечают современные исследователи, включение дополнительных правомочий (помимо классической триады) требует глубокой теоретической проработки. Особую значимость приобретает вопрос об объеме реализации правомочий, который регулируется положениями п. 2 ст. 209 ГК РФ, наделяющими собственника правом осуществлять любые законные действия в отношении его имущества при условии соблюдения прав других лиц [14, с. 32].

Свое влияние на законодательство разных стран оказала также социалистическая теория форм собственности. В XX в. данная теория имела хождение в социалистических странах. В ней обосновывалась ведущая роль государственной формы собственности при фактическом отсутствии частной.

Социалистическая теория форм собственности строилась на марксистском учении о социально-экономических формациях и в этой связи не могла быть признана юридической категорией. В этой теории отсутствуют правомочия собственника, а собственность в силу абсолютного преобладания ее государственной формы не могла быть объектом правоотношений. В таком виде данная теория была чисто идеологической конструкцией.

Следует отметить, что социалистическая теория форм собственности после крушения социализма продолжила свое существование уже без ее идеологической составляющей в конституциях и законодательстве постсоциалистических государств. В них формы собственности уже не связывались с общественно-экономическими формациями, а вытекали из признания государственной, частной, муниципальной и иных форм собственности. Этой конструкцией признавались правомочия собственника, хотя и абстрактного, – государства, муниципалитета, физического или юридического лица. Здесь формы собственности указывали не на социалистическую формацию, а на правовой режим имущества. Отсюда формы собственности следует отнести не к идеологическим, а к юридическим категориям. Следовательно, социалистическая теория собственности была приспособлена к новым реалиям и приобрела своеобразные гибридные формы, сочетающие отжившее старое с формирующимся новым.

Анализ конституции и законодательства Российской Федерации показывает, что в них используются различные правовые теории собственности, существовавшие в разные периоды человеческой истории: от либеральной до социалистической теории собственности, включая триаду прав собственника.

Так, согласно ст. 8 Конституции РФ признаются и равным образом защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Однако признание многообразия форм собственности (по трем ключевым ее субъектам) не исключает того, что в основе российского общества лежат начала все же частной собственности [15, с. 142]. В соответствии со ст. 35 Конституции РФ право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как

единолично, так и совместно с другими. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Эти положения Конституции РФ указывают не только на использование социалистической теории форм собственности и триады прав собственника, но и на наличие либеральной теории собственности. Права собственника без закрепления его обязанностей указывают на отношение к собственности как «священной и неприкосновенной» и на ее абсолютный характер.

Наличие в Конституции РФ принципов социального государства подчеркивает нормативное закрепление в ней теории социальной функции собственности [2, с. 52]. Отсюда собственность является мощным стимулом не только экономического, но и социального развития государства и общества.

Главный критерий отнесения собственности к межотраслевым институтам обусловлен ее функциональной ролью, связанной с регулированием, организацией и управлением в различных отраслях. Поскольку право собственности оказывает влияние на несколько отраслей, выполняет регулирующую, координирующую и стандартизирующую функции, имеет важное системное значение как для экономики, так и для социальной сферы, его по справедливости можно отнести к межотраслевым институтам. Кроме того, собственность служит основанием для дальнейшего развития и конкретизации системных связей между отраслями, а не является локальной или временной мерой.

Таким образом, анализ Конституции РФ позволяет сделать вывод о том, что ее нормативные положения о собственности в своей основе имеют несколько наиболее распространенных правовых теорий собственности, возникших в разные исторические периоды – либеральную теорию собственности, теорию социальной функции собственности, теорию триады прав собственника, социалистическую теорию собственности. Применение их в совокупности указывает на переходный характер российского общества, находящий свое закрепление в Конституции РФ.

Список литературы

1. Бондаренко Ю. В. К вопросу о социализации института собственности в римском праве // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 25–27. doi: [10.47643/1815-1329_2023_6_25](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_6_25) EDN: [HDZUAT](#)
2. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории : монография. Екатеринбург : Институт частного права, 2006. 128 с. EDN: [SIOQPN](#)
3. Андреев П. П. Соотношение понятий социальное государство, социальная защита, социальные риски, социальное обеспечение // Проблемы обеспечения прав и интересов личности в России : сб. ст. Всерос. конф. (г. Владимир, 16 декабря 2004 г.). Владимир : Изд-во Владимир. ун-та, 2005. С. 52–54.
4. Гребенников В. В. Собственность как экономическая основа формирования гражданского общества в России : монография. М. : Юркомпани, 2009. 270 с. EDN: [QTMETT](#)
5. Камышанский В. П. Право собственности: пределы и ограничения. М. : РГБ, 2000. 301 с. EDN: [QWXTTP](#)
6. Кутафин О. Е. Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации. М. : Проспект, 2004. 405 с.
7. Мазаев В. А. Понятие и конституционные принципы публичной собственности. М. : Ин-т права и публ. политики, 2004. 95 с. EDN: [QVYKMV](#)
8. Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М. : Юрид. лит., 1991. 238 с.
9. Гошуляк В. В. Собственность в конституционном измерении. М. : Юрлитинформ, 2012. 215 с. EDN: [QSNQBF](#)
10. Андреева Г. Н. О влиянии теорий собственности на ее конституционное регулирование // Журнал российского права. 2008. № 10 (142). С. 124–131. EDN: [NYJRSN](#)
11. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М. : Инфра-М, 2008. 544 с. EDN: [SDQPLV](#)
12. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение : монография. М. : Инфра-М, 2009. 384 с. EDN: [SDQPQV](#)
13. Скловский К. И., Брагинский М. И. Собственность в гражданском праве. М. : Статут, 2010. 892 с. EDN: [QRTUDT](#)

14. Габдуллина А. Р. Соотношение категорий собственности и права собственности // Аграрное и земельное право. 2025. № 5. С. 31–32. doi: [10.47643/1815-1329_2025_5_31](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_31) EDN: CSGCEC
15. Гончаров И. А. Конституционно-правовые основы института собственности: теоретический аспект // Образование и право. 2023. № 11. С. 141–148. doi: [10.24412/2076-1503-2023-11-141-148](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-11-141-148) EDN: DFRSTI

References

1. Bondarenko Yu.V. On the issue of socialization of the institution of property in Roman law. *Agrarnoye i zemelnoye pravo = Agrarian and land law*. 2023;(6):25–27. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1329_2023_6_25](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2023_6_25)
2. Alekseev S.S. *Pravo sobstvennosti. Problemy teorii: monografiya = Property rights. Theoretical issues: a monograph*. Ekaterinburg: Institut chastnogo prava, 2006:128. (In Russ.)
3. Andreev P.P. The relationship between the concepts of welfare state, social protection, social risks, and social security. *Problemy obespecheniya prav i interesov lichnosti v Rossii: sb. st. Vseros. konf. (g. Vladimir, 16 dekabrya 2004 g.) = Problems of ensuring the rights and interests of the individual in Russia: proceedings of the All-Russian conference (Vladimir, December 16, 2004)*. Vladimir: Izd-vo Vladimir. un-ta, 2005:52–54. (In Russ.)
4. Grebennikov V.V. *Sobstvennost' kak ekonomicheskaya osnova formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii: monografiya = Property as an economic basis for the formation of civil society in Russia: a monograph*. Moscow: Yurkompani, 2009:270. (In Russ.)
5. Kamyshanskiy V.P. *Pravo sobstvennosti: predely i ogranicheniya = Ownership: limits and restrictions*. Moscow: RGB, 2000:301. (In Russ.)
6. Kutafin O.E. *Neprikosnovennost' v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii = Immunity in the constitutional law of the Russian Federation*. Moscow: Prospekt, 2004:405. (In Russ.)
7. Mazaev V.A. *Ponyatie i konstitutsionnye printsipy publichnoy sobstvennosti = The concept and constitutional principles of public property*. Moscow: In-t prava i publ. politiki, 2004:95. (In Russ.)
8. Sukhanov E.A. *Leksii o prave sobstvennosti = Lectures on property rights*. Moscow: Yurid. lit., 1991:238. (In Russ.)
9. Goshulyak V.V. *Sobstvennost' v konstitutsionnom izmerenii = Property in the constitutional dimension*. Moscow: Yurlitinform, 2012:215. (In Russ.)
10. Andreeva G.N. On the influence of the theory of property on its constitutional regulation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2008;(10):124–131. (In Russ.)
11. Kutafin O.E. *Rossiyskiy konstitutsionalizm = Russian constitutionalism*. Moscow: Infra-M, 2008:544. (In Russ.)
12. Lukasheva E.A. *Chelovek, pravo, tsivilizatsiya: normativno-tsennostnoe izmerenie: monografiya = Man, law, civilization: normative-value dimension: monograph*. Moscow: Infra-M, 2009:384. (In Russ.)
13. Sklovskiy K.I., Braginskiy M.I. *Sobstvennost' v grazhdanskom prave = Property in civil law*. Moscow: Statut, 2010:892. (In Russ.)
14. Gabdullina A.R. The relationship between categories of property and property rights. *Agrarnoye i zemelnoye pravo = Agrarian and land law*. 2025;(5):31–32. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1329_2025_5_31](https://doi.org/10.47643/1815-1329_2025_5_31)
15. Goncharov I.A. Constitutional and legal foundations of the institution of property: theoretical aspect. *Obrazovaniye i pravo = Education and law*. 2023;(11):141–148. (In Russ.). doi: [10.24412/2076-1503-2023-11-141-148](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-11-141-148)

Информация об авторах / Information about the authors

В. В. Гошуляк – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, директор Юридического института, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8648-4664>

Ш. Г. Сеидов – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5284-3503>

V.V. Goshulyak – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Law, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8648-4664>

Sh.G. Seidov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5284-3503>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /

The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 19.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

EDN: EYVGLP

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-2

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Алексей Роальдович Еремин

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,
Саранск, Россия

eralro@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность темы определяется ее научно-теоретической и практической значимостью. В научно-теоретическом плане она обуславливается относительной новизной данного института конституционного права, требующего научного осмысления и применения в практической деятельности органов публичной власти. В практическом плане изучение данной проблемы позволит более четко определять содержание, цели и задачи публичной власти в Российской Федерации. Цель исследования состоит в попытке рассмотрения дискуссионных вопросов публичной власти в Российской Федерации. *Материалы и методы.* Использованы широкий круг современной научной литературы и наработки теоретико-правовой науки в части содержания, признаков и форм публичной власти. В качестве методов исследования применены логический, исторический, сравнительно-правовой методы, метод анализа и синтеза. *Результаты.* Обоснована позиция автора относительно дискуссионных вопросов публичной власти, определены ее характерные черты, особенности и формы. *Выводы.* Сделан вывод о том, что понятие и содержание признаков публичной власти носят дискуссионный характер. Несмотря на внедрение данной правовой категории в формулировки правовых норм отечественного права, законодатель не закрепил легального определения понятия публичной власти. Дано определение, охарактеризованы сущность и природа публичной власти, показаны ее цель и функции. Рассмотрены признаки публичной власти. Исследованы формы ее осуществления.

Ключевые слова: публичная власть, формы публичной власти, государственная власть, муниципальная власть

Для цитирования: Еремин А. Р. Теоретико-правовые проблемы определения публичной власти // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 13–24. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-2 EDN: EYVGLP

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

LEGAL PROBLEMS OF DEFINING PUBLIC AUTHORITY

Aleksei R. Eremin

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

eralro@mail.ru

Abstract. *Background.* The relevance of the topic is determined by its scientific, theoretical and practical significance. In scientific and theoretical terms, relevance is determined by the inherent novelty of this institution of constitutional law, which requires scientific understanding and application in the practical activities of public authorities. In practical terms, the study of this problem will make it possible to more clearly define the content, goals and objectives of public authorities in the Russian Federation. The purpose of the article is to attempt to consider controversial issues of public authority in the Russian Federation. *Materials and methods.* The article uses a wide range of modern scientific literature and methods of theoretical and legal science in terms of the content, signs and forms of public authority. As research methods, logical, historical, comparative legal methods, a method of analysis and synthesis were used. *Results.* The article substantiates the author's position on the controversial issues of public authority, defines its characteristic features and forms. *Conclusions.* It was concluded that the concept and content of signs of public authority are debatable. Despite the introduction of this legal category in the wording of the legal norms of domestic law, the legislator did not consolidate the legal definition of the concept of public authority. The definition is given, the essence and nature of public authority are characterized, its purpose and functions are shown. Signs of public authority are considered. The forms of exercising public authority have been investigated.

Keywords: public authority, forms of public authority, state power, municipal power

For citation: Eremin A.R. Legal problems of defining public authority. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):13–24. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-2

Понятие публичной власти не является новеллой для современной отечественной правовой и государственной системы, данный термин традиционно активно используется учеными в своих исследованиях в сфере теории государства и права, при анализе проблем правового регулирования и деятельности как государственного механизма в целом, так и отдельных его элементов. В последнее время рассматриваемая категория постепенно из сугубо теоретического понимания преобразовалась в правовой термин, применяемый законодателем при нормативной регламентации деятельности государственных институтов. Вместе с тем ни один законодательный акт не раскрывает его определения, не был устранен указанный пробел и после принятия поправок к Конституции РФ, внедривших понятие публичной власти в текст конституционно-правовых норм. При этом вряд ли следует считать, что содержание данного понятия является очевидным как для правоприменителей, использующих важнейшие нормы в сфере государственного права для разрешения определенной юридической ситуации, так и для субъектов различных правоотношений, ориентирующихся на указанные нормы в целях соблюдения и исполнения требований законодательства, использования их для достижения того или иного правового результата. Не является однозначно определенным и подход, применяемый учеными-правоведами в своих научных исследованиях при определении содержания и признаков рассматриваемого понятия. Это свидетельствует о необходимости более детального

рассмотрения публичной власти как государственно-правовой категории, а также основных характеризующих ее признаков.

Следует отметить, что, несмотря на дискуссионный характер подходов к определению понятия публичной власти, анализ позиций многих исследователей позволяет выделить некоторые общие черты. Так, достаточно многочисленная группа ученых разделяет позицию, согласно которой публичная власть является разновидностью, формой социальной или общественной власти. Например, Ю. Ю. Сорокин под публичной властью понимал такой вид общественной власти, которая осуществляется в обществе, оформившемся в системную организацию на определенной территории, в целях удовлетворения общезначимых интересов исходя из общепринятой системы ценностей. Автор в качестве основной функции публичной власти указывает ведение общих дел и разрешение общезначимых проблем, в которых презюмируемо заинтересованы все или большинство членов общества. Этот признак отличает данный вид власти от личной или корпоративной [1, с. 45]. Некоторые авторы критически относятся к подобному подходу, отмечая, что специфика общественных отношений, применительно к которым исследуется термин публичной власти, не позволяет выделять какие-либо другие виды власти, поскольку никакие другие субъекты не наделены законом правом на применение принуждения в отношении субъектов общественных отношений [2, с. 117]. Представляется, подобную критику нельзя признать безапелляционной, поскольку рассматриваемые категории являются предметом изучения теоретико-правовых наук, не отрицающих объективную возможность существования власти в других формах, в том числе и социальной. Выделение же публичной власти как одной из форм власти вообще обусловлено рядом характерных именно для нее признаков.

Ряд исследователей наделяет понятие публичной власти более широким значением, выходящим за пределы одной лишь государственной власти, отмечая, что публичная власть есть высшая форма коллективной власти как организованная система всеобщего участия членов общества в ведении общих дел и выполнении общезначимых функций [3, с. 69]. В основе данного подхода лежит понимание власти как деятельности, исходящей от всего общества в целом, осознанной и целенаправленной, что во многом характеризует демократическую форму осуществления власти. Отдельные авторы рассматривают публичную власть как неотъемлемый элемент гражданского общества, некоторые институты которого хотя и не наделены властью формально, играют важную роль в осуществлении власти государственной, регулировании общественных отношений, оказывают влияние на течение государственно-правовых процессов [4, с. 161].

В противовес данному подходу другие авторы утверждают, что при уяснении содержания публичной власти необходимо руководствоваться нормами действующего законодательства, а также правовой позицией судебных органов. В качестве примера данные ученые указывают, в частности, на решения Конституционного Суда РФ, отметившего, что публичная власть состоит из органов государственной власти различных уровней и муниципальной власти¹ и расширительному толкованию рассматриваемое понятие не подлежит [5, с. 5]. В качестве еще одного примера законодательного разграничения сущности общественных институтов и публичной власти авторы также приводят нормы Градостроительного кодекса РФ, в котором отдельно друг от друга закрепляются общественные обсуждения и публичные слушания.

В связи с этим, как указывает И. В. Упоров, не является оправданным отнесение к субъектам публичной власти таких институтов, как политические партии, общественные организации и объединения, и прочих политических и общественных институтов, которые хотя в определенной степени и влияют на осуществление публичной власти, не являются ее структурным элементом, поскольку лишены такого основообразующего признака, характерного для

¹ По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 г. «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»: постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22878/ (дата обращения: 31.08.2025).

публичной власти, как право издавать в отношении неопределенного круга лиц общеобязательные нормы поведения. Также автор отрицает возможность наделения статусом элемента публичной власти такой правовой субстанции, как народ, возвышающийся над публичной властью, но не входящий в ее систему. Народ посредством своего волеизъявления формирует власть с помощью институтов – выборов и референдума. Именно с этой позиции, по мнению ученого, необходимо толковать конституционное положение о народе как источнике власти. Вместе с тем он отмечает, что публичная власть характерна для любого государства, находящегося на любом этапе исторического развития, независимо от стабильности и уровня демократизма политической и государственной системы, наличия кризиса или благополучия.

Согласно позиции Ю. В. Ирхина, осуществление публичной власти происходит посредством целенаправленной и волевой деятельности субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями, к числу которых относятся как индивидуальные субъекты – физические должностные лица (президент, министр, глава органа местного самоуправления), так и коллективные субъекты (законодательный или исполнительный орган, судебная коллегия). С этой позиции публичная власть рассматривается как легитимная *a priori*, поскольку осуществляется субъектами, наделенными соответствующей компетенцией и полномочиями в соответствии с законодательством, издаваемым правотворческими органами, формируемыми непосредственно или опосредованно через волеизъявление народа [6, с. 132].

В свою очередь С. А. Авакьян проводит тождество между категориями публичной и политической власти, имея в виду, что указанная власть направлена на регулирование отношений в обществе в целом, адресована самому широкому кругу субъектов в границах конкретного государства. Кроме того, автор указывает, что политическая власть осуществляется посредством не только государственно-властной деятельности уполномоченных органов, но и работы иных институтов политической системы общества, которые так или иначе оказывают воздействие на политико-правовые процессы в обществе. А одной из основополагающих характеристик публичной власти ученый называет ее осуществление в интересах всего общества, на благо всего народа, который, в свою очередь, выступает важнейшей предпосылкой для формирования и осуществления публичной власти, поскольку ведение общих дел не может идти вопреки воле народа и не ориентироваться на его интересы и ожидания [7, с. 7].

Исходя из анализа рассмотренных научных позиций, можно сформулировать определение публичной власти, под которой необходимо понимать властно-волевою деятельность элементов государственного аппарата, непосредственно или опосредованно формируемых через волеизъявление народа, обладающих установленными законом полномочиями, правом издавать указания, распоряжения, обязательные для неопределенного круга лиц, обеспечивать соблюдение и исполнение установленных правил, а также применять меры государственного принуждения с целью удовлетворения общезначимых для общества интересов.

Рассмотрим характеристику основных признаков публичной власти.

К числу наиболее важных аспектов, характеризующих сущность и природу публичной власти, относится ее предназначение, цель существования, заключающаяся в удовлетворении и обеспечении общих потребностей членов общества, народа, что подчеркивал Р. Иеринг [8, с. 41]. Исследователи-правоведы советского периода предлагали более развернутую характеристику общего интереса, к которому относились различные блага в виде стабильности экономической системы и экономических отношений, поддержание порядка, упорядоченность и организованность различных сфер общественной жизни, защита независимости и внешней и внутренней безопасности государства и т.д. [9, с. 31]. Ряд исследователей полагают, что необходимо разграничивать общие интересы и публичные. Так, Ю. А. Тихомиров отмечает, что публичный интерес – это такое благо, которое признано государством и поставлено под охрану закона, а его обеспечение является важнейшей предпосылкой поддержания жизнедеятельности государства [10, с. 52]. Указанную позицию разделяет И. П. Упоров: усложнение структуры общества и общественных отношений, преобразование форм государственности постепенно обуславливали отделение общественного интереса от государственного, публичного интереса, который уже не может охватывать и обеспечивать интересы отдельных социальных

групп в полном объеме, однако государство, в частности демократическое, стремится создать систему институтов и механизмов, органов и учреждений, деятельность которых будет направлена на удовлетворение частных интересов отдельных слоев общества [11, с. 122]. Ряд авторов к числу основных целевых функций публичной власти относят функцию арбитра в широком значении, отмечая, что государство в лице системы судебных органов стремится обеспечить разрешение споров и конфликтов различных субъектов на основе соблюдения баланса интересов сторон [12, с. 51].

Следует отметить, что весьма неопределенно и неоднозначно разрешается исследователями вопрос о содержании и соотношении целей и функций публичной власти. В научной литературе данные категории нередко смешиваются, наделяются одинаковым значением, порой отождествляются с целями и функциями государства. Встречаются позиции авторов, разграничивающих указанные понятия. Например, И. В. Яблонский в качестве цели публичной власти выделяет реализацию и защиту публичных интересов, а основной функцией называет управление социальными процессами для придания им упорядоченного характера в том числе посредством юридической регламентации поведения субъектов, координацию и объединение усилий различных субъектов в направлении, обеспечивающем более полное удовлетворение публичных интересов [11, с. 122].

Следующий признак публичной власти – законность и легитимность. Относительно содержания данного признака в научно-правовой литературе также не имеется единства взглядов. По мнению многих авторов, законность власти проявляется в том, что элементы государственного механизма осуществляют публичную власть на основании и в соответствии с требованиями действующего законодательства [13, с. 489].

Под легитимностью власти чаще всего понимают признание большинством членов общества законности и правомерности действующей власти в конкретный период времени [14, с. 151]. Подобного мнения придерживается и Н. А. Баранов, отмечая, что легитимность власти обуславливается признанием членами общества ее права управлять ими [15, с. 51]. Другие авторы считают, что власть является легитимной, когда большинство членов общества добровольно признают за властвующим режимом право на издание общеобязательных для исполнения предписаний [16, с. 38]. В свою очередь Ю. А. Тихомиров обращает внимание на признак признания власти именно большинством членов общества, поскольку вряд ли в истории государства и права найдется пример признания власти абсолютным большинством ее членов, некоторые из которых в действительности также могут считать власть нелегитимной [17, с. 45]. Единственным правомерным способом придания легитимного характера власти многие исследователи называют реализацию субъективного избирательного права, предоставленного всем членам общества независимо от расовых, национальных, социальных, религиозных и иных признаков, вследствие чего большинство членов общества выражают свое волеизъявление на осуществление тем или иным режимом своей политической власти и отправление публичных функций и полномочий [18, с. 81]. В литературе встречается позиция, согласно которой сама постановка вопроса о незаконности власти является некорректной в силу того, что любая власть, даже неправовая в широком значении, стремится хотя бы внешне формализовать и законодательно закрепить свой статус [11, с. 123]. Ряд авторов исследуют проблему легитимности власти в современном мире через призму реальной всеобщности признания за ней ее властно-публичных полномочий, отмечая, что действительная легитимация власти невозможна там, где народ не принимает активного участия в политической жизни общества, не осознает своей личной ответственности за протекающие политические и социальные процессы либо государство не создает эффективных и действующих демократических институтов, посредством которых население привлекается к участию в управлении делами государства [18, с. 82]. В этой связи рассматривается актуальная для современной российской государственности проблема крайне низкой явки избирателей на выборы во многих регионах страны. При этом с законодательной точки зрения легитимность власти не отрицается, поскольку соблюдается установленный законом минимальный порог голосов, однако в действительности всеобщность одобрения и принятия режима и власти остается под сомнением [19, с. 192].

Еще одним признаком публичной власти является ее целостность и иерархичность. Публичная власть осуществляется только в пределах существующих границ государства, а ее государственное устройство и распределение между различными уровнями закрепляется законодательно исходя из особенностей исторического развития, совокупности различных факторов, обуславливающих необходимость создания такой структуры публичной власти, при которой достижение ее основного предназначения будет осуществляться с большей эффективностью. В большинстве случаев публичная власть оставляет за собой право принимать общеобязательные решения по ключевым вопросам государственной и общественной жизни, при этом не исключается возможность делегирования, передачи отдельных полномочий иным уровням власти, в том числе органам местного самоуправления, если это также обусловлено соображениями эффективности публичного управления. Иерархичность власти предполагает широко разветвленную структуру, элементы которой осуществляют свои полномочия в пределах закрепленного законом круга вопросов, т.е. в пределах своей компетенции, а также находятся в отношении подчинения нижестоящих элементов вышестоящим. При этом вышестоящие элементы не должны вторгаться в пределы компетенции нижестоящих звеньев иерархической системы в случае, если принятие решений по определенному кругу вопросов является прерогативой последних. Например, система публичной власти в Российской Федерации предполагает, что решения органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов не должны противоречить предписаниям федеральной власти, и издаваемые нормативно-правовые акты должны соответствовать нормам федерального законодательства. Вместе с тем, например, принятие устава муниципального образования находится в ведении лишь уполномоченных представительных органов муниципалитета, и вторжение в решение данного вопроса органов государственной власти является недопустимым [20, с. 8]. С одной стороны, федеральная власть вправе ограничивать полномочия властных структур нижестоящего звена, но вместе с тем не должна вмешиваться в осуществление полномочий, делегированных нижестоящим органам. Исследователи отмечают, что современное конституционное и государственно-правовое регулирование в России отражает тенденцию большей централизации власти, что подтверждают и принятые в 2020 г. поправки к Конституции РФ, внесшие изменения, в том числе в положения об организации местного самоуправления. Например, ст. 131 Конституции РФ была дополнена ч. 1.1, предусматривающей возможность органов государственной власти в установленных законом случаях участвовать в формировании органов муниципальной власти и назначении должностных лиц муниципального уровня. Формами такого участия могут являться формирование части конкурсной комиссии, уполномоченной рассматривать кандидатуры на должность главы муниципального образования или муниципальной администрации, органом исполнительной власти субъекта РФ; заявление высшего должностного лица субъекта РФ об удалении с должности главы муниципального образования в связи с действиями, нарушающими права и свободы человека и гражданина и т.д.

Следует отметить, что признак иерархичности публичной власти должен находиться в единстве с таким признаком, как ее целостность, которая не предполагает абсолютной монополизации власти и ее сосредоточения в каком-либо органе или должностном лице. По справедливому замечанию российского ученого И. А. Ильина, целостность и единство власти означают ее распределение между отдельными элементами государственного механизма, которые обязаны осуществлять работу на основе взаимодействия, согласованности и сотрудничества во благо достижения общегосударственных целей, а государственная власть являет собой аккумуляцию функций и полномочий всех органов [21, с. 126].

Следующим признаком публичной власти является наличие аппарата, состоящего из профессиональных администраторов. Осуществление публичных функций, достижение целей государства обеспечивается посредством координированной работы сложной системы организационно обособленных элементов государственного аппарата, обладающего закрепленным законом правовым статусом, соответствующими полномочиями и обязанностями, определенным объемом материально-технического обеспечения деятельности, вспомогательными службами. Непосредственное исполнение государственно-властных полномочий органом

государственной или муниципальной власти обеспечивается посредством работы должностных лиц, назначаемых на соответствующую должность либо избираемых населением. Она осуществляется на постоянной и профессиональной основе, предполагает наличие системы определенных требований к кандидатам на замещаемую должность, в частности к уровню профессиональных знаний, навыков, умений, квалификации, опыту работы, морально-деловым качествам и т.д.

Следующим признаком публичной власти, вытекающим из ее определения и производным от уже рассмотренных выше характеристик, является право на применение принудительного воздействия на субъектов – членов общества. Государственное принуждение направлено на обеспечение исполнения всеми субъектами установленных законом предписаний. Определение меры государственного принуждения должно осуществляться в строгом соответствии с законом. Это означает, что применяемые органами власти и должностными лицами меры не должны выходить за пределы действия правовой нормы, которая предполагает ту или иную меру принуждения; применение мер принуждения должно осуществляться лишь в тех целях, которые определены законом; цель их применения должна соответствовать условиям обстановки, обстоятельствам события; должностное лицо всегда должно стремиться к выбору наименее ограничивающей права и свободы граждан и организаций мере принуждения при наибольшей эффективности; должностное лицо обязано привести обоснованную мотивировку применяемых принудительных мер; применение мер принуждения должно осуществляться в порядке, определенном процессуальным и иным законодательством. Лишь при соблюдении данных требований возможно говорить о законности публичной власти как одном из базовых требований, условий существования демократического правового государства.

В научной литературе встречаются и иные характеристики и черты публичной власти, в частности методы осуществления, постоянность, ответственность публичной власти и ее отдельных представителей перед народом, обществом и государством. Эти и другие признаки в сумме создают представление о публичной власти как основополагающем государственно-правовом явлении и явлении правовой реальности, неотделимом от современного общества, обеспечивающем стабильность его жизнедеятельности, удовлетворение важнейших потребностей, выполнение основных государственных функций, достижение общего блага. Вместе с тем конкретные характеристики признаков публичной власти, формы ее осуществления не являются неизменными, а видоизменяются и трансформируются с учетом определенного этапа исторического развития общества и государства, национальных особенностей и состояния политического режима.

Современный уровень представлений о теории публичной власти, анализ действующего конституционного законодательства и практики его реализации указывают на то, что публичная власть в подлинной современной общественно-политической действительности реализуется через пять форм:

- 1) прямая публичная власть;
- 2) публичная государственная власть;
- 3) общественная (корпоративная) публичная власть;
- 4) публичная муниципальная власть;
- 5) международно-правовая (межгосударственная, надгосударственная) публичная власть [22, с. 31].

Прямая публичная власть (или публичная плебисцитная власть) осуществляется через институты непосредственной демократии и тем самым дает возможность властвования для самых широких слоев населения, обладающих политической активностью и правоспособностью, в силу чего ее можно поставить на первое место во всей системе публичных властеотношений. Именно на это указывает ч. 3 ст. 3 Конституции РФ, где сказано: «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы»¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 31.08.2025).

Составляющие эту подсистему публичной власти институты – выборы, референдумы, сходы граждан и другие институты непосредственной демократии – обеспечивают личное участие в осуществлении официальной и легитимной власти каждому гражданину как субъекту избирательного или референдумного права. Это свойство прямой публичной власти принципиально отличает ее от других форм публичной власти, и в частности от публичной государственной власти. Если в составе органов государственной власти «властвуют» на основе полномочий, полученных от избирателей, только отдельные представители народа, то круг возможных участников в сфере прямой публичной власти, которыми являются праводеееспособные граждане Российской Федерации, практически не ограничен, поскольку возможные ограничения могут иметь место лишь в исключительных, определенных законом случаях.

Публичная государственная власть обладает общими признаками публичной власти, такими как легитимный порядок создания и функционирования, осуществление власти через нормативно установленные организационные средства и в определенном законом порядке, комплексный характер осуществляемой деятельности, обязательность принимаемых властных решений для всех исполнителей, которым они адресованы. Но в то же время государственная власть имеет ряд особенностей. Во-первых, в отличие от прямой публичной власти государственная публичная власть имеет более четко выраженный политический характер, поскольку государственная организация общества составляет ядро политической системы и занимает в последней доминирующее положение. Во-вторых, только государство, защищая высшие интересы всех граждан, представляет все общество в отношениях с другими государствами и международными организациями. В-третьих, в отличие от других форм публичной власти государственная власть распространяется на все население страны в пределах юрисдикции данного государства как на своей территории, так и в отношении своих граждан за пределами собственной государственной территории, что вытекает из экстерриториальности института защиты и покровительства, установленного государством страны происхождения. В-четвертых, государственная власть самым существенным образом отличается от других форм публичной власти по методам ее осуществления. Используя методы как убеждения, так и принуждения, органы государства обладают исключительной прерогативой применения насилия. При этом органы государственной власти вправе использовать только законодательно установленные средства принудительного воздействия. Применение органами государственной власти принуждения по собственному усмотрению исключено. В-пятых, в отличие от прямой публичной власти государственная власть имеет специальный аппарат управления – госаппарат, реализующий властные функции. В-шестых, процесс осуществления государственной власти, если сравнивать ее с прямой публичной властью, является непрерывным во времени. В-седьмых, государственно-властные структуры самостоятельно формируют собственные бюджеты и устанавливают государственные налоги и сборы [23, с. 89].

Общественная (корпоративная) публичная власть есть официальная и легитимная власть институтов гражданского общества, в том числе и общественных объединений. Концепция широкого понимания корпоративной власти представляется более верной, поскольку узкий вариант, при котором общественная (корпоративная) власть представляет собой только власть общественных объединений, неоправданно сужает ее содержание [24, с. 25].

Возникновение и развитие данной формы публичной власти объективно предопределено тем, что, с одной стороны, существует неограниченное множество запросов, интересов и потребностей людей, которые нуждаются в их удовлетворении и разрешении, а с другой стороны, государство не в состоянии только своими средствами и силами достигать и решать все стоящие перед обществом цели и задачи. К тому же необходимость существования самих институтов гражданского общества детерминирована реальной и естественной потребностью людей в участии в политической жизни помимо государственных форм. Самостоятельность функционирования корпоративной публичной власти обусловлена и тем, что в соответствии со ст. 22 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 30 Конституции РФ, закрепляющими право на свободу ассоциаций и общественных объединений, государство имеет право регламентировать только порядок создания и устанавливать общие принципы

функционирования общественных формирований, а задачи, способы деятельности и территориальные пределы компетенции члены ассоциаций, объединений и союзов определяют самостоятельно. Соответственно, анализ и международно-правовых актов, и действующего российского законодательства показывает, что имеется солидная нормативно-правовая база для публичного и сопряженного с принятием обязывающих решений, регулирующих социальную жизнь общества, функционирования разнообразных общественных формирований людей. Убедительным примером самостоятельного решения общественными объединениями вопросов своей внутренней организационной деятельности может служить реализованное Общественной палатой РФ право определять процедуру выборов в ее члены представителей межрегиональных и региональных общественных объединений [25, с. 16].

Публичная муниципальная власть как самостоятельная разновидность публичной власти имеет целый ряд признаков, которые указывают на ее особую политико-правовую природу. В числе таких признаков представляется необходимым выделить следующие, которые доказывают, что местное самоуправление это:

1) инициативная форма самоорганизации и самоуправления людей в сфере местной социальной жизни; структуры муниципальной власти могут быть созданы только на основе волеизъявления граждан, а их образование в централизованном порядке законом не предусмотрено;

2) территориальная форма осуществления публичной власти на местах. Право создания муниципальных образований и реализации юридической возможности местного самоуправления принадлежит территориальным коллективам в пределах обозначенного пространства;

3) общественная форма осуществления народовластия. По своему генезису политико-правовая природа местного самоуправления не является государственной, поскольку его сущность составляют общественная инициатива и высокая организационная самодеятельность самого населения, самоопределение своих потребностей и самореализация их в практической деятельности, непосредственный контроль граждан за работой органов местной публичной власти;

4) самостоятельная система организации жизнедеятельности людей и решения местных дел. Право на самоопределение осуществляется членами территориальных сообществ исходя из их собственного усмотрения и независимо от государственных органов.

Население соответствующей территории решает вопросы местного значения не только самостоятельно, но и под свою ответственность.

Международно-правовая (межгосударственная, надгосударственная) публичная власть в отличие от всех других форм официальной публичной власти имеет место только в условиях наличия и взаимодействия двух правовых систем: национальной и международно-правовой, когда, с одной стороны, правовые нормы внутреннего законодательства суверенного государства допускают правовое регулирование общественных отношений на своей территории и в отношении своих граждан на основе норм международного права, а с другой стороны, имеются и действуют правовые акты международных органов и организаций, которые обеспечивают регулирование этих общественных отношений. Действующая Конституция РФ содержит все необходимые правовые основания для функционирования на территории нашего государства суверенно-государственной, межгосударственной, надгосударственной международно-правовой публичной власти.

Вторая существенная особенность организации и функционирования международно-правовой (межгосударственной, надгосударственной) публичной власти проявляется в том, что издаваемые субъектами этой формы публичной власти, например Советом Безопасности ООН, нормативные правовые акты автоматически не распространяют свою юридическую силу на все государства, для их применения на территории соответствующего суверенного государства по общему правилу требуется юридически выраженное согласие этого государства.

Важно отметить, что если в учредительных документах международной организации изначально не закреплено положение о том, что ее органы обладают наднациональными полномочиями, то и принимаемые этой организацией акты не будут иметь обязательной юридической силы для участвующих в ней государств. В этом случае необходима ратификация

суверенным государством каждого правового документа такой организации. Например, в ст. 1 Устава СНГ¹ прямо сказано, что это объединение государств не является новым государством и не обладает наднациональными полномочиями, поэтому решения Совета глав государств СНГ и других органов этого международного альянса имеют только рекомендательный характер.

Список литературы

1. Сорокин Ю. Ю. Публичная власть и интересы общества: проблемы взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2011. 213 с.
2. Новичков И. В., Штанулин Д. С., Алексеев В. С. Понятие публичной власти и ее система // Образование и право. 2023. № 12. С. 117–122. doi: [10.24412/2076-1503-2023-12-117-122](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2023-12-117-122) EDN: [CSZKRZ](https://esj.pnzgu.ru/edn/CSZKRZ)
3. Югов А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации : монография. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1999. 124 с. EDN: [JDQBBB](https://esj.pnzgu.ru/edn/JDQBBB)
4. Верещак А. Н. Публичная власть как элемент формирования гражданского общества // Проблемы эффективности публичной власти в Российской Федерации : сб. материалов науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2002 г.). Ростов н/Д. : Проф-Пресс, 2003. С. 161–163.
5. Упоров И. В., Шеуджен Н. А., Татлок А. К. Публичная власть: толкование и понятие (государственно-правовой аспект) // Право и практика. 2021. № 2. С. 5–10. doi: [10.24412/2411-2275-2021-2-5-10](https://doi.org/10.24412/2411-2275-2021-2-5-10) EDN: [PRWGVJ](https://esj.pnzgu.ru/edn/PRWGVJ)
6. Ирхин Ю. В. Политология : в 2 ч. Ч. 2. Теория политической науки. М. : Юрайт, 2023. 459 с. EDN: [BCRWNL](https://esj.pnzgu.ru/edn/BCRWNL)
7. Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7–13. doi: [10.51980/2542-1735_2018_4_7](https://doi.org/10.51980/2542-1735_2018_4_7) EDN: [YRJIDZ](https://esj.pnzgu.ru/edn/YRJIDZ)
8. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / пер. В. Р. Лицкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюжинского ; под ред. В. Р. Лицкого. СПб. : Н. В. Муравьев, 1881. 412 с.
9. Ким А. И., Барнашов А. М. Государственная власть в СССР : пособие по спецкурсу. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1980. 87 с.
10. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М. : Бек, 1995. 485 с. EDN: [QLJPJT](https://esj.pnzgu.ru/edn/QLJPJT)
11. Упоров И. В., Яблонский И. В. Признаки публичной власти // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 122–128. EDN: [ITTHNX](https://esj.pnzgu.ru/edn/ITTHNX)
12. Чиркин В. Е. Основы государственной власти. М. : Юристъ, 1996. 110 с.
13. Teaford J. C. Local Government // Princeton Encyclopedia of American Political History. 2009. № 1. P. 489–491. URL: https://archive.org/details/princetonencyclo0000unse_s2w2/mode/2up
14. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. М. : Логос, 1997. 540 с.
15. Баранов Н. А. Эволюция современной российской демократии: тенденции и перспективы : монография. СПб. : Балтийский государственный технический университет «Военмех», 2008. 275 с. EDN: [OXHUF5](https://esj.pnzgu.ru/edn/OXHUF5)
16. Калининченко А. А. Легитимность и делигитимация власти // Закон и право. 2019. № 1. С. 38–40. doi: [10.24411/2073-3313-2019-10005](https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10005) EDN: [YVNSHJ](https://esj.pnzgu.ru/edn/YVNSHJ)
17. Стародубский Б. А. Политические режимы европейских буржуазных стран. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 179 с.
18. Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Серия 3, Общественные науки. 2015. № 1 (137). С. 81–91. EDN: [ZLTCPP](https://esj.pnzgu.ru/edn/ZLTCPP)
19. Кобзарь-Фролова М. Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 192–203. doi: [10.19073/2658-7602-2021-18-2-192-203](https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-192-203) EDN: [EQNIGJ](https://esj.pnzgu.ru/edn/EQNIGJ)
20. Грачев Н. И. Публичная власть как политико-правовая категория: понятие, основные признаки и формы // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 4 (55). С. 8–19. doi: [10.25724/VAMVD.QTUV](https://doi.org/10.25724/VAMVD.QTUV) EDN: [HUADVC](https://esj.pnzgu.ru/edn/HUADVC)
21. Ильин И. А. Собрание сочинений : в 10 т. / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1994. Т. 4. 620 с.

¹ Устав Содружества Независимых Государств : принят Советом глав государств СНГ 22 января 1993 г. : ратифицирован Верховным Советом Российской Федерации 15 апреля 1993 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) : сетевое издание. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=203003567&collection=1&ysclid=mf06605p8r347903342 (дата обращения: 31.08.2025).

22. Мещеряков А. Н. Формы публичной власти в конституционном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 2 (64). С. 31–42. EDN: [ZTRODR](#)
23. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Органы государственной власти в современной России. М. : Дашков и К°, 2003. 365 с. EDN: [QVQYCP](#)
24. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория (теоретико-прикладной аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Уфа, 2003. 195 с. doi: EDN: [MDLOQV](#)
25. Югов А. А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 16–22. doi: [10.18572/1812-3767-2022-2-16-22](#) EDN: [KCFQTI](#)

References

1. Sorokin Yu.Yu. *Public authority and the interests of society: problems of interaction: PhD dissertation*. Moscow, 2011:213. (In Russ.)
2. Novichkov I.V., Shtanulin D.S., Alekseev V.S. The concept of public authority and its system. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2023;(12):117–122. (In Russ.). doi: [10.24412/2076-1503-2023-12-117-122](#)
3. Yugov A.A. *Pravovye osnovy publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: monografiya = Legal foundations of public authority in the Russian Federation: monograph*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. yurid. akad., 1999:124. (In Russ.)
4. Vereshchak A.N. Public authority as an element of the formation of civil society. *Problemy effektivnosti publichnoy vlasti v Rossiyskoy Federatsii: sb. materialov nauch.-prakt. konf. (g. Rostov-na-Donu, 28 noyabrya 2002 g.) = Problems of the effectiveness of public authority in the Russian Federation: proceedings of the scientific and practical conference (Rostov-on-Don, November 28, 2002)*. Rostov-on-Don: Prof-Press, 2003:161–163. (In Russ.)
5. Uporov I.V., Sheudzen N.A., Tatlok A.K. Public authority: interpretation and concept (state-legal aspect). *Pravo i praktika = Law and practice*. 2021;(2):5–10. (In Russ.). doi: [10.24412/2411-2275-2021-2-5-10](#)
6. Irkhin Yu.V. *Politologiya: v 2 ch. Ch. 2. Teoriya politicheskoy nauki = Political science: in 2 volumes. Part 2. Theory of political science*. Moscow: Yurayt, 2023:459. (In Russ.)
7. Avak'yan S.A. The structure of public authority in Russia: problems of formation and development. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(4):7–13. (In Russ.). doi: [10.51980/2542-1735_2018_4_7](#)
8. Iering R. *Tsel' v prave. T. 1 = The Purpose in Law. Vol. 1*. Translated by V.R. Litsky, N.V. Muravyov, N.F. Deryuzhinsky; edited by V.R. Litsky. Saint-Petersburg: N.V. Murav'ev, 1881:412. (In Russ.)
9. Kim A.I., Barnashov A.M. *Gosudarstvennaya vlast' v SSSR: posobie po spetskursu = State Power in the USSR: a handbook for a special course*. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 1980:87. (In Russ.)
10. Tikhomirov Yu.A. *Publichnoe pravo = Public law*. Moscow: Bek, 1995:485. (In Russ.)
11. Uporov I.V., Yablonskiy I.V. Signs of public authority. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2021;(4):122–128. (In Russ.)
12. Chirkin V.E. *Osnovy gosudarstvennoy vlasti = Fundamentals of state power*. Moscow: Yurist", 1996:110. (In Russ.)
13. Teaford J.C. Local Government. *Princeton Encyclopedia of American Political History*. 2009;(1):489–491. Available at: https://archive.org/details/princetonencyclo0000unse_s2w2/mode/2up
14. Gadzhiev K.S. *Vvedenie v politicheskuyu nauku = Introduction to political science*. Moscow: Logos, 1997:540. (In Russ.)
15. Baranov N.A. *Evolutsiya sovremennoy rossiyskoy demokratii: tendentsii i perspektivy: monografiya = The Evolution of modern Russian democracy: trends and prospects: monograph*. Saint-Petersburg: Baltiyskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet «Voenmekh», 2008:275. (In Russ.)
16. Kalinichenko A.A. Legitimacy and delegitimization of power. *Zakon i pravo = Law and right*. 2019;(1):38–40. (In Russ.). doi: [10.24411/2073-3313-2019-10005](#)
17. Starodubskiy B.A. *Politicheskie rezhimy evropeyskikh burzhuaiznykh stran = Political regimes of European bourgeois countries*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989:179. (In Russ.)
18. Kerimov A.A. Legitimacy of political power: problems of definition and basic theoretical models. *Izvestiya Uralskogo Federalnogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennyye nauki = Ural Federal University Bulletin. Series 3, Social Sciences*. 2015;(1):81–91. (In Russ.)

19. Kobzar'-Frolova M.N. The system of public authorities of the Russian Federation: concept, characteristic features, interaction. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian law review*. 2021;18(2):192–203. (In Russ.). doi: [10.19073/2658-7602-2021-18-2-192-203](https://doi.org/10.19073/2658-7602-2021-18-2-192-203)
20. Grachev N.I. Public authority as a political and legal category: concept, main features and forms. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(4):8–19. (In Russ.). doi: [10.25724/VAMVD.QTUV](https://doi.org/10.25724/VAMVD.QTUV)
21. Il'in I.A. *Sobranie sochineniy: v 10 t. = Collected works: in 10 volumes*. Compiler, introductory article, and commentary by Yu.T. Lisitsa. Moscow: Russkaya kniga, 1994;4:620. (In Russ.)
22. Meshcheryakov A.N. Forms of public authority in the constitutional law of Russia. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*. 2023;(2):31–42. (In Russ.)
23. Gabrichidze B.N., Chernyavskiy A.G. *Organy gosudarstvennoy vlasti v sovremennoy Rossii = Government bodies in modern Russia*. Moscow: Dashkov i Ko, 2003:365. (In Russ.)
24. Rachinskiy V.V. *Public authority as a general legal category (theoretical and applied aspect): PhD dissertation*. Ufa, 2003:195. (In Russ.)
25. Yugov A.A. Unified system of public authority: concept and general characteristics. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2022;(2):16–22. (In Russ.). doi: [10.18572/1812-3767-2022-2-16-22](https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-16-22)

Информация об авторе / Information about the author

А. Р. Еремин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории государства и права и международного права, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6826-7869>

A.R. Eremin – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory, History of State and Law and International Law, National Research Ogarev Mordovia State University, 68 Bolshevik street, Saransk, 430005. ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6826-7869>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 04.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аналитический обзор

УДК 341

EDN: CCLZGS

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-3

АМЕРИКАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ АМЕРИКАНИСТИКИ

Алексей Юрьевич Саломатин¹, Шахрутдин Гаджиалиевич Сеидов²,
Екатерина Владимировна Наквакина³

^{1, 2, 3}Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹valeriya_zinovev@mail.ru

²tabaris@mail.ru

³katrion84@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Американистика, начиная с 1950-х гг., т.е. с периода активизации противостояния двух мировых гегемонов – США и СССР, становится одним из ведущих направлений в советских гуманитарных науках. При этом особым вниманием в рамках американистики пользуется государственно-правовая и политическая проблематика. В предлагаемом исследовании дается аналитический обзор основных трудов советской американистики, указываются их сильные и слабые стороны. *Материалы и методы.* Из обширного научного наследия выбраны, прежде всего, монографии, диссертации и в отдельных случаях статьи, выполненные в основном на главных научных площадках страны того времени. Используются методы критического анализа, сравнения, применяется выборочное обсуждение отдельных работ. *Результаты.* Констатируется, что во многом работы советской американистики посвящены значимым историческим юбилеям – 100-летию Гражданской войны, 200-летию начала Войны за независимость, 200-летию принятия Конституции США. Вместе с тем рассматривались и безусловно значимые темы «без привязки» к историческим датам: развитие капитализма в домонополистическую эпоху, состояние общественного сознания в конце XIX в. в связи с развитием государственной экспансии, фермерское движение и реакция на него государства. Огромным достижением советской американистики в 1980-е гг. становится исследование двухпартийной системы в США, которое оказывает на государство кардинальное влияние. *Выводы.* При всех несомненных успехах советская американистика была несвободна от идеологических иллюзий, исходя из ключевой роли рабочего движения и компартии США, неадекватной интерпретации негритянского вопроса, избыточного внимания к внешней политике. Вместе с тем советские американисты внесли не только научный, но и информационно-пропагандистский вклад в познание советскими людьми чужой и далекой для них страны.

Ключевые слова: изучение США в СССР, государственно-политическая проблематика советской американистики, американисты Московского государственного университета, американистика в Институте всеобщей истории Академии наук СССР, Институт США и Канады Академии наук СССР, идеологические иллюзии советской американистики

Для цитирования: Саломатин А. Ю., Сеидов Ш. Г., Наквакина Е. В. Американское государство и политические партии в зеркале советской американистики // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 25–38. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-3 EDN: CCLZGS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Analytical review

THE AMERICAN STATE AND POLITICAL PARTIES IN THE MIRROR OF SOVIET AMERICAN STUDIES

Aleksei Yu. Salomatin¹, Shakhmutdin G. Seidov², Ekaterina V. Nakvakina³

^{1, 2, 3}Penza State University, Penza, Russia

¹valeriya_zinovev@mail.ru

²tabaris@mail.ru

³katrion84@mail.ru

Abstract. *Background.* Beginning in the 1950s, i.e., with the intensification of the confrontation between the two global hegemonies – the USA and the USSR – American studies became one of the leading fields in the Soviet humanities. Within American studies, particular attention was paid to issues of state, law, and politics. This article provides an analytical review of the main works of Soviet American studies, highlighting their strengths and weaknesses. *Materials and methods.* From the extensive scholarly legacy, this study primarily focuses on monographs, dissertations, and, in some cases, articles, written primarily at the country's key academic venues of the time. Critical analysis and comparison are employed, along with a selective discussion of individual works. *Results.* It is established that Soviet American studies largely devoted its work to significant historical anniversaries – the 100th anniversary of the Civil War, the 200th anniversary of the start of the Revolutionary War, and the 200th anniversary of the adoption of the US Constitution. At the same time, it also explored topics of unquestionable significance "without reference" to historical dates: the development of capitalism in the pre-modern era, the state of public consciousness in the late 19th century in connection with the development of state expansion, the farmers' movement, and the state's response to it. A major achievement of Soviet American studies in the 1980s was the study of the two-party system in the United States, which had a fundamental impact on the state. *Conclusions.* Despite its undeniable success, Soviet American studies was not free of ideological illusions, stemming from the key role of the labour movement and the American Communist Party, an inadequate interpretation of the Black question, and an excessive focus on foreign policy. At the same time, Soviet Americanists contributed not only academically but also through informational and propaganda efforts to Soviet people's understanding of a country that was foreign and distant to them.

Keywords: US studies in the USSR, state and political issues in Soviet American studies, Americanists at Moscow State University, American studies at the Institute of General History of the USSR Academy of Sciences, Institute of the USA and Canada of the USSR Academy of Sciences, ideological illusions of Soviet American studies

For citation: Salomatin A.Yu., Seidov Sh.G., Nakvakina E.V. The American state and political parties in the mirror of Soviet American studies. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(1):25–38. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-3

Американистика – комплексное научное направление, изучающее жизнь заатлантической республики во всех ее проявлениях: в государственно-правовой и политической, экономической и социальной, культурной, религиозной и других сферах. Невозможно в рамках одной статьи дать обзор ее развития во всех аспектах. Кроме того, более интересен узко сфокусированный анализ. Государственная и политическая жизнь США популярна у российских исследователей не случайно: она наиболее заметна, а с другой стороны, очень актуальна,

поскольку объясняет метаморфозы в развитии самой амбициозной страны мира и предупреждает о смене ее курса.

В российской науке имеется крайне ограниченное число целенаправленных аналитических обзоров по советской американистике. Прежде всего, это обзор, подготовленный Э. А. Иваняном [1], и некоторые другие публикации [2, с. 259–277; 3, с. 77–92], а также обзоры по отдельным проблемам [4, с. 137–143; 5, с. 52–62]. Однако они не учитывают особенности современного момента развития, ухудшившиеся отношения с США по вине американской стороны. Требуется отказаться от нейтрально-благостных оценок рубежа тысячелетий и занять более критически взвешенную позицию.

Правомерно говорить, что отечественная американистика возникла как явление после Второй мировой войны, когда исследование США, превратившихся в супердержаву, подкреплялось практико-аналитическими и пропагандистскими потребностями. В 1950-е гг. было еще мало значимых работ, в 1960-е гг. их число увеличилось, а 1970–1980-е гг. стали временем расцвета. Активно изучается внешняя политика США в работах Н. Н. Болховитинова [6], Л. И. Зубока [7], Ю. М. Мельникова [8]. Комплексный анализ внутренней и внешней политики осуществляет В. И. Лан [9–11]. Л. И. Зубок – бывший член Компартии США и выпускник Пенсильванского университета (1922 г.), вернувшийся в 1924 г. в СССР – в 1950–1960-е гг. выпускает замечательные труды по внутренней политике и рабочему движению [12–13].

В 1960-е гг. советские американисты вместе со своими американскими коллегами отмечают 100-летие Гражданской войны в США [14–16]. К. Маркс и Ф. Энгельс возлагали на нее большие, но не оправдавшиеся надежды в плане развития революционного процесса. На самом деле в рамках марксистского концепта, видимо, необходимо исходить из следующего: для общественного развития первоочередное значение имеют не социально-экономические, а геополитические факторы, которые могут ускорить или затормозить социальные процессы, обострить или сгладить классовые противоречия. Мировой исторический опыт свидетельствует, что глубокие революции (не путать с дворцовыми переворотами и революционными выступлениями в столицах) происходят благодаря крайнему обострению обстановки в отсталых обществах или социумах, обремененных тяжелым наследием прошлого. Этого никогда не было в США, и это застраховывает страну от победы левого радикализма.

В связи со сказанным понятно, что качественные аналитические исследования истории государства и политической жизни не могут полностью отказаться от социально-экономических сюжетов, что мы и наблюдаем в книге А. В. Ефимова [17]. Монография построена необычно: первоначально автор рассматривает освоение переселенческого пространства, затем анализирует систему рабовладения, обслуживающую плантационное хозяйство, и промышленный переворот. Завершающим является раздел по государственной и политической истории. Автор фиксирует немало спорных моментов. Например, он, перечисляя различные точки зрения американских специалистов, справедливо не признает наличия феодализма в Северной Америке [17, с. 33–48]. Правда, он все же делает уступку своим оппонентам, говоря о «пережитках феодализма» «главным образом до Войны за независимость» [17, с. 330]. Также несколько прямолинейной выглядит попытка автора придать конфликту колоний с метрополией чисто экономическое содержание и разделить американскую элиту на тори и вигов, оценивая эти разногласия как «классовую борьбу» [17, с. 335, 380–382]. Главное же, марксистский догматизм мешает автору понять простую истину: Америка меньше всего была расположена к пролетарской революции. Его недоумение по поводу снижения размаха рабочего движения в начале XX в. и ничтожной численности американской компартии [17, с. 681] обосновано, но эти явления не могут быть объяснены в рамках марксистской парадигмы. И все же есть в работе А. В. Ефимова несомненные плюсы. Прежде всего, это статистически точное описание развития фонда общественных земель и сельского хозяйства, а также внимательное отношение к феномену промышленного переворота. Иными словами, социально-экономические сюжеты автором исследованы лучше, чем государственно-политические.

На 1970–1980-е гг. пришлось два историко-государственных юбилея, связанных с США, – начало Войны за независимость и разработка федеральной Конституции на конвенте в Филадельфии. Обе эти даты были отмечены серьезными исследованиями. Так, под редакцией Г. Н. Севостьянова вышла коллективная монография «Война за независимость и образование США», в которой участвовало 28 авторов (в том числе и специалисты по европейским странам) [18]. Эта монументальная и хорошо взвешенная в теоретическом отношении работа рассмотрела предпосылки войны и ход военных действий, деятельность американской дипломатии, воздействие войны на колониальное общество в Канаде, Вест-Индии, испанской Америке и даже в Ирландии. Авторский коллектив вышел за пределы обозначенного периода, затронув развитие США после заключения Парижского мира 1783 г., но этот шаг был логически обоснован. Другой вопрос, что весьма спорным сегодня является обозначение антиколониальной войны как революции. К сожалению, в марксизме, да и в буржуазной науке также, существует желание видеть в каждом более или менее значимом общественном событии насильственного плана революцию, что девальвирует данное понятие. Между тем революций в мировой истории было не так уж и много: таковыми, бесспорно, являлись Великая Французская революция, Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в России, которые демонтировали прежние социально-экономические отношения и поменяли состав элиты. Что же касается американской Войны за независимость, то она носила не столько классовый, сколько национально-освободительный характер.

Практически одновременно с коллективной вышла индивидуальная монография будущего академика А. А. Фурсенко [19], где спорный момент «революционности» Войны за независимость был еще более усилен. Явной передержкой, отрицающей сдержанный характер событий, в отличие от радикальных революционных процессов во Франции в 1789–1794 гг., является фраза: «Освободительная борьба сочеталась с движением за социально-экономические преобразования и ликвидацию старых порядков во всех сферах жизни колоний» [19, с. 6]. К сожалению или к счастью, но такого в Америке в действительности в конце XVIII в. не было.

Советские американисты отреагировали и на другую значимую историческую дату – 200-летие принятия Конституции США и образования федеративного государства. Во многом публицистическо-пропагандистские задачи решала коллективная монография под редакцией И. А. Геевского [20]: она проигнорировала анализ конкретных судебных дел. И наоборот, крайне полезной оказалась работа, построенная на судебных решениях и подготовленная исключительно учеными МГУ [21]. В. А. Савельев взял на себя труд раскрыть деятельность высших законодательных органов страны.

История Верховного Суда США была рассмотрена в трудах О. А. Жидкова [22] и З. М. Черниловского [23]. Среди прочих работ государствоведческого характера укажем на коллективный труд под редакцией А. С. Никифорова [24] и совместную работу А. А. Мишина и В. А. Власихина о Конституции США [25].

В советское время существовало три главных центра изучения США – исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, который активно сотрудничал с университетскими юристами, экономистами, филологами, журналистами, Институт США и Канады и Институт всеобщей истории в составе Академии наук. В МГУ душой американистских исследований стал профессор Н. В. Сивачев. Он был известен прежде всего как выдающийся специалист по истории рабочего движения США [26] и трудовых отношений в годы Второй мировой войны [27] и политической жизни 1930-х гг. [28].

Его коллега профессор И. П. Дементьев являлся признанным авторитетом в области зарубежной историографии Нового и Новейшего времени и историографии Гражданской войны в США, общественно-политической мысли США конца XIX в. Отметим особо его работу «Идейная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.)» [29]. Она носит во многом комплексный характер. С одной стороны, здесь даются очерки ведущих идеологов экспансии (Д. Фиске, Д. Барджеса, А. Мэхэна) и антиэкспансии (Э. Годкина, К. Шурца, Д. Хора, Р. Петтигру). С другой стороны, в книге показана роль печати в разжигании гегемонистских и милитаристских настроений – как журналов, так и газет.

Профессор Е. Ф. Язьков занимался вопросами фермерского движения в США после Первой мировой войны [30]. Он отмечает, что это был период перехода от экстенсивных методов ведения хозяйства к интенсивным, что побудило фермеров выступить с требованиями государственного регулирования сельскохозяйственных цен. Параллельно с этим наблюдалось движение за независимые политические действия, кульминацией которых стала президентская кампания 1924 г. Выдвижение давнего прогрессистского кандидата сенатора от Миннесоты Р. Лафоллета имело мало шансов, поэтому как ветеран американской политики он согласился не на создание третьей партии, а только на свое выдвижение как независимого кандидата. Очень жаль, что в книге Е. В. Язькова не был полностью представлен политический расклад на выборах 1924 г.: шансы Лафоллета увеличивали глубокие разногласия в демократической партии между «сельским» и «городским» крылом. Полученные им в ходе выборов 16,6 % голосов избирателей при исключительно низкой цифре электоральной поддержки демократов (28,8 %) говорят о высоком потенциале оппозиционности, сложившемся в Америке в это время. Лафоллет получил около трети и даже более голосов избирателей в целом ряде Горных, Тихоокеанских и Среднезападных штатов.

Огромной заслугой указанных исследователей являлось то, что, не ограничиваясь своими основными темами, они включились в выполнение грандиозного проекта для советской науки – изучение истории двухпартийной системы США. Было бы большим заблуждением полагать, что это был только исторический сюжет. По своему значению партии – это государствообразующий и государстворазвивающий инструмент, вносящий известную стабильность и упорядоченность в функционирование государства. Партии, чье становление происходит в 1790-е гг. [31, с. 107], играли важную роль в развитии переселенческого государства [32], а двухпартийная система, как показано в книге выдающегося отечественного американиста А. С. Маныкина [33], стала неизменной частью государственного механизма.

В 1980-е гг. в целях исполнения данного проекта были защищены кандидатские диссертации, касавшиеся функционирования партий в XIX в., А. Г. Бочкаревым, Г. А. Дубовицким, А. Ю. Саломатиным, С. А. Поршаковым, М. О. Троянской, А. А. Кормильцем, А. Н. Жаковым, И. А. Власовой, Г. Г. Бовтом. Они затронули ключевые моменты межпатрийного соперничества. Партийно-политическая борьба XX в. оказалась отражена в диссертациях Г. Л. Кертмана, И. В. Галкиной, Г. Е. Минасяна, В. А. Никонова, И. К. Лапшиной, А. А. Поршаковой, Т. В. Галковой, Г. К. Валяевой, Е. А. Тельминовой, Д. С. Ахалкаци. В этом случае наиболее плотно оказались изучены события 1920–1930-х и 1950–1970-х гг.

Таким образом, на тот момент за небольшими исключениями оказалась изучена деятельность партий за всю двухсотлетнюю историю, что позволило издать сборники статей [34–35] и основополагающую итоговую работу в двух частях [36, 37]. В ней, в частности, указывалось: «Гибкий и сложный двухпартийный механизм США, действующий совместно с разветвленным аппаратом буржуазного государства и опирающийся на мощный экономический потенциал страны, позволяет правящим кругам США выдерживать многочисленные социально-политические кризисы, приспосабливаться к условиям обострения классовой борьбы...» [36, с. 6].

В 1980-е гг. были выпущены и отдельные авторские монографии по конкретным периодам в истории двухпартийной системы: В. А. Никоновым [38, 39], А. А. Кормильцем и С. А. Поршаковым [40]. Это были исключительные по своей значимости труды. В. А. Никонов исследовал тенденцию к обновлению республиканской партии в 1950–1970-е гг., фактический ее отказ от жесткого индивидуализма. Были даны убедительные портреты президентов-новаторов – Д. Эйзенхауэра и Р. Никсона.

Особенно актуальное наблюдение делает В. А. Никонов относительно фигуры Н. Никсона – многоопытного политика из Калифорнии, который в самом начале избирательной кампании 1968 г. позволил выдвиженцу либерального крыла М. Ромни наделать ошибок, а сам вступил в нее позже. Он же обыграл и свой внешнеполитический опыт и связи, объездил ведущие страны мира и был принят там на высоком уровне. Плюсом являлась и его поддержка со стороны партийного аппарата. Правда, были и минусы:

1) покинув в свое время Калифорнию, он не имел политической базы в лице партийной организации какого-либо штата;

2) «Никсон не получил помощи со стороны традиционной опоры республиканской партии – истеблишмента Северо-Востока и опирался в борьбе за свое выдвижение прежде всего на "молодые деньги" Юга и Запада, главным образом Техаса и Калифорнии»;

3) «наконец, за ним прочно укрепилась репутация "постоянного неудачника", не выигравшего ни одной собственной кампании с 1950 г.» [38, с. 237–238]. В другой своей книге В. А. Никонов акцентирует внимание на избирательной кампании 1972 г. и Уотергейтском скандале. Эти сюжеты особенно важны, поскольку именно события 1972–1974 гг. привели к последующему ослаблению государственного механизма, и прежде всего президентской власти, бездарному президентству Дж. Картера в 1977–1981 гг.

В книге А. А. Кормильца и С. А. Поршакова отражен, с нашей точки зрения, недостаточно исследованный сюжет об очередном кризисе двухпартийной системы и партийной перегруппировке во второй половине 1850-х гг. К сожалению, в предшествующих работах уделялось мало внимания весьма популярной партии «ничего не знающих» и объяснению антииммигрантского движения, что было восполнено молодыми авторами.

Традиционно ведущим центром по изучению зарубежных стран считался Институт всеобщей истории АН СССР, который отделился в 1968 г. от Института истории АН СССР. Руководителем Отдела истории США и Канады в 1968–1988 гг. являлся Г. Н. Севостьянов, ставший в 1987 г. академиком; с 1988 г. возглавил отдел член-корреспондент Н. Н. Болховитинов. Научные интересы Григория Николаевича лежали в сфере внешней политики США на Тихом океане в канун Второй мировой войны и на ее первом этапе [41]. Более увлекательным для массового читателя было описание российско-американских отношений в XVIII–XIX вв. и продажи Аляски, изучением которых занимался Николай Николаевич Болховитинов. Им была издана целая серия книг, восстанавливающих историческую справедливость в отношении представления Русской Америки [42–44].

Выдающимися американистами также были И. А. Белявская и В. Л. Мальков. Ирина Александровна занималась недостаточно исследованным периодом американской истории – началом XX в. и феноменом буржуазного реформизма [45]. Прогрессивная эра (1900–1914) характеризовалась ускоренными темпами сращивания банковского и промышленного капиталов (чего еще не было в период первых монополий – в 1880-е и 1890-е гг.) и линией на выборочное, частичное антимонопольное регулирование, громкими разоблачениями политических и экономических афер со стороны городских радикалов, появлением прогрессистской оппозиции в Конгрессе, а затем и общенациональной партии, неожиданной победой демократов на выборах 1912 г. и курсом «Новая демократия» В. Вильсона.

Виктор Леонидович Мальков посвятил свою научную деятельность наиболее сложному периоду в истории Американского государства – 1930-м гг., когда для него возникла реальная опасность как слева, так и справа. В отличие от западноевропейских стран, в США накануне Великой депрессии не существовало никаких страховочных механизмов для задержавшегося в своем младенческом эгоизме и беспечности американского варианта капитализма, и президент-реформатор Ф. Д. Рузвельт разрабатывал их со своими консультантами в порядке экспромта. В своей монографии В. Л. Мальков анализировал активизировавшиеся в условиях кризиса социальные движения, включая рабочее, в котором с образованием Конгресса Производственных Профсоюзов (КПП) в 1935 г. резко усилилось левое крыло [46]. Активизировались и другие социальные слои (фермерство, интеллигенция), что было закономерно в условиях быстро менявшейся кризисной обстановки. Объяснимо было и переформатирование политических сил, с которым обновлявшемуся государственному механизму пришлось иметь дело: кто-то удовлетворился рузвельтовскими реформами, другие же считали их недостаточными или, наоборот, избыточными [46, с. 122–123]. В ходе наиболее критических для Рузвельта президентских выборов 1936 г., когда требовалось закрепить его базовые преобразования,

наметилась хаотизация политического процесса, которую В. Л. Мальков убедительно описывает. В каждом из турбулентных штатов (Калифорнии, Миннесоте, Висконсине, Луизиане и др.) была своя расстановка сил [46, с. 126–152], и Рузвельту, в отличие от 1932 г., пришлось целенаправленно искать поддержки рабочих [46, с. 210–215]. Кстати, портрет президента-реформатора как выдающегося государственного деятеля представлен в другой книге В. Л. Малькова.

В 1970–1980-е гг. американистами Института всеобщей истории разрабатывались и другие направления. Латиноамериканист Лев Юрьевич Слезкин описывал догосударственное состояние будущих США [47–49]. Им затронуты основные сюжеты колониальной истории в XVII в. на Североамериканском континенте. Геннадий Петрович Куропятник начинал свой путь в американистике с внешнеполитической проблематики, но наивысшим его научным достижением является его монография о фермерском движении США [50]. Будучи в 1962–1967 гг. сотрудником аппарата ООН, он смог собрать уникальный материал в архивах и библиотеках США о фермерских организациях последней четверти XIX в. Тем самым он попытался разобраться в проблеме фермерских движений, которые весьма сильно влияли на избирательные кампании того времени и отражали во многом идеалистические представления об американской демократии.

Специалистом в области религиозной жизни США являлась Альбина Александровна Кислова. Ее перу принадлежат монография и целая серия статей. Ее коллега Борис Михайлович Шпотов начинал как исследователь фермерских движений в первые годы существования Американского государства [51]. Собственно говоря, одно из них – восстание под руководством Д. Шейса, крайне напугавшее правящие круги, – и дало толчок образованию федеративного государства. В дальнейшем Б. М. Шпотов сосредоточился на проблемах экономической истории, защитив докторскую диссертацию и выпустив монографию по истории промышленного переворота США [52]. Данный сюжет весьма важен при анализе форм и механизма американской государственности для понимания ее весьма скромных административных возможностей в первой половине XIX в.

Оперативным аналитическим подразделением, обслуживающим важнейшие властные структуры – ЦК КПСС, МИД СССР, являлся Институт США и Канады под руководством академика Г. А. Арбатова. Сам Арбатов и многие его коллеги являлись выпускниками МГИМО, начинавшими свою карьеру в средствах массовой информации и являвшимися авторами идеологически заостренных работ. Его заместителями стали кандидат исторических наук, специалист по внешней политике США в Юго-Восточной Азии Виталий Владимирович Журкин и доктор экономических наук со специализацией в сфере международной торговли Евгений Сергеевич Шершенев.

Первоначально в деятельности Института было сильно пропагандистское, популяризаторское начало, о чем, например, свидетельствует назначение Валентина Сергеевича Зорина – маститого телеведущего, получившего в 1962 г. степень доктора исторических наук, – руководителем отдела внутриполитических проблем. В. С. Зорин в большей мере был известен не своими научными, а популяризаторско-разоблачительными публикациями на тему американского капитала. Отдел внешней политики возглавил Г. А. Трофименко – корреспондент Московского радио и телевидения в Лондоне в 1961–1967 гг. Генрих Александрович в 1968 г. защитил кандидатскую, а в 1974 г. – докторскую диссертацию. В 1984 г. он выпустил с молодым кандидатом экономических наук С. А. Карагановым совместную монографию [53].

Постепенно Институт пополнялся новыми кадрами. В 1970 г. из журнала «Международная жизнь» пришел кандидат экономических наук Виктор Александрович Кременюк (с 1989 г. – заместитель директора Института), автор многих монографий в 1970–1980-е гг. [54]. В 1971 г. в состав коллектива влился 34-летний кандидат исторических наук Эдуард Александрович Иванян, блестящий ученый широкого государствоведческого кругозора. Он первым в стране поднял тему президентской власти [55] и взаимоотношений Белого Дома и прессы [56]. В 1968–1980 гг. в Институте США и Канады работал выпускник филологического факультета МГУ Виктор Алексеевич Линник, защитивший в 1972 г. кандидатскую диссертацию по президентской кампании 1972 г. сенатора-демократа Ю. Маккарти. Вопросы

внутренней политики занимался и Владимир Петрович Золотухин [57]. Негритянскую проблематику освоил Игорь Александрович Геевский, выпустивший монографию [58] и защитивший в 1977 г. докторскую диссертацию.

Чисто юридическую тематику в ее отраслевом преломлении анализировали специалисты по уголовному праву Б. С. Никифоров и Ф. М. Решетников [59], В. М. Николайчик [60, 61].

В советское время «изучение Соединенных Штатов было сосредоточено и развивалось исключительно в столице и отчасти в Ленинграде (Санкт-Петербурге)». В провинции «американисты находились в Самаре, где спецсеминаром по США руководил Б. Д. Козенко, в Нижегородском университете (О. А. Колобов), а также в Томске (С. С. Григорьевич, М. Я. Пелипасъ)» [62, с. 353]. В 1980-е гг. заниматься США в Волгоградском университете начинал А. И. Кубышкин, в Пензенском политехническом институте – А. Ю. Саломатин, сосредоточивший внимание после защиты кандидатской диссертации на контрпропагандистской публицистике. Концентрация исследований в столице приводила к вредному научному монополизму и снижению их эффективности.

Советская американистика прошла большой и славный путь, хотя на этом пути имели место и существенные системные недостатки. Прежде всего они были связаны с неумным и совершенно излишним насаждением марксистско-ленинской догматики. Наличие доминирующего идеологического учения удобно для государства – прежде всего с точки зрения единого образа образования и воспитания. Но оно же и вредно запретами на инакомыслие, что дискредитирует прежде всего саму науку. Марксистско-ленинская доктрина была сильна своим учением о классовой борьбе, отражая сложность и неоднозначность социальных отношений. Вместе с тем тезис о всемирной исторической роли пролетариата был утопичен, поскольку игнорировал изменчивость мира, в том числе и сокращающиеся ряды рабочих и их новый облик.

Советская американистика неоправданно много внимания уделила истории рабочего класса, собрав неплохой фактический материал [63–65]. Вместе с тем крайне нереалистичными выглядят суждения о скорых победах пролетарского дела и ведущей роли компартии в самой буржуазной стране мира. Неоправданной революционностью наделялись и выступления негров. Избыточным было внимание к внешней политике при слабом освещении внутриполитических проблем. С позиций настоящего выглядят недоисследованными следующие периоды и проблемы:

- 1) эпоха Реконструкции (1865–1876) в северных штатах (к южным штатам и негритянской проблеме было проявлено неоправданное внимание);
- 2) «позолоченный век» последней четверти XIX в.;
- 3) 1920-е гг. Игнорировалась проблема типологии президентской власти, стилей президентского управления. Не была изучена американистами общественно-политическая жизнь отдельных штатов. Вместе с тем на фоне явно недостаточного освещения государственной жизни других зарубежных стран советская американистика выглядела более представительной и открытой для изучения перспективных направлений (например, развития двухпартийной системы США). В ней присутствовало и сильное пропагандистское, популяризаторское начало (в большей степени это проявилось в книгах В. С. Зорина).

Список литературы

1. Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века / авт. и сост. Э. А. Иванян. М. : Междунар. отношения, 2001. 692 с.
2. Носков В. В. Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры : петербургский историографический сборник / сост. Б. С. Каганович, Н. Л. Корсакова. СПб. : Лики России, 2008. С. 259–277.
3. Тарбеев И. М. Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 3 (13). С. 77–92. doi: [10.28995/2073-6339-2018-3-77-92](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-3-77-92) EDN: [SAKGUE](https://www.edn.ru/SAKGUE)

4. Фельдман П. В. Основные тенденции советской историографии внутренней политики США эпохи «позолоченного века» // Вестник Брянского государственного университета. 2019. № 1 (39). С. 137–143. doi: [10.22281/2413-9912-2019-03-01-137-143](https://doi.org/10.22281/2413-9912-2019-03-01-137-143) EDN: [ZBENVB](#)
5. Тайгильдин А. В. Изучение вопроса о рабстве накануне Гражданской войны в отечественной историографии // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 4, № 2 (14). С. 52–62. doi: [10.30914/2411-3522-2018-4-2-52-62](https://doi.org/10.30914/2411-3522-2018-4-2-52-62) EDN: [XWPYPR](#)
6. Болховитинов Н. Н. Доктрина Монро : происхождение и характер. М. : Изд-во ИМО, 1959. 336 с.
7. Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М. : Наука, 1969. 467 с.
8. Мельников Ю. М. США и гитлеровская Германия. 1933–1939 гг. М. : Госполитиздат, 1959. 352 с.
9. Лан В. И. США : Ч. 1 : ... от испано-американской до Первой мировой войны. М., 1975. 368 с.
10. Лан В. И. США : Ч. 2 : ... от Первой до Второй мировой войны. М. : Наука, 1976. 493 с.
11. Лан В. И. США : Ч. 3 : ... в военные и послевоенные годы. М. : Наука, 1978. 685 с.
12. Зубок Л. И. Очерки истории США (1877–1918). М. : Госполитиздат, 1956. 590 с.
13. Зубок Л. И. Очерки рабочего движения в США (1865–1918). М. : Соцэкгиз, 1962. 629 с.
14. Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М. : Эксмо, 2004. 446 с. EDN: [QOTNRF](#)
15. Куропятник Г. П. Вторая американская революция. М. : Учпедгиз, 1961. 263 с.
16. Иванов Р. Ф. Борьба негров за землю и свободу на Юге США (1865–1877). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 322 с.
17. Ефимов А. Е. США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М. : Наука, 1969. 695 с.
18. Война за независимость и образование США / под ред. Г. Н. Севостьянова. М. : Наука, 1976. 551 с.
19. Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л. : Наука, 1978. 416 с. EDN: [YUNQRI](#)
20. США. Конституция и права граждан / И. А. Геевский, А. А. Мишин, В. М. Николайчик [и др.] ; отв. ред. И. А. Геевский. М. : Мысль, 1987. 315 с.
21. Конституция США: история и современность / А. М. Каримский, А. С. Маныкин, М. Н. Марченко [и др.] ; под общ. ред. А. А. Мишина, Е. Ф. Язькова. М. : Юрид. лит., 1988. 316 с.
22. Жидков О. А. Верховный Суд США: право и политика. М. : Наука, 1985. 221 с.
23. Черниловский З. М. От Маршалла до Уоррена: очерки истории Верховного Суда США. М. : Юрид. лит., 1982. 219 с.
24. Государственный строй США / А. С. Никифоров, В. А. Савельев, В. П. Золотухин [и др.] ; отв. ред. А. С. Никифоров. М. : Юрид. лит., 1976. 328 с.
25. Мишин А. А., Власихин В. А. Конституция США : политико-правовой комментарий : монография. М. : Международные отношения, 1985. 334 с. EDN: [ZGLKEN](#)
26. Сивачев Н. В. США: государство и рабочий класс (от образования США до окончания Второй мировой войны). М. : Мысль, 1982. 343 с.
27. Сивачев Н. В. Рабочая политика правительства США в годы Второй мировой войны. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 400 с.
28. Сивачев Н. В. Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1966. 284 с.
29. Дементьев И. П. Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 366 с.
30. Язьков Е. Ф. Фермерское движение США (1918–1929 гг.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 340 с.
31. Саломатин А. Ю., Наквакина Е. В., Миряева Ж. А. История США XVII – середины XIX в. в политологическом прочтении : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2025. 270 с.
32. Саломатин А. Ю. Американские политические партии как компенсационно-вспомогательный инструмент укрепления государственного механизма (конец XVIII–XIX вв.) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2004. № 1.
33. Маныкин А. С. История двухпартийной системы США (1789–1980) : спецкурс. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 285 с.
34. Политические партии США в новое время : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Сивачев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 264 с.

35. Политические партии США в новейшее время : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Сивачев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 284 с.
36. Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции : в 2 ч. Ч. 1 : 1918–1988 / отв. ред. Е. Ф. Языков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 286 с.
37. Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции : в 2 ч. Ч. 2 : Конец XVIII в. – 1917 г. / отв. ред. Е. Ф. Языков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. 279 с.
38. Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 287 с.
39. Никонов В. А. Республиканцы от Никсона к Рейгану. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. 288 с. EDN: **ZBEITB**
40. Кормилец А. А., Поршаков С. А. Кризис двухпартийной системы США накануне и в годы Гражданской войны (конец 1840-х – 1865 г.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. 176 с.
41. Севостьянов Г. Н. Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 – декабрь 1941 гг.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 592 с.
42. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения. 1815–1832 гг. М. : Наука, 1975. 626 с.
43. Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость 1775–1783. М. : Мысль, 1976. 272 с.
44. Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834–1867. М. : Наука, 1990. 367 с.
45. Белявская И. А. Буржуазный реформизм в США (1900–1914). М. : Наука, 1958. 415 с.
46. Мальков В. Л. «Новый Курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М. : Наука, 1973. 383 с.
47. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Виргиния. Новый Плимут (1606–1642). М. : Наука, 1978. 335 с.
48. Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории. Массачусетс. Мэриленд, 1630–1642. М. : Наука, 1980. 337 с.
49. Слезкин Л. Ю. Легенда, утопия и быль в ранней американской истории. Виргиния и Мэриленд в годы Английской революции (1642–1660) / отв. ред. И. А. Белявская. М. : Наука, 1989. 348 с.
50. Куропятник Г. П. Фермерское движение в США: от грейнджеров к Народной партии. 1867–1896 гг. М. : Наука, 1971. 440 с.
51. Шпотов Б. М. Фермерское движение в США, 1780–1790-е годы. М. : Наука, 1982. 215 с.
52. Шпотов Б. М. Промышленный переворот в США : в 2 ч. М. : Институт всеобщей истории, 1991. 344 с.
53. Караганов С. А. США: транснациональные корпорации и внешняя политика / отв. ред. Г. А. Трофименко. М. : Наука, 1984. 175 с.
54. Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах. Проблемы конфликтных ситуаций (1945–1976) / под ред. В. С. Руднева. М. : Междунар. отношения, 1977. 223 с.
55. Иванян Э. А. Белый Дом: Президенты и политика. М. : Политиздат, 1976. 432 с.
56. Иванян Э. А. От Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. Белый Дом и пресса. М. : Политиздат, 1991. 367 с. EDN: **VUMIVR**
57. Золотухин В. П. Фермеры и Вашингтон. М. : Мысль, 1968. 271 с.
58. Геевский И. А. США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945–1972 гг.). М. : Наука, 1973. 347 с.
59. Никифоров Б. С., Решетников Ф. М. Современное американское уголовное право / отв. ред. В. А. Власихин. М. : Наука, 1990. 253 с.
60. Николайчик В. М. Уголовный процесс США. М. : Наука, 1981. 224 с.
61. Николайчик В. М. США: полицейский контроль над обществом / отв. ред. И. А. Геевский. М. : Наука, 1987. 192 с.
62. Кубышкин А. И., Курилла И. И. Четверть века американистики в Волгограде // Литература двух Америк. 2021. № 10. С. 350–368. doi: [10.22455/2541-7894-2021-10-350-368](https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-350-368) EDN: **ZRZWTH**
63. История рабочего движения в США в новейшее время : в 3 т. Т. 1 : 1918–1939 / Г. Н. Севостьянов, И. М. Краснов, Е. Ф. Языков [и др.] ; отв. ред. Б. Я. Михайлов. М. : Наука, 1970. 590 с.
64. История рабочего движения в США в новейшее время : в 3 т. Т. 2 : 1939–1965 / И. И. Жмыхова, В. А. Корольков, А. П. Медведев [и др.] ; отв. ред. Б. Я. Михайлов. М. : Наука, 1970. 611 с.
65. История рабочего движения в США в новейшее время : в 3 т. Т. 3 : 1965–1980 / Г. Н. Севостьянов, В. П. Андросов, Н. В. Курков [и др.] ; отв. ред. Б. Я. Михайлов. М. : Наука, 1970. 360 с.

References

1. *Entsiklopediya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy. XVIII–XX veka = Encyclopedia of Russian-American Relations. 17th–20th centuries.* Author and compiler E.A. Ivanyan. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 2001:692. (In Russ.)
2. Noskov V.V. The first steps of American studies in Leningrad. *Vseobshchaya istoriya i istoriya kul'tury: peterburgskiy istoriograficheskiy sbornik = General history and the history of culture: St. Petersburg historiographic collection.* Compiled by B.S. Kaganovich and N.L. Korsakova. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2008:259–277. (In Russ.)
3. Tarbeev I.M. The development of Soviet American studies as an expert-academic discipline in the 1950s–1960s. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political Science. History. International Relations.* 2018;(3):77–92. (In Russ.). doi: [10.28995/2073-6339-2018-3-77-92](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2018-3-77-92)
4. Fel'dman P.V. The main trends of Soviet historiography of US domestic policy during the Gilded Age. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Bryansk State University.* 2019;(1):137–143. (In Russ.). doi: [10.22281/2413-9912-2019-03-01-137-143](https://doi.org/10.22281/2413-9912-2019-03-01-137-143)
5. Taygil'din A.V. The study of the issue of slavery on the eve of the Civil War in Russian historiography. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Mari State University.* 2018;4(2):52–62. (In Russ.). doi: [10.30914/2411-3522-2018-4-2-52-62](https://doi.org/10.30914/2411-3522-2018-4-2-52-62)
6. Bolkhovitinov N.N. *Doktrina Monro: proiskhozhdenie i kharakter = The Monroe doctrine: origin and character.* Moscow: Izd-vo IMO, 1959:336. (In Russ.)
7. Zubok L.I. *Ekspansionistskaya politika SShA v nachale XX veka = US expansionist policy in the early 20th century.* Moscow: Nauka, 1969:467. (In Russ.)
8. Mel'nikov Yu.M. *SShA i gitlerovskaya Germaniya. 1933–1939 gg. = The United States and Nazi Germany, 1933–1939.* Moscow: Gospolitizdat, 1959:352. (In Russ.)
9. Lan V.I. *SShA: Ch. 1: ... ot ispano-amerikanskoy do Pervoy mirovoy voyny = USA: Part 1: ...from the Spanish-American War to World War I.* Moscow, 1975:368. (In Russ.)
10. Lan V.I. *SShA: Ch. 2: ... ot Pervoy do Vtoroy mirovoy voyny = USA: Part 2: ... from World War I to World War II.* Moscow: Nauka, 1976:493. (In Russ.)
11. Lan V.I. *SShA: Ch. 3: ... v voennyye i poslevoennyye gody = USA: Part 3: ... during the war and post-war years.* Moscow: Nauka, 1978:685. (In Russ.)
12. Zubok L.I. *Ocherki istorii SShA (1877–1918) = Essays on the history of the United States (1877–1918).* Moscow: Gospolitizdat, 1956:590. (In Russ.)
13. Zubok L.I. *Ocherki rabochego dvizheniya v SShA (1865–1918) = Essays on the labor movement in the United States (1865–1918).* Moscow: Sotsekgiz, 1962:629. (In Russ.)
14. Ivanov R.F. *Avraam Linkol'n i Grazhdanskaya vojna v SShA = Abraham Lincoln and the American Civil War.* Moscow: Eksmo, 2004:446. (In Russ.)
15. Kuropyatnik G.P. *Vtoraya amerikanskaya revolyutsiya = The Second American Revolution.* Moscow: Uchpedgiz, 1961:263. (In Russ.)
16. Ivanov R.F. *Bor'ba negrov za zemlyu i svobodu na Yuge SShA (1865–1877) = The struggle of black people for land and freedom in the South of the United States (1865–1877).* Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958:322. (In Russ.)
17. Efimov A.E. *SShA. Puti razvitiya kapitalizma (doimperialisticheskaya epokha) = USA. Paths of capitalist development (pre-imperialist era).* Moscow: Nauka, 1969:695. (In Russ.)
18. Sevost'yanov G.N. (ed.). *Vojna za nezavisimost' i obrazovanie SShA = The Revolutionary War and the establishment of the United States.* Moscow: Nauka, 1976:551. (In Russ.)
19. Fursenko A.A. *Amerikanskaya revolyutsiya i obrazovanie SShA = The American Revolution and the formation of the United States.* Leningrad: Nauka, 1978:416. (In Russ.)
20. Geevskiy I.A., Mishin A.A., Nikolaychik V.M. et al. *SShA. Konstitutsiya i prava grazhdan = United States. Constitution and citizens' rights.* Moscow: Mysl', 1987:315. (In Russ.)
21. Karimskiy A.M., Manykin A.S., Marchenko M.N. et al. *Konstitutsiya SShA: istoriya i sovremennost' = The US Constitution: history and modernity.* Moscow: Yurid. lit., 1988:316. (In Russ.)
22. Zhidkov O.A. *Verkhovnyy Sud SShA: pravo i politika = The Supreme Court of the United States: law and politics.* Moscow: Nauka, 1985:221. (In Russ.)
23. Chernilovskiy Z.M. *Ot Marshalla do Uorrena: ocherki istorii Verkhovnogo Suda SShA = From Marshall to Warren: Essays on the History of the U.S. Supreme Court.* Moscow: Yurid. lit., 1982:219. (In Russ.)

24. Nikiforov A.S., Savel'ev V.A., Zolotukhin V.P. et al. *Gosudarstvennyy stroy SShA = The political system of the United States*. Moscow: Yurid. lit., 1976:328. (In Russ.)
25. Mishin A.A., Vlasikhin V.A. *Konstitutsiya SShA: politiko-pravovoy kommentariy: monografiya = The US Constitution: a political and legal commentary: a monograph*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1985:334. (In Russ.)
26. Sivachev N.V. *SShA: gosudarstvo i rabochiy klass (ot obrazovaniya SShA do okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny) = USA: The State and the working class (from the formation of the USA to the end of World War II)*. Moscow: Mysl', 1982:343. (In Russ.)
27. Sivachev N.V. *Rabochaya politika pravitel'stva SShA v gody Vtoroy mirovoy voyny = Labor policy of the US government during World War II*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1974:400. (In Russ.)
28. Sivachev N.V. *Politicheskaya bor'ba v SShA v seredine 30-kh godov XX veka = Political struggle in the United States in the mid-1930s*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1966:284. (In Russ.)
29. Dement'ev I.P. *Ideynaya bor'ba v SShA po voprosam ekspansii (na rubezhe XIX–XX vv.) = Ideological struggle in the United States over expansion issues (at the turn of the 19th–20th centuries)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973:366. (In Russ.)
30. Yaz'kov E.F. *Fermerskoe dvizhenie SShA (1918–1929 gg.) = The American farm movement (1918–1929)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1974:340. (In Russ.)
31. Salomatin A.Yu., Nakvakina E.V., Miryaeva Zh.A. *Istoriya SShA XVII – serediny XIX v. v politologicheskom prochtenii: monografiya = History of the United States from the 17th to mid-19th centuries in a political science perspective: a monograph*. Penza: Izd-vo PGU, 2025:270. (In Russ.)
32. Salomatin A.Yu. American political parties as a compensatory and auxiliary instrument for strengthening the state mechanism (late 17th–20th centuries). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2004;(1). (In Russ.)
33. Manykin A.S. *Istoriya dvukhpartiyonoy sistemy SShA (1789–1980): spetskurs = History of the two-party system in the United States (1789–1980): special course*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981:285. (In Russ.)
34. Sivachev N.V. (execut. ed.). *Politicheskie partii SShA v novoe vremya: sb. st. = Political parties of the USA in modern times: collection of articles*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1981:264. (In Russ.)
35. Sivachev N.V. (execut. ed.). *Politicheskie partii SShA v noveyshee vremya: sb. st. = Political parties of the USA in modern times: collection of articles*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982:284. (In Russ.)
36. Yazykov E.F. (execut. ed.). *Printsipy funktsionirovaniya dvukhpartiyonoy sistemy SShA: istoriya i sovremennye tendentsii: v 2 ch. Ch. 1: 1918–1988 = The principles of functioning of the two-party system in the USA: history and modern trends: in 2 volumes. Part 1: 1918–1988*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988:286. (In Russ.)
37. Yazykov E.F. (execut. ed.). *Printsipy funktsionirovaniya dvukhpartiyonoy sistemy SShA: istoriya i sovremennye tendentsii v 2 ch. Ch. 2: Konets XVIII v. – 1917 g. = The principles of the functioning of the two-party system in the United States: history and modern trends in 2 parts. Part 2: Late 17th century – 1917*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1989:279. (In Russ.)
38. Nikonov V.A. *Ot Eyzenkhauera k Niksonu. Iz istorii respublikanskoy partii SShA = From Eisenhower to Nixon: A History of the Republican Party*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984:287. (In Russ.)
39. Nikonov V.A. *Respublikantsy ot Niksona k Reyganu = Republicans from Nixon to Reagan*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988:288. (In Russ.)
40. Kormilets A.A., Porshakov S.A. *Krizis dvukhpartiyonoy sistemy SShA nakanune i v gody Grazhdanskoy voyny (konets 1840-kh – 1865 g.) = The crisis of the two-party system in the United States on the eve of and during the Civil War (late 1840s – 1865)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1987:176. (In Russ.)
41. Sevost'yanov G.N. *Podgotovka voyny na Tikhom okeane (sentyabr' 1939 – dekabr' 1941 gg.) = Preparation for the Pacific War (September 1939 – December 1941)*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962:592. (In Russ.)
42. Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskije otnosheniya. 1815–1832 gg. = Russian-American Relations. 1815–1832*. Moscow: Nauka, 1975:626. (In Russ.)
43. Bolkhovitinov N.N. *Rossiya i voyna SShA za nezavisimost' 1775–1783 = Russia and the American Revolutionary War 1775–1783*. Moscow: Mysl', 1976:272. (In Russ.)
44. Bolkhovitinov N.N. *Russko-amerikanskije otnosheniya i prodazha Alyaski. 1834–1867 = Russian-American Relations and the Sale of Alaska, 1834–1867*. Moscow: Nauka, 1990:367. (In Russ.)
45. Belyavskaya I.A. *Burzhuaznyy reformizm v SShA (1900–1914) = Bourgeois reformism in the United States (1900–1914)*. Moscow: Nauka, 1958:415. (In Russ.)

46. Mal'kov V.L. «Novyy Kurs» v SShA. *Sotsial'nye dvizheniya i sotsial'naya politika* = *The New Deal in the United States. Social movements and social policy*. Moscow: Nauka, 1973:383. (In Russ.)
47. Slezkin L.Yu. *U istokov amerikanskoj istorii. Virginiya. Novyy Plimut (1606–1642)* = *At the Origins of American History. Virginia. New Plymouth (1606–1642)*. Moscow: Nauka, 1978:335. (In Russ.)
48. Slezkin L.Yu. *U istokov amerikanskoj istorii. Massachusetts. Merilend, 1630–1642* = *At the Origins of American History. Massachusetts, Maryland, 1630–1642*. Moscow: Nauka, 1980:337. (In Russ.)
49. Slezkin L.Yu. *Legenda, utopiya i byl' v ranney amerikanskoj istorii. Virginiya i Merilend v gody Angliyskoj revolyutsii (1642–1660)* = *Legend, utopia, and true stories in early American History: Virginia and Maryland during the English Revolution (1642–1660)*. Executive editor I.A. Belyavskaya. Moscow: Nauka, 1989:348. (In Russ.)
50. Kuropyatnik G.P. *Fermerskoe dvizhenie v SShA: ot greyndzherov k Narodnoy partii. 1867–1896 gg.* = *The Farmer Movement in the United States: From the Grangers to the People's Party, 1867–1896*. Moscow: Nauka, 1971:440. (In Russ.)
51. Shpotov B.M. *Fermerskoe dvizhenie v SShA, 1780–1790-e gody* = *The Farmer Movement in the United States: 1780–1790*. Moscow: Nauka, 1982:215. (In Russ.)
52. Shpotov B.M. *Promyshlennyy perevorot v SShA: v 2 ch.* = *The Industrial Revolution in the United States: in 2 parts*. Moscow: Institut vseobshchey istorii, 1991:344. (In Russ.)
53. Karaganov S.A. *SShA: transnatsional'nye korporatsii i vneshnyaya politika* = *United States: transnational corporations and foreign policy*. Executive editor G.A. Trofimenko. Moscow: Nauka, 1984:175. (In Russ.)
54. Kremen'yuk V.A. *Politika SShA v razvivayushchikhsya stranakh. Problemy konfliktnykh situatsiy (1945–1976)* = *US policy in developing countries: conflict situations (1945–1976)*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 1977:223. (In Russ.)
55. Ivanyan E.A. *Belyy Dom: Prezidenty i politika* = *White House: Presidents and Politics*. Moscow: Politizdat, 1976:432. (In Russ.)
56. Ivanyan E.A. *Ot Dzhordzha Vashingtona do Dzhordzha Busha. Belyy Dom i pressa* = *From George Washington to George W. Bush: The White House and the press*. Moscow: Politizdat, 1991:367. (In Russ.)
57. Zolotukhin V.P. *Fermery i Vashington* = *Farmers and Washington*. Moscow: Mysl', 1968:271. (In Russ.)
58. Geevskiy I.A. *SShA: negrityanskaya problema. Politika Vashingtona v negrityanskom voprose (1945–1972 gg.)* = *United States: The Negro Problem. Washington's Policy on the Negro Question (1945–1972)*. Moscow: Nauka, 1973:347. (In Russ.)
59. Nikiforov B.S., Reshetnikov F.M. *Sovremennoe amerikanskoe ugovnoe pravo* = *Modern American criminal law*. Executive editor V.A. Vlasikhin. Moscow: Nauka, 1990:253. (In Russ.)
60. Nikolaychik V.M. *Ugovnyy protsess SShA* = *Criminal procedure in the United States*. Moscow: Nauka, 1981:224. (In Russ.)
61. Nikolaychik V.M. *SShA: politseyskiy kontrol' nad obshchestvom* = *USA: police control of society*. Executive editor I.A. Geevskiy. Moscow: Nauka, 1987:192. (In Russ.)
62. Kubyshekin A.I., Kurilla I.I. A quarter century of American studies in Volgograd. *Literatura dvukh Amerik* = *Literature of the two Americas*. 2021;(10):350–368. (In Russ.). doi: [10.22455/2541-7894-2021-10-350-368](https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-350-368)
63. Sevost'yanov G.N., Krasnov I.M., Yazykov E.F. et al. *Istoriya rabochego dvizheniya v SShA v noveyshee vremya: v 3 t. T. 1: 1918–1939* = *History of the labor movement in the United States in modern times: in 3 vol. Vol. 1: 1918–1939*. Executive editor B.Ya. Mikhaylov. Moscow: Nauka, 1970:590. (In Russ.)
64. Zhmykhova I.I., Korol'kov V.A., Medvedev A.P. et al. *Istoriya rabochego dvizheniya v SShA v noveyshee vremya: v 3 t. T. 2: 1939–1965* = *History of the labor movement in the United States in modern times: in 3 vol. Vol. 2: 1939–1965*. Executive editor B.Ya. Mikhaylov. Moscow: Nauka, 1970:611. (In Russ.)
65. Sevost'yanov G.N., Androsov V.P., Kurkov N.V. et al. *Istoriya rabochego dvizheniya v SShA v noveyshee vremya: v 3 t. T. 3: 1965–1980* = *History of the labor movement in the United States in modern times: in 3 vol. Vol. 3: 1965–1980*. Executive editor B.Ya. Mikhaylov. Moscow: Nauka, 1970:360. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

А. Ю. Саломатин – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4160-2288>

Ш. Г. Сеидов – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5284-3503>

Е. В. Наквакина – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и политологии, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2122-5233>

A.Yu. Salomatin – Doctor of Law, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Studies, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4160-2288>

Sh.G. Seidov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5284-3503>

E.V. Nakvakina – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Studies, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2122-5233>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /

The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 10.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.72/73

EDN: DCJQMI

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

Эстелита Гусунбековна Дадашова

Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Ивангород, Россия

esti_94@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Рассматривается вопрос конституционно-правового обеспечения прав и свобод несовершеннолетних лиц, в том числе механизмов защиты соответствующих прав и свобод и создаваемых государством условий реализации такой защиты. Актуальность темы исследования обусловлена наличием проблемных аспектов государственного контроля за соблюдением конституционно-правового обеспечения прав и свобод данной категории лиц. Целью исследования является проведение сравнительного анализа регламентированных конституционно закрепленных прав и свобод несовершеннолетних лиц и достаточности законодательных мер по защите их личных прав и свобод. *Материалы и методы.* Решение исследовательских задач было достигнуто посредством проведенного анализа содержащихся в Конституции Российской Федерации и Семейном кодексе Российской Федерации правовых норм об обеспечении прав и свобод несовершеннолетних лиц. Осуществление сравнительно-правового анализа указанных источников позволяет определить специфику института прав несовершеннолетних в части их конституционно-правового обеспечения, а также выявить возможные механизмы усовершенствования и защиты соответствующих прав. *Результаты.* Исследованы вопросы обеспечения и защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц с точки зрения их конституционно-правовой значимости, рассмотрены правовые нормы, регулирующие вопросы соблюдения законными представителями несовершеннолетних лиц их прав и свобод, осуществлен анализ актуальности соответствующих правовых норм. *Выводы.* Наличие конституционно-правового закрепления прав и свобод несовершеннолетних лиц, отождествляющее в первую очередь суверенность соответствующих прав и свобод, предоставленных каждому от рождения, не может служить гарантом их должного обеспечения. Обеспечение личных прав и свобод несовершеннолетних лиц, исходя из их конституционно-правового статуса, напрямую связано с соответствующим соблюдением законными представителями норм, предусматривающих должное воспитание и содержание своих детей, а равно с возможным усовершенствованием государственных методов защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, несовершеннолетнее лицо, обеспечение прав, защита прав, государство, права и свободы, законный представитель, дети

Для цитирования: Дадашова Э. Г. Конституционно-правовое обеспечение прав и свобод несовершеннолетних лиц // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 39–46. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-4 EDN: DCJQMI

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF MINORS

Estelita G. Dadashova

Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod, Russia

esti_94@mail.ru

Abstract. *Background.* The article examines the issue of constitutional and legal protection of the rights and freedoms of minors, including the mechanisms for protecting these rights and freedoms and the conditions created by the state for the implementation of such protection. The relevance of the research topic is due to the problematic aspects of state control over the observance of constitutional and legal protection of the rights and freedoms of minors, which include the improper fulfilment of duties by the legal representatives (parents) of minors in terms of raising their children, and the lack of additional state measures to improve the mechanism for protecting the rights and freedoms of minors. The author's goal is to research and conduct a comparative analysis of the constitutional rights and freedoms of minors and the sufficiency of legislative measures to protect the personal rights and freedoms of minors, including the scope of legally established responsibilities of legal representatives of minors. *Materials and methods.* The solution of research tasks was achieved through the analysis of legal norms on ensuring the rights and freedoms of minors, which are contained in the Constitution of the Russian Federation and the Family Code of the Russian Federation. A comparative legal analysis of these sources allows us to determine the specifics of the institution of minors' rights in terms of their constitutional and legal provision, as well as to identify possible mechanisms for improving and protecting these rights. *Results.* The article explores the issues of ensuring and protecting the rights and freedoms of minors from the perspective of their constitutional and legal significance. It analyzes the legal norms governing the observance of the rights and freedoms of minors by their legal representatives, particularly the norms governing the obligations of legal representatives (parents) to provide proper upbringing for minors (children). The article also examines the relevance of these legal norms in the field of protecting the rights and freedoms of minors. *Conclusions.* The existence of constitutional and legal provisions on the rights and freedoms of minors, which primarily identify the sovereignty of the corresponding rights and freedoms granted to everyone from birth, cannot serve as a guarantee of their proper implementation. In other words, the protection of the rights and freedoms of minors cannot be ensured solely by reference to this in the main legal act of the state. The protection of the personal rights and freedoms of minors, based on their constitutional and legal status, is directly related to the appropriate observance of the norms by legal representatives that provide for the proper upbringing and maintenance of their children, as well as to the possible improvement of state methods for protecting the rights and freedoms of minors.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, minor, ensuring rights, protecting rights, state, rights and freedoms, legal representative, children

For citation: Dadashova E.G. Constitutional and legal protection of the rights and freedoms of minors. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):39–46. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-4

В Российской Федерации защита прав и свобод человека и гражданина является особо важным и приоритетным аспектом нормотворческой деятельности. Регулирование и усовершенствование правовых норм, связанных с вопросами материнства, детства и в целом семейно-правового устройства является главной задачей государства. В этой связи нельзя не указать

на то обстоятельство, что именно защита прав и свобод детей, из-за отсутствия статуса их полной дееспособности, требует особого нормативно-правового регулирования и при необходимости усовершенствования со стороны государства.

Проводя исследование имеющихся исторических правовых документов и литературы соответствующей тематики, необходимо указать на то обстоятельство, что становление и дальнейшее развитие государственного законодательства в области защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц обусловлено переходом от одного этапа соответствующего развития к другому с учетом при этом различных сопутствующих исторических событий, которые, безусловно, оставляли свои отпечатки на существовавшей нормотворческой деятельности защиты и обеспечения прав несовершеннолетних [1].

В современной России, а точнее после принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации, правам и свободам человека уделялось основное внимание со стороны государства. Именно так: «первостепенное значение приобретают идеи и первенства идеалов человечества – прав человека. Используемые Конституцией термины "все", "каждый", "гражданин", разумеется, относятся и к детям. Ее значение для определения правового статуса ребенка состоит в том, что на ее основе раскрывается природа и сущность прав и обязанностей ребенка» [2].

Учитывая позицию некоторых авторов, исследовавших вопрос конституционно-правового обеспечения несовершеннолетних в Российской Федерации, следует отметить, что «для определения конституционно-правового статуса детей принципиальное значение имеют три группы конституционных норм:

- первая группа таких норм определена в двух статьях Конституции Российской Федерации, которые связаны с защитой прав и интересов несовершеннолетних;
- вторая группа конституционных норм содержится в статьях Конституции Российской Федерации, в которых говорится непосредственно о детях (детстве), а также материнстве; семья находится под защитой государства (ч. 1 ст. 38), а также положения о том, что забота о детях и их воспитание – равное право и обязанность родителей (ч. 2 ст. 38);
- третья группа конституционных норм, имеющих непосредственное отношение к определению правового статуса несовершеннолетних, – это нормы Конституции Российской Федерации, регулирующие права и свободы человека и гражданина» [3].

Переходя к личным правам и свободам несовершеннолетних лиц, учитывая положения Конституции Российской Федерации, целесообразно перечислить соответствующие права [4].

Итак, первостепенно важным и неотъемлемым правом человека, а равно несовершеннолетнего, является право на жизнь. Статья 20 Конституции Российской Федерации закрепляет это право и указывает на его защиту от любого рода посягательств. Вместе с тем при рождении у ребенка (несовершеннолетнего лица) возникают иные личные права, такие как право на охрану чести и достоинства, право на неприкосновенность личности, жилища, частной жизни, личной и семейной тайны, защиту своей чести и другие права, предусмотренные ст. 22–25 Конституции Российской Федерации. Кроме того, несовершеннолетнее лицо имеет право на использование в речи своего родного языка, а равно на собственный выбор языка при общении с людьми. То же касается и выбора своего профессионального обучения и занятия творческой деятельностью. Право на свободное передвижение, выбор свободы в вероисповедании, право на доступный сводный способ поиска, получения, передачи и распространения информации в законно ограниченном поле также относятся к основным правам несовершеннолетних лиц.

По мере взросления несовершеннолетнее лицо помимо личных прав, регламентированных Основным законом государства, наделяется иными правами, в том числе связанными с социальными, экономическими, трудовыми и даже политическими областями [5].

В России, как и в любом другом цивилизованном государстве, гарантия защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц является в первую очередь обязанностью государства, для исполнения которой оно использует ряд законно-правовых механизмов. Стоит согласиться с тем фактом, что морально-нравственные и иные социальные ценности несовершеннолетнее лицо обретает в своем детстве, а уровень их должного приобретения отражается на соответствующем поведении несовершеннолетнего лица в ходе его взросления, именно поэтому

«является важным созданием для детей безопасных условий жизни, способствующих полноценному развитию и раскрытию их способностей как личности. С этой позиции социальное государство предполагает обеспечение комфортных и безопасных условий для всех проживающих в нем лиц, особое положение института семьи и детства как базовых ценностей российского общества» [6]. Однако следует обратить внимание на тот факт, что именно родители, как законные представители несовершеннолетних лиц, являются субъектами различных правоотношений, главная задача которых должно быть обеспечение защиты интересов своих детей, в том числе при необходимости обращения в различные государственные инстанции [7].

В действительности указанное утверждение находит свое отражение не только в статьях Конституции Российской Федерации, но и в Семейном кодексе Российской Федерации и иных нормативно-правовых актах. Согласно ст. 54 Семейного кодекса Российской Федерации «каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Ребенок имеет права на воспитание своими родителями, образование, обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства»¹. Вместе с тем семейное законодательство Российской Федерации указывает на особенности защиты прав и интересов несовершеннолетних лиц. В частности, именно родитель, как ответственное за ребенка лицо, должен обеспечивать защиту его прав и законных интересов, а в случае отсутствия такой возможности вследствие различных обстоятельств соответствующую защиту прав детей обеспечивают специально уполномоченные государственные органы. Из норм семейного законодательства следует, что «при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд.

Должностные лица организаций и иные граждане, которым станет известно об угрозе жизни или здоровью ребенка, о нарушении его прав и законных интересов, обязаны сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения ребенка. При получении таких сведений орган опеки и попечительства обязан принять необходимые меры по защите прав и законных интересов ребенка»².

Из изложенного следует вывод о том, что первостепенная обязанность по защите прав и интересов несовершеннолетних лиц лежит на самом государстве, которое устанавливает такую защиту посредством нормативно-правового регулирования. Следует напомнить, что «под правовой защитой несовершеннолетних следует понимать систему нормативных правовых актов, устанавливающих правовой статус несовершеннолетних как участников общественных правоотношений и закрепляющих основы организации деятельности системы органов по работе с несовершеннолетними и защите их прав и законных интересов» [8]. Однако напрямую выполнять соответствующую обязанность по защите прав несовершеннолетних лиц представляется возможным через их родителей (законных представителей), а в особых случаях через специально уполномоченные государственные органы [9].

При возникновении вопроса защиты прав и интересов несовершеннолетних лиц посредством обращения в специально уполномоченные государственные органы следует обратить внимание на причины, определяющие данный вопрос. Необходимо отметить, что «родительские права на современном этапе развития российского права наконец-то вышли из тени, став предметом пристального внимания законодателя. Представителями по таким делам могут являться прокуратура, органы опеки и попечительства, уполномоченный по правам ребенка, а также сами родители» [10]. Таким образом, возможно сделать вывод о том, что при неисполнении своих родительских обязанностей по должному воспитанию и содержанию детей, а равно соблюдению их прав и интересов на защиту таких прав государственными нормами

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 10.09.2025).

² Там же.

уполномочены специальные структуры и органы. Вместе с тем действующее законодательство также предусматривает различные виды ответственности за неисполнение законными представителями несовершеннолетних своих обязанностей, среди которых гражданско-правовая, административная и даже уголовная ответственность [11].

В вопросе механизма самостоятельной правовой защиты своих интересов для несовершеннолетних существует ряд определенных осложнений, заключающихся в том числе в личной и социальной зависимости от родителей (законных представителей) и отсутствии достаточного жизненного опыта и навыков, что в свою очередь является препятствием для несовершеннолетних лиц при обращении в судебные и административные инстанции, несмотря на наличие при этом тех же основных прав, как и у любого взрослого человека [12]. Вместе с тем в силу возрастного развития умственных способностей и неокончателности сформированности личности, а равно отсутствия набора необходимых психологических качеств ребенок (несовершеннолетнее лицо) просто не способен в полной мере реально оценивать происходящие события, что и выступает неким ограничением в области защиты своих прав. Однако, несмотря на имеющиеся ограничения в части самостоятельной защиты прав несовершеннолетних лиц, а также на зависимость во многих планах от исполнения родителями несовершеннолетних своих обязательств по защите соответствующих прав, существует правозащитный потенциал в лице органов прокуратуры Российской Федерации, со своей стороны обеспечивающих охрану прав и законных интересов детей [13]. Одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры является контроль за надлежащей защитой конституционно-правового обеспечения прав и интересов несовершеннолетних лиц.

Как было установлено ранее, защита прав и свобод человека и гражданина является наиболее важной и приоритетной миссией государственного контроля. Иными словами, каждое правовое государство обязано обеспечивать должную защиту конституционно-правового обеспечения прав и свобод человека и гражданина, в том числе несовершеннолетних лиц. Тем не менее влияние различных негативных факторов на само развитие и функционирование государства в целом может стать причиной неэффективной защиты прав и свобод несовершеннолетних лиц [14, 15]. Нельзя забывать о том, что «правовая защита охватывает все сферы жизнедеятельности несовершеннолетнего: воспитание, образование, медицинское обслуживание, трудовую занятость, социальное обеспечение, досуг и др. К сожалению, в большинстве случаев принимаемые нормативные правовые акты остаются лишь декларативными, поскольку отсутствуют механизмы их реализации как на федеральном, так и региональном уровнях» [16].

С учетом факта приоритетной политики государства, ориентированной на создание необходимых условий для защиты прав несовершеннолетних лиц, а также во избежание их возможного нарушения вследствие влияния различных внешних факторов, в том числе дестабилизирующих само государство, уже сейчас должны быть обеспечены «доступность образования и досуговых учреждений; поощрение волонтерства; материальная поддержка детей; создание рабочих мест; обеспечение безопасности внутри населенных пунктов; развитие института семьи (в рамках воспитания детей); экологическая безопасность и развитое здравоохранение и др.» [17].

Несовершеннолетние лица как один из самых незащищенных слоев населения нуждаются в безусловной защите своих прав и свобод со стороны государства. В этой связи, будучи специально уполномоченными на обеспечение такой защиты, государственные органы, в том числе организации и учреждения, а также частные организации, должны всеми способами реализовывать защиту прав несовершеннолетних лиц [18]. Государственная защита их прав и свобод данной категории лиц направлена в первую очередь на защиту их жизни, а равно на недопущение действий или бездействий, способных привести к нарушению главного права человека – права на жизнь [19]. Вместе с тем нормативно-правовое закрепление защиты личных прав несовершеннолетних в целом обязывает государство создавать необходимые условия для поддержания и при необходимости усовершенствования такой защиты [20]. В этой связи каждый законный представитель (родитель) и иные уполномоченные на воспитание и обучение детей люди, а также государственные организации и органы, занимающиеся в том

числе защитой конституционно-правового обеспечения прав несовершеннолетних лиц, должны не только реализовывать защиту их прав и свобод, но и искать возможные способы ее усовершенствования.

Список литературы

1. Хазиева Р. Р. Становление и развитие конституционно-правового механизма обеспечения прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 96–98. doi: [10.47643/1815-1337_2022_7_96](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2022_7_96) EDN: [WPQDRM](#)
2. Андрущенко Т. И. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних // Форум. 2023. № 3 (29). С. 250–253. EDN: [HIKUTM](#)
3. Серебренникова Д. А., Немирова С. В. Понятие конституционно-правовой защиты несовершеннолетних // Наукосфера. 2024. № 8–1. С. 87–90. doi: [10.5281/zenodo.13268735](https://doi.org/10.5281/zenodo.13268735) EDN: [AGHEPQ](#)
4. Михайлова А. В. Гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина // Аллея науки. 2024. Т. 1, № 1 (88). С. 418–422. EDN: [IFETIO](#)
5. Карташева В. А. Конституционные основы правовой защиты несовершеннолетних // Альманах молодого исследователя. 2024. № 17. С. 139–143. EDN: [AWTPYB](#)
6. Воронцова М. А. Безопасность несовершеннолетних лиц как конституционно-правовой институт // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1–2 (7). С. 348–350. EDN: [VSVXMT](#)
7. Гаврилова Ю. В. Повышение правовой грамотности родителей и детей как условие защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних // Детство – территория безопасности : сб. тр. конф. (г. Москва, 7 декабря 2023 г.). М. : Центр вынужденных переселенцев «Саратовский источник», 2023. С. 101–104. EDN: [CWLZRR](#)
8. Ильина А. А. Защита прав несовершеннолетних в России // Правовая позиция. 2025. № 3 (64). С. 27–32. EDN: [BYMULG](#)
9. Анисимов Р. С. Государственная защита прав и интересов несовершеннолетних // Юстиция. 2023. № 1. С. 37–44. EDN: [LAJGQE](#)
10. Мусаева А. С., Ахтаева Э. А. Государственный контроль в сфере защиты прав и свобод родителей и детей // Актуальные проблемы истории, политики и права : сб. ст. XII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16–17 октября 2024 г.). Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2024. С. 158–161. EDN: [CQASXN](#)
11. Ганжа Н. В., Окунева О. О. Привлечение к уголовной ответственности за уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей и нетрудоспособных родителей в Российской Федерации как механизм защиты прав и свобод в современном обществе // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Возрождение святыни: Костромской кремль : сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 6 октября 2023 г.). Кострома : Костромской гос. ун-т, 2023. С. 182–186. EDN: [WKBOYT](#)
12. Кикоть-Глуходедова Т. В. Роль конституционного судопроизводства в обеспечении прав, свобод и обязанностей человека и гражданина // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 2. С. 64–47. doi: [10.24412/2073-0454-2024-2-64-67](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2024-2-64-67) EDN: [EUFZIO](#)
13. Фомин А. А. Роль прокуратуры в государственно-правовом механизме обеспечения безопасности детей в Российской Федерации // Юбилейные даты в официальной памятке России: правовое измерение : сб. ст. СПб. : Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2022. С. 344–350. EDN: [SWEEVJ](#)
14. Петько В. В., Линник Д. М., Хихлова Е. С. Роль государственной власти местного самоуправления в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Концепции развития общества в условиях новой правовой реальности : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Курск, 10 апреля 2023 г.). Курск : Юго-зап. гос. ун-т, 2023. С. 199–205. EDN: [HDDISY](#)
15. Рассказов Л. П., Луценко Ю. М. Проблемы реализации конституционно-правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина // Наука через призму времени. 2019. № 8 (29). С. 98–101. EDN: [ZCBDIP](#)
16. Юшкевич Д. В. Проблемы защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Перспективы развития науки в современном мире : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Дендра, 2018. С. 220–227. EDN: [XWGPRJ](#)
17. Иванов Р. М. Характеристика мер конституционно-правовой защиты детей, находящихся в социально опасном положении // Современный ученый. 2023. № 4. С. 311–315. EDN: [BDVVXX](#)

18. Грачева Е. Н. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод детей и несовершеннолетних лиц // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 1 (70). С. 298–305. EDN: [MIJWNK](#)
19. Адмиралова И. А., Абдрахимова Э. О., Рукабер Л. И. К вопросу о защите конституционного права ребенка на жизнь // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 4 (60). С. 119–122. EDN: [ASIKZU](#)
20. Чесноков И. В., Чеснокова М. Ю. Правовая защита детей в Российской Федерации // Педагогическое мастерство и современные педагогические технологии : сб. тр. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 11 января 2024 г.). Чебоксары : Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2024. С. 46–49. EDN: [MTFNHL](#)

References

1. Khazieva R.R. Formation and development of the constitutional and legal mechanism for ensuring the rights, freedoms and legitimate interests of minors. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and state: theory and practice*. 2022;(7):96–98. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1337_2022_7_96](#)
2. Andryushchenko T.I. Theoretical and legal foundations for the protection of constitutional rights and freedoms of minors. *Forum = Forum*. 2023;(3):250–253. (In Russ.)
3. Serebrennikova D.A., Nemirova S.V. The concept of constitutional and legal protection of minors. *Naukosfera = Science sphere*. 2024;(8–1):87–90. (In Russ.). doi: [10.5281/zenodo.13268735](#)
4. Mikhaylova A.V. Guarantees for the protection of human and civil rights and freedoms. *Alleya nauki = Alley of science*. 2024;1(1):418–422. (In Russ.)
5. Kartasheva V.A. Constitutional foundations of legal protection of minors. *Al'manakh molodogo is-sledovatelya = Almanac of the young researcher*. 2024;(17):139–143. (In Russ.)
6. Vorontsova M.A. Safety of minors as a constitutional and legal institution. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya = A new word in science: development prospects*. 2016;(1–2):348–350. (In Russ.)
7. Gavrilova Yu.V. Improving the legal literacy of parents and children as a condition for protecting the constitutional rights and freedoms of minors. *Detstvo – territoriya bezopasnosti: sb. tr. konf. (g. Moskva, 7 dekabrya 2023 g.) = Childhood as a territory of safety: conferene proceedings (Moscow, December 7, 2023)*. Moscow: Tsentr vynyuzhdenykh pereselentsev «Saratovskiy istochnik», 2023:101–104. (In Russ.)
8. Il'ina A.A. Protecting the rights of minors in Russia. *Pravovaya pozitsiya = Legal position*. 2025;(3):27–32. (In Russ.)
9. Anisimov R.S. State protection of the rights and interests of minors. *Yustitsiya = Justice*. 2023;(1):37–44. (In Russ.)
10. Musaeva A.S., Akhtaeva E.A. State control in the field of protecting the rights and freedoms of parents and children. *Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava: sb. st. XII Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 16–17 oktyabrya 2024 g.) = Current issues in history, politics, and law: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Penza, October 16–17, 2024)*. Penza: Penzenskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2024:158–161. (In Russ.)
11. Ganzha N.V., Okuneva O.O. Criminal liability for evasion of payment of funds for the maintenance of minor children and disabled parents in the Russian Federation as a mechanism for protecting rights and freedoms in modern society. *Istoricheskaya pamyat' i dukhovnyy opyt formirovaniya rossiyskoy gosudarstvennosti. Vozrozhdenie svyatyni: Kostromskoy kreml': sb. tr. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kostroma, 6 oktyabrya 2023 g.) = Historical memory and spiritual experience of the formation of Russian statehood. Revival of the Kostroma Kremlin: proceedings from the VI International Scientific and Practical Conference (Kostroma, October 6, 2023)*. Kostroma: Kostromskoy gos. un-t, 2023:182–186. (In Russ.)
12. Kikot'-Glukhodedova T.V. The role of constitutional proceedings in ensuring the rights, freedoms and obligations of individuals and citizens. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(2):64–47. (In Russ.). doi: [10.24412/2073-0454-2024-2-64-67](#)
13. Fomin A.A. The role of the prosecutor's office in the state-legal mechanism for ensuring the safety of children in the Russian Federation. *Yubileynye daty v ofitsial'noy pamyatke Rossii: pravovoe izmerenie: sb. st. = Anniversary dates in the official memorandum of Russia: legal dimension: collection of articles*. Saint Petersburg: Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologiy «Asterion», 2022:344–350. (In Russ.)
14. Pet'ko V.V., Linnik D.M., Khikhlova E.S. The role of local government in ensuring the rights and freedoms of man and citizen. *Kontseptsii razvitiya obshchestva v usloviyakh novoy pravovoy real'nosti: sb. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kursk, 10 aprelya 2023 g.) = Concepts of social development in the context*

of the new legal reality: collection of works of the International scientific and practical conference (Kursk, April 10, 2023). Kursk: Yugo-zap. gos. un-t, 2023:199–205. (In Russ.)

15. Rasskazov L.P., Lutsenko Yu.M. Problems of implementing the constitutional and legal mechanism for protecting human and civil rights and freedoms. *Nauka cherez prizmu vremeni = Science through the prism of time*. 2019;(8):98–101. (In Russ.)

16. Yushkevich D.V. Problems of protecting the rights of minors in the Russian Federation. *Perspektivy razvitiya nauki v sovremennom mire: sb. st. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Prospects for the development of science in the modern world: proceedings of VII International Scientific and Practical Conference*. Ufa: Dendra, 2018:220–227. (In Russ.)

17. Ivanov R.M. Characteristics of measures of constitutional and legal protection of children in socially dangerous situations. *Sovremennyy uchenyy = Modern studies*. 2023;(4):311–315. (In Russ.)

18. Gracheva E.N. Prosecutor's supervision in the sphere of protection of the rights and freedoms of children and minors. *Vestnik nauki = Science herald*. 2024;2(1):298–305. (In Russ.)

19. Admiralova I.A., Abdryakhimova E.O., Rukaber L.I. On the issue of protecting the child's constitutional right to life. *Vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii = Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2021;(4):119–122. (In Russ.)

20. Chesnokov I.V., Chesnokova M.Yu. Legal protection of children in the Russian Federation. *Pedagogicheskoe masterstvo i sovremennye pedagogicheskie tekhnologii: sb. tr. VII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Cheboksary, 11 yanvarya 2024 g.) = Pedagogical skills and modern pedagogical technologies: proceedings of VII international scientific-practical conference (Cheboksary, January 11, 2024)*. Cheboksary: Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv plus», 2024:46–49. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Э. Г. Дадашова – преподаватель кафедры экономики и права, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, 188491, г. Ивангород, ул. Котовского, 1. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0911-0356>

E.G. Dadashova – Lecturer of the Department of Economics and Law, Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 1 Kotovskiy street, Ivangorod, 188491. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-0911-0356>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342

EDN: FVNUMH

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-5

ОПТИМИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ И КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Максим Григорьевич Егорчев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

gr.gri2009@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Научная новизна работы заключается в выявлении институционального диссонанса между декларируемыми целями миграционной политики РФ (Концепция 2019–2025 гг.) и практикой их реализации в условиях мультикризисных вызовов, возникших в последние годы (пандемия COVID-19, санкции иных государств в ответ на проведение специальной военной операции). Неэффективность адаптационных механизмов усиливает социально-правовые риски, формируя институциональные ловушки. Цель данной работы – выявление ключевых проблем, препятствующих успешной реализации миграционной политики, а также определение их причин и последствий для государства и общества. *Материалы и методы.* Применены сравнительно-правовой анализ нормативных актов (указов № 274, 580, Концепции миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.), изучение статистических данных Министерства внутренних дел РФ и ООН (2020–2025 гг.); контент-анализ материалов миграционных центров Санкт-Петербурга. *Результаты.* Установлены три системные проблемы: неэффективность языковой и правовой подготовки мигрантов (31,7 % владеют русским языком на базовом уровне, 16,1 % не осознают правовые нормы); отсутствие федеральной системы адаптации, ведущее к изоляции групп мигрантов; неспособность органов МВД оперативно реагировать на кризисы (подтверждено на примере COVID-19), что усугубляет незаконную занятость. *Выводы.* Для преодоления институциональных ловушек доказана необходимость создания единой федеральной программы адаптации мигрантов; усиления международного сотрудничества для обмена данными с правоохранительными органами стран-доноров; интеграции кризисных планов в миграционное законодательство. Реализация предложенных мер минимизирует социальные конфликты и оптимизирует управление миграционными потоками, а также приведет к положительным экономическим изменениям.

Ключевые слова: миграционная политика, мигранты, миграционные проблемы, интеграция, COVID-19

Для цитирования: Егорчев М. Г. Оптимизация миграционной политики Российской Федерации: анализ проблем адаптации и кризисного управления // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 47–58. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-5 EDN: FVNUMH

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

OPTIMIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION MIGRATION POLICY: ANALYSIS OF ADAPTATION AND CRISIS MANAGEMENT PROBLEMS

Maxim G. Egorchev

Penza State University, Penza, Russia

gr.gri2009@mail.ru

Abstract. *Background.* The scientific novelty of the work is to identify an institutional dissonance between the declared goals of the migration policy of the Russian Federation (the 2019–2025 Concept) and the practice of their implementation in the context of the multicrisis challenges that have arisen in recent years (the Covid-19 pandemic, sanctions from other states in response to SVO). The study demonstrates how the inefficiency of adaptation mechanisms increases socio-legal risks, forming institutional traps. The purpose of this work is to identify the key problems that hinder the successful implementation of migration policy, as well as to identify their causes and consequences for the state and society. *Materials and methods.* Applied: comparative legal analysis of regulations (Decrees No. 274, 580, the Concept of Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025); statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the United Nations (2020–2025); content analysis of materials from migration centres in St. Petersburg. *Results.* Three systemic problems have been identified: inefficiency of language and legal training for migrants (31.7 % speak Russian at a basic level, 16.1 % do not understand legal norms); lack of a federal adaptation system, leading to isolation of migrant groups; inability of the Interior Ministry to respond promptly to crises (confirmed by the example of COVID-19), which exacerbates illegal employment. *Conclusions.* In order to overcome institutional traps, it is proved necessary to create a unified federal programme for the adaptation of migrants; strengthening international cooperation for data exchange with law enforcement agencies of donor countries; integration of crisis plans into migration legislation. The implementation of the proposed measures will minimize social conflicts and optimize the management of migration flows, as well as lead to positive economic changes.

Keywords: migration policy, migrants, migration problems, integration, COVID-19

For citation: Egorchev M.G. Optimization of the Russian Federation migration policy: analysis of adaptation and crisis management problems. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):47–58. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-5

Происходящие в Российской Федерации крупномасштабные и сложно прогнозируемые изменения, катализатором которых выступают глобальные события, приводят к серьезным изменениям в условиях жизни не только граждан, но и проживающих на территории страны лиц иностранного происхождения.

Это обуславливает актуальность вопроса о мерах реализации миграционной политики. Неблагоприятный характер этих метаморфоз, затрагивающих почти все сферы жизни, приводит к нарушению прав граждан Российской Федерации и прибывающих в страну мигрантов. Все это, в свою очередь, влечет последствия в социокультурных и экономических областях, а также приводит к упадку правовой обстановки в государстве, ухудшению качества жизни граждан или нарушению их прав, поддержание которых является одной из приоритетных задач государства.

Необходимо установить виды миграции иностранных лиц и лиц без гражданства, что позволит определить цель их прибытия, а следовательно, и предполагаемое влияние на реализацию миграционной политики.

В первую очередь стоит рассмотреть миграцию по временным периодам, являющимся предположительным сроком миграции.

Первую категорию составляет краткосрочная миграция, временной период которой не превышает год. Она делится на несколько видов:

1. Сезонная миграция, для которой характерна миграция для труда в течение нескольких месяцев, ограниченная одним или несколькими сезонами (сельскохозяйственные работы, часть строительных работ).

2. Туристическая миграция. Используется в культурно-развлекательных целях в течение относительно небольшого периода времени (до 3 месяцев).

3. Трансграничная челночная (циклическая) миграция, характеризующаяся регулярным пересечением границы в учебных и рабочих целях. В зависимости от граничащей страны цели могут различаться. Так, данный тип миграции получил распространение в Приморском крае (14,6 %) и Калининградской области (35,2 %) [1, с. 65].

Ко второй категории относится долгосрочная миграция (не менее 1 года), целью которой чаще всего выступают образование и работа.

В третью категорию включается постоянная миграция.

Вторую группу можно выделить по характеру миграции. К ней можно отнести добровольную, вынужденную (политические преследования, незаконные насильственные действия со стороны государства и пр.) и принудительную (депортация) виды миграции.

Третья группа характеризуется по степени организованности. Выделяют организованную (используются государственные, муниципальные или общественные структуры для упорядочивания миграционных потоков) и стихийную миграцию [2, с. 357–358].

Следует учитывать и характер миграционных причин: учебная, трудовая, туристическая и переселенческая [3, с. 43].

Миграционные потоки в Российскую Федерацию возникают, согласно теории Эверетта С. Ли, по принципу «толчка-притяжения», когда в России есть те условия, которые необходимы мигрантам (притяжение), и они отсутствуют на их родине или же там действует неблагоприятный фактор (толчок), что и побуждает их к миграции [4]. Для учащихся – уровень образования, который они не могут получить в своей стране или он для них слишком дорог. Для рабочих – высокий и легкодоступный уровень заработка относительно их родины, в которой низкая заработная плата и большой уровень безработицы. Для переселенцев – уровень жизни, отсутствие гонений со стороны государства и целый ряд иных причин. Для туристов – новые, яркие впечатления, недоступные в их стране. Однако, как справедливо отмечено в данной теории, на практике подобная упрощенная картина разрушается об институциональные барьеры.

Так, институциональный диссонанс в реализации миграционной политики Российской Федерации характеризуется несоответствием между декларируемыми целями Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. и практикой регулирования в условиях мультикризисных вызовов. Этот разрыв проявляется в системной неэффективности адаптационных механизмов: языковая и правовая подготовка мигрантов не обеспечивает реальной интеграции, что способствует изоляции групп и формированию этнических анклавов. Отсутствие единой федеральной системы адаптации подрывает цели социокультурного включения, ограничиваясь разрозненными региональными инициативами. При этом институциональная неготовность органов МВД РФ к экстренным ситуациям, ярко проявившаяся во время пандемии COVID-19, усугубляет риски: отсутствие регламентов кризисного управления привело к стихийным лагерям мигрантов, массовой потере занятости и росту нелегального труда, несмотря на временные либерализационные меры. Данный диссонанс формирует институциональные ловушки В. М. Полтеровича, где воспроизводство неэффективных практик

(формальное тестирование языка, истории и права, отсутствие превентивных мер регулирования ЧС) усиливает социально-правовые угрозы и блокирует достижение стратегических целей политики.

Масштабы можно оценить с помощью статистики, собранной исполнительным комитетом СНГ по сведениям МВД РФ. Согласно данным с указанного информационного ресурса со ссылкой на Государственную информационную систему миграционного учета, в 2020 г. на территорию Российской Федерации прибыло 5,8 млн иностранных граждан, что ниже показателя за 2019 г., по их же сведениям, на 70 %¹. Учитывая актуальные показатели с данного информационного ресурса за 2023 г. (12 млн человек) и данные 2019 г. (19,3 млн человек), при сравнении можно выделить – миграционные потоки уменьшились почти в 1,6 раза за 4 года.

Рассмотреть один из подобных факторов возможно на мигрантах-рабочих, прибывших в Российскую Федерацию на заработки. Мигранты редко обладают необходимыми и востребованными навыками для высокооплачиваемой работы, такими как знания в сфере IT или медицины. Те же лица, которые обладают ими и могут претендовать на статус «высококвалифицированных специалистов», предпочитают более высокооплачиваемые страны относительно России [5, с. 98–99]. Тем самым мигранты, согласно теории сегментированного рынка Пиоре, концентрируются во вторичном сегменте, для которого характерны низкая заработная плата, отсутствие стабильности и карьерных перспектив [6, с. 26, 35–39]. Их главная цель – высокий уровень заработной платы – недостижима, а уровень жизни часто оказывается ниже, чем на родине.

Так, статистические данные проведенного АО «Эксперт РА» анонимного опроса региональных представителей власти выявили несколько основных сфер деятельности мигрантов по регионам.

По мнению 94 % регионов, на первом месте находится строительная сфера, являющаяся сезонной. В данной сфере учитываются как высококвалифицированные специалисты, так и разнорабочие. Второе место, как отметили почти половина регионов, принадлежит торговле. Третье место делится между сельским хозяйством и обрабатывающими производствами, которые были отнесены к ведущим отраслям для трудоустройства мигрантов в трети регионов². Часть представленных сфер занятости являются опасными для здоровья, требуют стрессоустойчивости и характеризуются высоким объемом труда, что делает их малопопулярными среди местного населения, а также большим количеством вакансий и необходимостью работодателям искать альтернативные методы привлечения сотрудников, согласных на сложные условия труда. Однако важно уточнить, что с учетом анонимности данных полученные результаты не могут быть экстраполированы на всю Россию, так как отражают мнение неизвестной группы регионов.

Российское предпринимательство оказывает активную поддержку миграционным процессам, обеспечивая себя тем самым более дешевой и менее требовательной, по сравнению с местными жителями, рабочей силой, что является дешевой альтернативой найму и обучению местного населения [7, с. 18]. Таким образом занимают рабочие места, имеющие низкую популярность или негативную репутацию среди местного населения.

Первой проблемой, возникающей в подобной ситуации, являются случаи, когда рабочие места не соответствуют всем законодательным требованиям или обладают повышенной степенью травмоопасности на отдельных производствах, например строительных площадках. Дополнительным минусом является недобросовестность указанных работодателей, склонных впоследствии нарушать права не только мигрантов, но и граждан собственной страны.

За подтверждением данного утверждения можно обратиться к исследованиям, проведенным в Санкт-Петербурге. В 2006 г. среди проживающих там мигрантов отмечается частое

¹ Миграционная ситуация в государствах – участниках СНГ // Интернет-портал СНГ : сайт. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3717/> (дата обращения: 20.07.2025).

² Миграция населения в 2024 году: потоки ослабевают // Эксперт РА : сайт. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ (дата обращения: 22.07.2025).

превышение среднего рабочего дня как наиболее распространенная проблема [8, с. 66]. В 2015 г. эти показатели были в пределах 11–12-часового дня для 33,8 % мужчин и 51,3 % женщин и в пределах 8–10 ч для 46,8 % мужчин и 45,9 % женщин [9, с. 11].

Независимыми опросами выявлено отсутствие трудового договора среди трети опрошенных лиц. Иными распространенными проблемами, по мнению мигрантов, являются продолжительность рабочего дня, интенсивность и условия труда.

Представленные правонарушения со стороны работодателя носят распространенный характер. Несмотря на систематический контроль со стороны федеральных органов, в частности Федеральной службы по труду и занятости, работодатели продолжают нарушать установленное Конституцией Российской Федерации право мигрантов на осуществление трудовой деятельности в соответствии с законодательными нормами.

Это приводит к пониманию мигрантами бесперспективности своих действий в данном направлении и поиску альтернативных путей заработка, что также может привести к выбору нелегальных источников дохода. Это могут быть как относительно безобидные, неофициальные трудоустройства для получения повышенных выплат (но инициатором правонарушения будет уже не работодатель, а сам мигрант), так и более вредоносные правонарушения, к числу которых относится телефонное мошенничество, подделка документов и иные правонарушения, позволяющие получить максимальную выгоду с минимальным вложением времени и трудозатрат. Данные действия нарушают сразу несколько направлений миграционной политики, установленных Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» – обеспечение качества жизни и безопасности государства¹.

В качестве второй проблемы выделяется сложность интеграции мигрантов в Российскую Федерацию. Российская Федерация является многонациональным государством, где множество народов имеют свои традиции и обычаи, что позволяет найти иные культурные проявления буквально в соседних регионах. Однако такое положение не позволяет мигрантам получить комфортные условия, так как цель прибытия большинства из них – зарабатывание денег. Соответственно, они направляются в регионы и города с самыми высокими заработными платами, такие как Москва, Краснодар или Санкт-Петербург, а с недавних пор – Дальний Восток [10, с. 56].

Мигранты часто сталкиваются с различными трудностями, вызванными особенностями другой культуры и языковым барьером, а также правовыми условиями новой страны.

В Российской Федерации установлена необходимость сдачи экзаменов по русскому языку, истории и на знание законодательства для получения вида на жительство, разрешения на работу или патента. Однако у опрошенных мигрантов отмечаются серьезные сложности в указанных сферах знаний.

Так, исследование на основании данных миграционных центров – членов Ассоциации содействия международной трудовой миграции (г. Санкт-Петербург, 4028 опрошенных, из них 3464 мужчины и 563 женщины в возрасте от 18 до 64 лет, средний возраст 41) показало, что только 6,9 % бегло владеют языком, 21,7 % хорошо понимают язык и письменность, 23,7 % понимают речь и способны поддерживать диалог или написать письмо, 31,7 % опрошенных понимают общий смысл простых фраз и могут поддерживать беседу, 16 % владеют базовым уровнем языка и могут понять медленную речь. Последние два показателя являются неприемлемыми для сдачи экзаменов. В повседневной жизни это вызывает сложности в коммуникации с местным населением, а также приводит к отчужденности и замкнутости мигрантов. Тем самым устанавливается языковой барьер, который мигранты не преодолевают без необходимости и предпочитают общение с соотечественниками, что создает замкнутый круг [11, с. 80–81].

Третья проблема связана со знанием законодательства. Лишь 38,5 % разбираются в законодательстве на приемлемом уровне: 11,6 % отмечают, что не испытывают сложностей

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2018. № 45. Ст. 6917.

в понимании законодательства и 26,9 % знают основные законы. Помимо них, 39,9 % отмечают заметные сложности в понимании законодательства, но знают о том, где и с кем можно проконсультироваться о проблемных вопросах. Однако 16,1 % отметили, что почти не осознают допустимые нормы поведения, а 5,4 % указали, что совершенно не способны понимать право без посторонней помощи.

Это указывает на однозначный недостаток в уровне их подготовки и социальной адаптации к жизни в Российской Федерации, несмотря на наличие до недавних пор специальных центров языкового тестирования, которые проводили три упомянутых экзамена от имени 12 университетов и 1 автономной организации, уполномоченных на их проведение. Как показало исследование, требуется дополнительное обучение.

Одновременно необходимо отметить, что языковые центры зачастую недобросовестно подходили к проверке качества знаний мигрантов. Последствием этого стал Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 августа 2023 г. № 779¹, исключивший частные организации из перечня организаций, обладавших правом на проведение соответствующих экзаменов с целью повышения контроля прохождения экзаменов.

В дополнение ко всему этому отметим желание людей объединяться по национальному признаку. Ощущение общности и единения перевешивает дискомфорт от пребывания в незнакомой среде или сильно его сглаживает, обеспечивая чувство безопасности и комфорта. Это же приводит к изолированности от нового общества, осложнению интеграции и в случае присутствия в группе лица с ярко выраженным девиантным поведением (относительно нового общества) значительному повышению риска его распространения в замкнутой среде.

В такой ситуации при вступлении в данные сообщества мигранты фактически не могут адаптироваться. Они предпочитают жить замкнутыми небольшими группами с привычным или приближенным к нему распорядком, что является комфортной для них средой. Это приводит к потере ими возможности изучить традиции и моральные установки общества, практиковать язык и расширять культурный кругозор.

Те мигранты, которые не только не желают адаптироваться к новым жизненным обстоятельствам, но и пытаются навязать свои собственные, привычные им порядки, тем самым нарушают права других людей, включая права других мигрантов, установленные законодательством Российской Федерации. Этот вариант, по сравнению с прочими видами девиантного поведения мигрантов, является наиболее социально опасным. Отказ от принятия установленных законов не воспринимается ими как что-то постыдное, так как они продолжают жить в новой среде по своим старым стандартам. Данная ситуация хуже прочих в связи с тем, что правонарушитель подталкивает других людей к аналогичным, противозаконным, действиям.

Отдельного упоминания заслуживает религия. Религия часто выступает в качестве комплекса предписаний, которым руководствуются многие из верующих мигрантов. Само по себе исповедание религии не является правонарушением в Российской Федерации, являющейся светским государством в соответствии с Конституцией, закрепляющей равенство и право исповедания всех религий в ст. 14, и даже общественно поощряется в качестве морально-нравственного ориентира. Но проблема заключается в том, что отдельные мигранты, не обладающие развитым правовым сознанием, не различают или различают с трудом религиозные предписания и светское законодательство России. Правонарушения на религиозной почве разрушают доверие граждан к государственной власти и ее авторитету [12, с. 8].

Это происходит из-за отсутствия осознания негативного характера своих действий, что связано с недостаточной правовой и социокультурной адаптацией. Это может привести к навязыванию своих религиозных взглядов сначала в своих общинах. Позднее при более радикальных взглядах мигранта возможен религиозный экстремизм, а в отдельных случаях –

¹ О признании утратившим силу пункта 13 перечня организаций, осуществляющих образовательную деятельность, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 августа 2023 г. № 779 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309200005> (дата обращения: 03.03.2025).

религиозный терроризм, что проистекает из попытки изменения общества под свои взгляды насильственными методами [13, с. 78].

Все это приводит к эскалации межнациональных конфликтов, вызванных открытым проявлением девиантного поведения, что в свою очередь вызывает сильную негативную реакцию местного населения и развитие конфликтов на национальной почве. Среди людей, ставших жертвой девиантного поведения мигрантов, возникают зачатки национализма в его агрессивной форме, что напрямую противоречит Конституции Российской Федерации.

Согласно рекомендациям по борьбе с девиантным поведением необходима длительная терапия, что не представляется возможным в связи с ранее указанными причинами (закрытостью общества по национальному или религиозному признаку, наличию у его членов девиантного поведения).

Необходимо отметить, что к факторам, оказывающим влияние на миграционную политику, относятся и временные события крупного масштаба, которые уже утратили силу воздействия или продолжают происходить и в настоящее время. В отличие от прочих факторов, они не длятся десятилетиями, максимум несколько лет или месяцев, но вызванные ими последствия носят долгосрочный характер.

Первым таким событием выступают уже упомянутый COVID-19 и изоляция, вызванная эпидемией. Ограничения, связанные с изоляцией при COVID-19, привели к утрате многими мигрантами своих рабочих мест, сделав их социально уязвимой группой людей. При этом работу, согласно частным опросам, потеряли от 18,5 до 55 % мигрантов [14, с. 94].

Данная группа людей столкнулась с несколькими существенными проблемами. Первая из них заключалась в сложности пересечения границы в течение продолжительного периода времени, что ограничивало для них возможность покинуть страну. Лишенные, пусть и временно, данного права, мигранты пытались пересечь границу, используя незаконные пути, создавая временные палаточные лагеря с антисанитарными условиями, или пытались переждать данный период, продолжая жить в Российской Федерации на накопления, полученные в период работы¹.

Данная проблема усугубила вторую – утрату рабочих мест. Многие мигранты работали либо по договору гражданско-правового характера, либо незаконно, не оформляя соответствующие документы и не оплачивая установленные законодательством патенты [15, с. 61]. Тем самым они лишались гарантий при таких ситуациях, как пандемия, когда производства были сильно ограничены и невозможно было реализовать их потенциал полностью, а следовательно, сокращалось количество рабочих мест. Отсутствие дохода и средств к существованию подталкивало мигрантов браться за любую работу, включая незаконную.

В указанных условиях государственный аппарат пошел по пути либерализации миграционного законодательства, значительно смягчив последствия пандемии и применяемых мер для мигрантов [16, с. 14]. Указы Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и 23 сентября 2020 г. № 580 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации “О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» продлили сроки временного пребывания, постановки на учет по месту пребывания, проживания мигрантов, а также иные предусмотренные законодательством сроки в отношении мигрантов². В них

¹ Тысячи узбекских мигрантов собрались в палаточном лагере под Самарой // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/727140> (дата обращения: 03.07.2025).

² О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 // СЗ РФ. 2020 № 16. Ст. 2573 ; О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» : указ Президента Российской Федерации от 23 сентября 2020 г. № 580 // СЗ РФ. 2020 № 39. Ст. 6020.

также определялись порядок отбытия из страны, временная приостановка использования депортации, административного выдворения из страны, лишение статуса беженца и иные ситуации. Фактически мигранты могли не беспокоиться о вынужденном ограничении части их прав в период пребывания в Российской Федерации, благодаря временному освобождению от части их обязанностей.

Данные указы также использовались в рамках исполнения миграционной политики Российской Федерации. В течение длительного времени она была направлена на обеспечение экономической стабильности Российской Федерации путем использования миграционных ресурсов и стимулирования для привлечения мигрантов к востребованным среди работодателей сферам с большим количеством вакансий. Помимо этого, миграционная политика направлена на уменьшение естественной убыли населения (в идеале – на прирост) с помощью привлечения мигрантов в Российскую Федерацию в качестве новых граждан.

Ситуации, подобные пандемии COVID-19, имеют серьезные последствия при реализации миграционной политики. Так, меры изоляции для предотвращения распространения заболевания, оказывающие влияние на миграционные потоки, были введены не в начале года, а потому большая часть мигрантов уже успела прибыть в Российскую Федерацию. Но иностранные граждане, не успевшие прибыть до наступления карантинных мер, вынуждены были искать иные способы заработка, а следовательно, обращаться к внутренним или иным внешним трудовым рынкам, тем самым лишая Российскую Федерацию потенциальной востребованной рабочей силы, или прибегать к незаконным методам проникновения через границу, что также имеет негативные последствия и вредит обеспечению национальной безопасности.

Также была выявлена неспособность Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России (на тот момент Главного управления по вопросам миграции МВД России) эффективно осуществлять свои обязанности в возникших экстренных условиях. Это выражалось в создании стихийных временных лагерей при ожидании выезда из России после закрытия границ между странами, отсутствии возможности ведения электронного документооборота (указы Президента нивелировали данную необходимость, однако это была временная мера), низком уровне поддержки мигрантов, отсутствии альтернатив МФЦ (временно прекративших предоставлять очные услуги и тем самым сокративших их объем). Но главный фактор, свидетельствующий о несостоятельности данного органа, – отсутствие регламента на случай экстренных ситуаций, что не позволило ввести своевременные меры в отношении мигрантов и их пребывания на территории Российской Федерации.

Помимо этого, была выявлена несостоятельность органов власти, связанных с регулированием миграционных процессов в Российской Федерации. Они не смогли соответствующим образом отреагировать на возникшую кризисную ситуацию и оказались бессильны в решении отдельных вопросов ввиду отсутствия предусмотренных законодательством мер для подобных кризисов. Это показало слабость законодательных мер в подобных условиях, несмотря на уникальность последних из-за масштабов [17, с. 373].

Возникающие сложности приводят к спорам о целесообразности реализации текущей миграционной политики. Все чаще выдвигаются идеи о необходимости смены курса. Так, Д. А. Рузаев в своих утверждениях ссылается на то, что в современных экономических и демографических условиях Российской Федерации нецелесообразно продвижение миграционной политики, поощряющей привлечение мигрантов. Кроме того, он заявляет о создании избыточной конкуренции в целях демпинга цен на рабочую силу при помощи привлечения мигрантов, от чего страдает местное население. Дополнительно ситуация усугубляется повышенными расходами на гарантии социального и медицинского характера, которые работодатели, привлекающие мигрантов, перекладывают на государственный аппарат с целью минимизации расходов для получения сверхприбылей [18, с. 79–81].

С данными тезисами нельзя согласиться. Миграционная политика осуществляется в течение многих лет, однако актуальная информация из официальных источников свидетельствует о результатах, отличных от заявленных.

Так, уровень безработицы в 2020 г., по сведениям Федеральной службы государственной статистики, составил 5,9 %. При этом в 2024 г., как указано в докладе Президента Российской Федерации, он опустился до 2,4 %. В соответствии с мнением бывшего Первого заместителя председателя Правительства РФ А. Р. Белоусова, оптимальным является уровень безработицы в 4 %, обеспечивающий комфортные условия для работодателя, получающего резерв из соискателей, и для работников, способных найти новое рабочее место.

Усложнение реализации миграционной политики из-за таких событий, как пандемия COVID-19 и СВО, оказало воздействие на миграционные потоки в связи с экономическим спадом (и уменьшением количества вакансий для мигрантов) в первом случае и изменением курса валют, а впоследствии и с блокировкой для Российской Федерации системы SWIFT (в результате этого мигранты не могут осуществлять переводы на территорию своей страны) во втором, что влияло на размеры заработных плат мигрантов при конвертации валют. Экономика, приспособленная к определенному числу доступных сотрудников, начала испытывать затруднения с набором подходящего кадрового состава, в связи с этим снизилось качество и скорость реализации концепции развития, что приводит к мысли о необоснованности представленного довода [19, с. 301]. В более радикальном случае отказ от мигрантов можно рассматривать как угрозу национальной безопасности в экономической сфере, что прямо противоречит целям миграционной политики.

Нельзя также согласиться и с тезисом, что на стране отрицательно сказываются расходы на мигрантов. Российская Федерация – это социальное государство, что закреплено в ст. 7 Конституции. Это означает обеспечение достойного уровня жизни человека. Не только граждане страны, но и представители иных государств имеют на это право на ее территории. При этом с мигрантов также взимаются налоги, используемые государственным механизмом для поддержания функционирования своих собственных элементов, в том числе социально-медицинского характера, а потому мигранты не являются бременем для бюджета.

Делая вывод, отметим, что осуществляемые меры реализации миграционной политики на нынешнем уровне воздействия и контроля однозначно недостаточны.

Наиболее слабым структурным элементом, нуждающимся в доработке, являются средства адаптации мигрантов к новым условиям жизни в рамках Российской Федерации. Фактически они отсутствуют на федеральном уровне в необходимом, узком направлении, по сути ограничиваясь общими мерами в рамках миграционной политики и отдельных мероприятий, не обеспечивающих должного уровня и доступности подобных услуг на постоянной основе [20, с. 65].

Возможно внедрение обязательных адаптационных курсов в течение нескольких месяцев, в рамках которых мигрантам будет предоставляться практика русского языка, будут проводиться правовые консультации и историко-культурная ориентация. Введение обязательных курсов адаптации позволит им углубить данные знания, влиться в новое общество и снизить напряженность, одной из причин которой является языковой барьер. В истории России уже известны способы решения аналогичных проблем – обучение в вечерних школах.

В данном варианте обучение предполагается вести среди лиц с базовыми познаниями языка, а потому возможно использование учительского состава, специализирующегося на школьной программе.

Показателями успешности данного проекта выступают:

- 1) число мигрантов, прошедших адаптацию;
- 2) уровень владения русским языком (доля с уровнем B1+);
- 3) снижение числа административных правонарушений среди мигрантов (данные МВД);
- 4) индекс политики интеграции мигрантов (MIPEX).

Использование международного сотрудничества позволит решить вопрос эффективного распределения трудовых миграционных ресурсов. Иностранное государство может выступать в качестве посредника по трудоустройству, который в случае конфликтных ситуаций будет представлять интересы мигрантов. Это приведет к росту миграционного потока за счет

гарантий безопасности [21, с. 1666]. Конкретным примером может послужить опыт Филиппин. Они являются, в противовес Российской Федерации, страной-донором мигрантов, 9 % ВВП которой в 2023 г. составляли доходы от переводов в связи с миграционными заработками. Согласно годовому отчету Департамента по делам трудящихся-мигрантов, в рамках своей деятельности Филиппины оказывают правовую, финансовую (в случае чрезвычайных ситуаций), психологическую поддержку, а также помощь при переподготовке или выборе работодателя¹.

Российской альтернативой может стать цифровая платформа для распределения трудовых мигрантов по регионам. Данную функцию частично выполняют квоты, регулирующие миграционные потоки, но в отличие от платформы они не смогут эффективно распределить их в различные регионы и предоставить вакансии. По сути, это будет общероссийская биржа труда для мигрантов.

Показателями эффективности в данном случае будет снижение количества предполагаемых нелегальных мигрантов (со слов В. А. Колокольцева, 11 % в 2025 г.), повышение налоговых поступлений, перераспределение квот по областям и регионам, а также количество мигрантов, трудоустроенных через платформу.

Последним элементом, который возможно ввести для решения поставленных задач, является типовая регламент действий МВД РФ при чрезвычайных ситуациях, разработанный исходя из опыта, полученного в условиях распространения COVID-19.

Критериями будут выступать время практического реагирования на кризисы, отсутствие стихийных лагерей и меры социальной поддержки мигрантов при ЧС.

Таким образом, необходимо совершенствование миграционной политики в области международного сотрудничества для повышения эффективности управления миграционными потоками и их оптимизации как одной из эффективных мер по укреплению национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Соколова А. А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 52–70. doi: [10.15838/ptd.2023.4.126.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4) EDN: [PIAZRV](https://esj.pnzgu.ru/PIAZRV)
2. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 356–360. doi: [10.26140/anie-2021-1002-0077](https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0077) EDN: [MUCCSS](https://esj.pnzgu.ru/MUCCSS)
3. Литвинова Ю. И., Обринская Е. Основные направления совершенствования миграционной политики Российской Федерации // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 39–46. EDN: [EXQAVS](https://esj.pnzgu.ru/EXQAVS)
4. Lee Everett S. A. Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3 (1). P. 47–57.
5. Дмитриева Т. В. Экономические проблемы международной миграции труда // Молодой ученый. 2020. № 50. С. 98–100. EDN: [NKYCTS](https://esj.pnzgu.ru/NKYCTS)
6. Piore M. J. Birds of passage : Migrant labor in industrial societies. London etc. : Cambridge Univ. Press, 1979. 229 с.
7. Тенденции развития миграции в современной России / А. Н. Аверин [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 15–20. doi: [10.24412/2220-2404-2024-6-1](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-1) EDN: [CVWEEK](https://esj.pnzgu.ru/CVWEEK)
8. Тюрюканова Е. В. О влиянии миграции на рынок труда // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 56–70.
9. Журавлева И. В., Иванова Л. Ю. Мигранты: социально-экономические условия жизни, влияющие на здоровье, и обращаемость в российские медицинские учреждения (результаты опроса в Санкт-Петербурге) // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 3 (43). С. 11. EDN: [UBIQBN](https://esj.pnzgu.ru/UBIQBN)
10. Коровникова Н. А. Трудовая миграция в регионах Российской Федерации: тенденции, потенциал, перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2024. № 1 (14). С. 50–64. doi: [10.31249/snsn/2024.01.03](https://doi.org/10.31249/snsn/2024.01.03) EDN: [JQZCCW](https://esj.pnzgu.ru/JQZCCW)

¹ Annual Report 2023 // Department of Migrant Workers, Republic of the Philippines : website. URL: <https://dmw.gov.ph/annual-report-2023> (дата обращения: 19.07.2025).

11. Демина Е. Н. Ожидаемые трудности трудовых мигрантов как препятствие к их социокультурной адаптации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2. С. 79–84. doi: [10.24412/1994-3776-2023-2-79-84](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-79-84) EDN: [BVDQKK](#)
12. Мухаметзарипов И. А. Шариат в правовой системе современного светского государства: идеология или необходимость? // Мусульманский мир. 2015. № 3. С. 7–27. EDN: [RVQLDV](#)
13. Черныш М. А. Религиозный терроризм как угроза мировой и национальной безопасности // Философия права. 2020. № 3 (94). С. 75–82. EDN: [UORLPV](#)
14. Разин М. В., Караваев Е. С., Стурова Н. А. Особенности миграционной ситуации в РФ в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11–1. С. 92–95. doi: [10.23672/q9915-2893-8497-e](https://doi.org/10.23672/q9915-2893-8497-e) EDN: [WDJJEB](#)
15. Зарипов З. С., Марков А. Ю. Влияние миграционных процессов на национальную безопасность Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2 (73). С. 59–61. EDN: [PWIAL](#)
16. Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 10–38. doi: [10.5922/2079-8555-2020-4-2](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-2) EDN: [UGQSAQ](#)
17. Решетникова Ю. М. Миграционная политика в условиях пандемии COVID-19 // Молодой ученый. 2020. № 20. С. 372–374. EDN: [PBWFIJ](#)
18. Рузаев Д. А. Проблемы реализации миграционной политики современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19, № 2. С. 76–90. doi: [10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90) EDN: [FVMQND](#)
19. Купрещенко Н. П., Федотова Е. А. Влияние миграционных процессов на экономику регионов России в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 298–304. doi: [10.24412/2073-0454-2023-1-298-304](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304) EDN: [DYJIEX](#)
20. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 63–82. doi: [10.35750/2071-8284-2019-3-63-82](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-63-82) EDN: [CXILLN](#)
21. Асеева М. А., Глеба О. В., Ратушняк Г. Я. Некоторые проблемы миграционной политики России в области трудовой миграции // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 1663–1667. EDN: [VQQGSC](#)

References

1. Sokolova A.A. The scale of pendulum labour migration in Russian regions. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territorial development*. 2023;27(4):52–70. (In Russ.). doi: [10.15838/ptd.2023.4.126.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4)
2. Troyanskaya M.A. Population migration: concept, types and significance for territories. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Research focus: economics and management*. 2021;10(2):356–360. (In Russ.). doi: [10.26140/anie-2021-1002-0077](https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0077)
3. Litvinova Yu.I., Obrinskaya E. Key areas for improving the migration policy of the Russian Federation. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2023;(3):39–46. (In Russ.)
4. Lee Everett S.A. Theory of Migration. *Demography*. 1966;3(1):47–57.
5. Dmitrieva T.V. Economic problems of international labour migration. *Molodoy uchenyy = Young researcher*. 2020;(50):98–100. (In Russ.)
6. Piore M.J. *Birds of passage: Migrant labor in industrial societies*. London etc.: Cambridge Univ. press, 1979:229.
7. Averin A.N. et al. Trends in migration development in modern Russia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2024;(6):15–20. (In Russ.). doi: [10.24412/2220-2404-2024-6-1](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-1)
8. Tyuryukanova E.V. On the impact of migration on the labor market. *Otechestvennye zapiski = Notes of the Fatherland*. 2007;(4):56–70. (In Russ.)
9. Zhuravleva I.V., Ivanova L.Yu. Migrants: socio-economic living conditions affecting health and access to Russian medical institutions (results of a survey in St. Petersburg). *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya = Social aspects of population health*. 2015;(3):11. (In Russ.)
10. Korovnikova N.A. Labor migration in the regions of the Russian Federation: trends, potential, prospects. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki = Social innovations and social sciences*. 2024;(1):50–64. (In Russ.). doi: [10.31249/snsn/2024.01.03](https://doi.org/10.31249/snsn/2024.01.03)

11. Demina E.N. Expected difficulties of labor migrants as an obstacle to their socio-cultural adaptation. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* = *Telescope: journal of sociological and marketing research*. 2023;(2):79–84. (In Russ.). doi: [10.24412/1994-3776-2023-2-79-84](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-79-84)
12. Mukhametzaripov I.A. Sharia in the legal system of a modern secular state: ideology or necessity? *Musul'manskiy mir* = *Muslim world*. 2015;(3):7–27. (In Russ.)
13. Chernysh M.A. Religious terrorism as a threat to global and national security. *Filosofiya prava* = *Philosophy of law*. 2020;(3):75–82. (In Russ.)
14. Razin M.V., Karavaev E.S., Sturova N.A. Peculiarities of the migration situation in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* = *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2020;(11–1):92–95. (In Russ.). doi: [10.23672/q9915-2893-8497-e](https://doi.org/10.23672/q9915-2893-8497-e)
15. Zaripov Z.S., Markov A.Yu. The impact of migration processes on the national security of the Russian Federation. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* = *Man: crime and punishment*. 2011;(2):59–61. (In Russ.)
16. Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. The impact of the COVID-19 pandemic on the position of migrants in the labor markets of CIS countries. *Baltiyskiy region* = *Baltic region*. 2020;12(4):10–38. (In Russ.). doi: [10.5922/2079-8555-2020-4-2](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-2)
17. Reshetnikova Yu.M. Migration policy in the context of the COVID-19 pandemic. *Molodoy uchenyy* = *Young researcher*. 2020;(20):372–374. (In Russ.)
18. Ruzaev D.A. Problems of implementing migration policy in modern Russia. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* = *Central Russian bulletin of social sciences*. 2024;19(2):76–90. (In Russ.). doi: [10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90)
19. Kupreshchenko N.P., Fedotova E.A. The impact of migration processes on the economy of Russian regions in modern conditions. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1):298–304. (In Russ.). doi: [10.24412/2073-0454-2023-1-298-304](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304)
20. Voronina N.A. Legislation on adaptation and integration of migrants in the Russian Federation: development trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):63–82. (In Russ.). doi: [10.35750/2071-8284-2019-3-63-82](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-63-82)
21. Aseeva M.A., Gleba O.V., Ratushnyak G.Ya. Some problems of Russian migration policy in the field of labour migration. *Finansovaya ekonomika* = *Financial economics*. 2018;(6):1663–1667. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

М. Г. Егорчев – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3584-0413>

M.G. Egorchev – Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3584-0413>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.81

EDN: ITDZPC

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-6

РОЛЬ И МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Евгения Владимировна Лунгу

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия

lungu.const.law@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Представлено исследование роли и значения человека как субъекта конституционных правоотношений. Рассматривается его роль в различных моделях конституционализма. Актуальность исследования обусловлена изменяющимися общественными отношениями, переосмыслением и развитием теории конституционализма и, как следствие, роли и места человека как субъекта конституционных правоотношений в различных юрисдикциях. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа работ, посвященных теории конституционализма и правового государства. Особое место отведено работам российских и зарубежных исследователей об особенностях разных моделей конституционализма, как традиционных, так и альтернативных. В частности, исследованы работы, посвященные особенностям конституционализма в Индии, Непале, Шри Ланке, а также моделям исламского конституционализма. Методологический арсенал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа, а также анализа нормативных правовых актов. *Результаты.* Отмечается, что роль и значение человека как субъекта конституционных правоотношений имеют существенные отличия в разных юрисдикциях. Наиболее активная роль человека в конституционных правоотношениях предусмотрена французской моделью конституционализма. *Выводы.* Стабильность правового положения человека как субъекта конституционных правоотношений зависит от развитости остальных субъектов конституционных правоотношений. На его роль и место в конституционных правоотношениях оказывают существенное влияние уровень правового и экономического развития государства, исторические традиции, культурные и религиозные особенности, свойственные обществу. С развитием общественных отношений человек как субъект конституционных правоотношений испытывает дополнительное давление.

Ключевые слова: правовой статус, конституционные правоотношения, права человека, конституционализм, правовое государство, сравнительное правоведение

Для цитирования: Лунгу Е. В. Роль и место человека в конституционных правоотношениях // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 59–67. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-6 EDN: ITDZPC

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

THE ROLE AND PLACE OF A PERSON IN CONSTITUTIONAL LEGAL RELATIONS

Evgeniya V. Lungu

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia

lungu.const.law@gmail.com

Abstract. *Background.* The article is devoted to the study of the role and significance of a person as a subject of constitutional legal relations. The author explores the role of a person in various models of constitutionalism. The relevance of the study is due to the changing social relations, the rethinking and development of the theory of constitutionalism, and, as a result, the role and place of the individual as a subject of constitutional legal relations in various jurisdictions. *Materials and methods.* The implementation of research objectives was achieved through the analysis of works dedicated to the theory of constitutionalism and the rule of law. Special attention was paid to the research of Russian and foreign constitutionalists on the specifics of constitutionalism in jurisdictions with different models of constitutionalism, both traditional and alternative. The methodological toolkit includes comparative legal and historical legal analysis, as well as the analysis of regulatory legal acts. *Results.* As a result, the author concludes that the role and significance of a person as a subject of constitutional legal relations differ significantly in different jurisdictions. The French model of constitutionalism provides for the most active role of a person in constitutional legal relations. *Conclusions.* The stability of the legal status of a person as a subject of constitutional legal relations depends on the development of other subjects of constitutional legal relations. The role and significance of a person in constitutional legal relations are significantly influenced by the level of legal and economic development of the state, historical traditions, and cultural and religious characteristics of society. With the development of social relations, including scientific and technological progress, the emergence of a digital state, and the introduction of artificial intelligence, the role and place of a person as a subject of constitutional legal relations are under additional pressure.

Keywords: legal status, constitutional legal relations, human rights, constitutionalism, rule of law, comparative jurisprudence

For citation: Lungu E.V. The role and place of a person in constitutional legal relations. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):59–67. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-6

Введение

Наличие конституционных правоотношений как базовых в организации государственной власти на основе закона, признании человека его прав и свобод высшей ценностью неразрывно с концепциями конституционализма и правового государства. Широкое распространение в мире идей конституционализма связано с проблемой закрепления роли и места человека в конституционных правоотношениях. Различными юрисдикциями человек признается их субъектом. Например, в работе «Конституционное и административное право» А. В. Брэдли и К. Д. Эвинг отмечают, что конституционное право регулирует отношения между человеком и государством [1, с. 84]. В отечественной науке конституционного права человеку как субъекту конституционных правоотношений всегда уделялось особое внимание. М. В. Баглай рассматривал его как главного субъекта данных правоотношений. При этом роль и место человека

в конституционных правоотношениях в юрисдикциях отличаются, они зависят от понимания идей конституционализма, национальных особенностей реализации, культуры, религиозных традиций, общего уровня правового развития общества [2].

Материалы и методы

Появлению различных представлений о роли и месте человека в конституционных правоотношениях способствовало распространение идей правового государства и конституционализма в мире. Подавляющее большинство конституций (139) были приняты во второй половине XX в. При этом пик распространения идей конституционализма пришелся на 90-е гг. XX в., когда было принято 72 из примерно 200 ныне действующих конституций. Мы можем предположить, что большая часть конституций мира принималась с целью выстраивания каких-либо конституционных правоотношений¹.

Популяризация идей конституционализма, с одной стороны, безусловно, свидетельствует о повышении уровня конституционного развития в мире, а с другой стороны, высветила проблемы, связанные с невозможностью выстраивания традиционной либеральной модели конституционных правоотношений, присущих государствам традиционной демократии. Проникновение идей конституционализма в государства Азии, Африки, Карибского бассейна столкнулось со значительным влиянием традиционных культурных, религиозных ценностей на сложившуюся систему права.

Современной конституционно-правовой наукой в соответствии с общественным запросом все чаще предлагаются концепции конституционализма, адаптированные к объективной правовой реальности государств Азии, Востока и Африки. Широкое распространение в мире гибридных политических режимов, по мнению Марка Тушнэрта, способствовало теоретическому обоснованию сложившегося в этих государствах авторитарного конституционализма. «Невозможность построения либерального конституционализма в современной конституционно-правовой науке более не рассматривается как необходимость отказа от идей конституционализма. По крайней мере, в тех государствах, где альтернатива авторитаризма более вероятна, чем альтернатива либеральной демократии»². Роль и место человека в конституционных правоотношениях будут существенно различаться в зависимости от государств, оказавших влияние на проникновение идей конституционализма, исторических особенностей и культурных традиций общества [3].

Распространение конституционных правоотношений в мире, по сути, явилось закономерным процессом исторического влияния государств-метрополий на систему права заморских территорий. Исторически метрополии оказали важнейшее влияние как на распространение, так и на выбор модели конституционных правоотношений, роль и место человека [4].

Влияние английской модели конституционализма прослеживается в таких государствах, как США, Ирландия, Египет, Палестина, Израиль, Индия, Пакистан, Бирма, Шри-Ланка, ЮАР, Уганда, Нигерия. Французской правовой модели – в Гаити, Алжире, Тунисе, Сирии, Ливане, Республике Нигер, Габоне, Кот д'Ивуар, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже. В свою очередь, влияние испанских правовых традиций присутствует в Аргентине, Венесуэле, Мексике, Кубе, Перу, Эквадоре, Чили, Филиппинах. Тема влияния государств – бывших метрополий на построение конституционных правоотношений достаточно широко и подробно описывается в научной литературе [5, с. 182–195].

Обсуждение

Англо-американская модель основана на верховенстве закона и свободе индивида, не допускающей вмешательства в частную жизнь. В соответствии с общим правом широкая

¹ Law D. S., Versteeg M. The Declining Influence of the United States Constitution (May 26, 2012) // New York University Law Review. 2012. Vol. 87, № 3. P. 762–858. URL: <https://ssrn.com/abstract=1923556> (дата обращения: 24.08.2025).

² Tushnet M. V. Authoritarian Constitutionalism (December 18, 2013) // Harvard Public Law Working Paper No. 13-47. URL: <https://ssrn.com/abstract=2369518> (дата обращения: 04.09.2025).

степень личной свободы гарантировалась принципом, согласно которому граждане вольны поступать так, как им заблагорассудится, если только это прямо не запрещено законом. Они пользуются свободой вероисповедания, свободой выражения мнений и свободой собраний и могут быть лишены этой возможности только при наличии четких ограничений по общему праву или статусу.

Государство гарантирует, прежде всего, гражданские и политические права человека. Возможность обеспечить реализацию социальных и экономических прав человека ставится под сомнение. Государство не может брать на себя обязательства, в выполнении которых не может быть уверено. Оно закрепляет права человека, для того чтобы граждане их знали и могли защитить в судебном порядке. Конституционные правоотношения реализуются в вертикальной плоскости. Роль и место человека в конституционных правоотношениях зависит от органов государственной власти.

Становление конституционализма, роли и места человека в конституционных правоотношениях в Великобритании и США как основных «витринах конституционализма» прошло долгий и сложный путь, который включал не только периоды поступательного развития, но и отказы органов государственной власти в признании прав человека. Историко-правовые особенности становления конституционализма, закрепления роли и места человека в конституционных правоотношениях в Великобритании описаны Амандой Л. Тайлер в работе «Хабес корпус: очень краткое введение» [6].

Евроконтинентальная модель заключается в реализации концепции правового государства. В XXI в. большое влияние на развитие этой модели оказали идеи немецких ученых К. Шмитта, Э. Бекенферде и др. Переход от «нормы» к «порядку» [7] ставит свободу индивида в зависимость от мощи государства, поскольку, будучи сильным, оно способно гарантировать защиту прав человека, его индивидуальную свободу, порядок в обществе. Судьбы конституционализма обусловлены самим государством, его способностью расширять свободу граждан. К. Шмитт в своих работах отстаивал ценность позитивного права. Личность не признавалась им самостоятельным субъектом, ее роль и место определяются правовой системой, посредством органов государственной власти [8, с. 69].

Французская и немецкая модель правового государства, несмотря на внешнюю схожесть, по-разному оценивают место и роль человека в конституционных правоотношениях. Конституционные правоотношения с участием человека в немецкой модели носят выраженный оборонительный характер. Основная задача таких правоотношений – защитить человека от злоупотребления правом со стороны государства. Такой подход в конституционном праве Германии сформировался под влиянием итогов Второй мировой войны и получил закрепление в Основном законе ФРГ (ст. 1 Основного закона).

Французская модель статуса человека как субъекта конституционных правоотношений основана на равенстве субъектов. В отличие от соседних юрисдикций, где статус человека носит в некоторой степени зависимый характер, данная модель отличается признанием активной роли человека в конституционных правоотношениях. Каждый гражданин имеет право лично или посредством своих представителей участвовать в законотворчестве [9].

Задача государства заключалась в том, чтобы создать условия для реализации прав человека в целях обеспечения принципа социального государства. Важную роль в обеспечении реализации прав человека играют французские профсоюзы. Эффективным средством защиты прав человека от посягательств со стороны исполнительных органов во Франции считается административная юстиция.

В государствах с альтернативной моделью конституционализма значение человека как субъекта конституционных правоотношений существенно отличается. Конституция КНР в 2004 г. провозгласила принцип «уважения и защиты прав человека». Несмотря на то, что права и обязанности гражданина являются неотъемлемыми, граждане Китайской Народной Республики при осуществлении своих прав не могут ущемлять интересы государства, общества или коллектива (ст. 51 Конституции КНР). Конституция Китая содержит относительно полную правовую систему защиты прав человека на существование и развитие в соответствии

с законом и в значительной степени защищает личные и имущественные права граждан, а также свободу вероисповедания, слова и печати, собраний и ассоциаций, шествий и демонстраций, а также экономические, политические, социальные и культурные права, такие как право на социальное обеспечение и образование [10, с. 37]. Конституционные правоотношения в Китае носят выраженный вертикальный характер, где основным субъектом правоотношений выступает народ в лице Всекитайского собрания народных представителей.

Вертикальный характер конституционных правоотношений встречается не только в государствах с альтернативной моделью конституционализма. В государствах англо-американской модели человек также рассматривается как субъект, подчиненный решениям органов государственной власти. В немецкой модели человек во взаимоотношениях с государством является субъектом охраняемым и зависимым от благосостояния государства [11]. Однако в системе конституционных правоотношений Китая реализация прав и свобод человека напрямую связывается не только с возможностями, но и интересами государства. Человек обретает конституционную правосубъектность только в коллективе, как народ, чье правовое положение отражается в принципе «верховенства народа».

В государствах Южной Азии с неустойчивым конституционализмом, таких как Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш и Шри Ланка, конституционный статус человека испытывает давление от конфликта между нормами закона и социальными и политическими реалиями, которым он должен соответствовать [12]. В одних государствах с этой напряженностью успешно справляются, в других – в меньшей степени. Среди этого перечня государств наиболее стабильными конституционными правоотношениями характеризуется только Индия. Однако уровень бедности в этой стране и наличие глубоких социальных и этнических разногласий выделяют ее из числа государств с развитым конституционно-правовым статусом человека¹. В этих условиях значительная роль в поддержании конституционных правоотношений принадлежит Верховному Суду Индии, который проводит политику урегулирования конфликтов.

Для Непала и Шри-Ланки существенным фактором неустойчивости конституционных правоотношений выступает растущее влияние на политику этнической идентичности. Общим фактором нестабильности, который в значительной степени отражается на человеке как субъекте конституционных правоотношений, является неустойчивое положение других субъектов, прежде всего парламентов. Пример Индии показывает, что даже в условиях социальной и этнической нестабильности наличие авторитетных субъектов конституционных правоотношений позволяет сохранить конституционализм и, как следствие, конституционно-правовой статус человека [13].

Большое влияние на место и роль человека в конституционных правоотношениях оказывает уровень правового и экономического развития государства. Так, колумбийский политолог Г. Мурильо Кастаньо считает, что новое законодательство и политические институты Латинской Америки, несомненно, носят модернизационный характер, однако поведение в повседневной жизни ничем не отличается от предыдущего периода [14].

Несмотря на широкое распространение конституций, в научной литературе отмечается неравномерность развития конституционных правоотношений и тяготение к полярности. Отдельные регионы развиты очень хорошо, такие как Европа, Северная Америка, ряд государств Азии и Африки, однако существуют также государства со слабым уровнем конституционного развития, к числу которых, например, относятся отдельные государства Азии и большинство государств Африки. Проведенные Дэвидом С. Лоу, Милой Ферстег, Бенедиктом Годерисом исследования правовой действительности 167 государств в области реализации прав человека показали, что чаще всего осуществляются права, не требующие каких-либо действий или финансовых затрат со стороны государства. Например, по данным исследования, 100 % государств, запретивших смертную казнь, соблюдают данный запрет; право на свободу

¹ Ramachandra Guha. *India after Gandhi: The History of the World's Largest Democracy*. New York : HarperCollins, 2007. P. 1–15 ; Ashutosh Varshney, *Battles Half Won. India's Improbable Democracy*. New Delhi : Penguin, 2013. P. 3–44.

вероисповедания, запрет на произвольные аресты и задержания соблюдает 70 % государств¹. Анализ государственно-правовой действительности позволяет считать, что значительное влияние на уровень конституционно-правового развития оказывает наличие ресурсов для создания дорогостоящих конституционных институтов [15, с. 395–397].

В западной конституционной теории укоренилось убеждение, что любое сочетание религии и государства неприемлемо, поскольку оно слишком легко допускает теократию; просто слишком опасно для индивидуальных свобод позволять правительству использовать свою полицейскую власть с целью навязывания религии и религиозных законов своим гражданам. В исламской юриспруденции широко распространено мнение о том, что конечной целью шариата является содействие благосостоянию народа (маслаха)². Резко отрицательный взгляд на отношение ислама к правам человека лежит в основе вывода критиков шариата о том, что исламское право в целом не соответствует современному пониманию права и справедливости и потому не отвечает условиям нынешнего мира [16, с. 347].

Однако в работах исламских юристов конституционализм и ислам не противопоставляются. Более того, исламской правовой культуре известны равноправие и законность, являющиеся основой классического конституционализма. Однако, в отличие от европейской модели конституционализма, в исламских правовых традициях человек никогда не рассматривался в качестве субъекта. Изучение места и роли человека привлекло внимание исламских исследователей только в середине XX в.

В отличие от западных монистических теорий, исламское право основано на плюрализме правовых традиций, поэтому о месте и роли человека в исламском конституционализме высказываются противоположные точки зрения. Российские правоведы и историки придерживаются в основном единой позиции. По их мнению, центральной категорией в исламе являются не права индивида, а его обязанности. Например, еще в советскую эпоху А. Л. Могилевский писал, что «догматы веры не предоставляют прав мусульманину, у него имеются лишь обязательства перед всевышним» [17, с. 142–143]. Следуя той же логике, Н. А. Иванов утверждал, что личность в шариате никогда не играла никакой роли [18, с. 6–10]. В европейской литературе суждения о роли и месте человека в исламском праве не столь категоричны. Так, Р. Давид подчеркивал, что шариат основан на идее обязательств, возложенных на человека, а не на правах, которые он может иметь. В то же время ученый замечал, что исламское право содержит очень мало императивных положений и предоставляет широкие возможности свободной инициативе [19, с. 386, 389]. Характерной чертой исламского права является зависимость роли и места человека от воли Аллаха, однако это не всегда означает превалирование обязанностей над правами человека. Исходным принципом в отношении мирского поведения человека является дозволение.

Современная исламская мысль исходит из суждения, что роль и место человека в правоотношениях сформулированы не самим человеком, а божественной волей, которая не подвержена влиянию субъективных факторов, т.е. является объективной данностью. Основным смыслом закрепления роли и места человека правом – это не охрана от посягательств со стороны государства, как это закрепляется европейской моделью конституционализма, а претворение его предписаний, в том числе и относительно прав и свобод человека [20, с. 31].

Заключение

Таким образом, роль и место человека в конституционных правоотношениях зависят от избранной модели конституционализма. В большинстве случаев они определяются государством и зависят от исторических, культурных и геополитических особенностей его развития. Существует прямая связь между уровнем развития государства, прежде всего экономического

¹ Law D. S., Versteeg M. Sham Constitutions (1 июля 2013 г.) // 101 California Law Review. 2013. Vol. 101. P. 863. URL: <https://ssrn.com/abstract=1989979> или (In Engl.) (дата обращения: 27.09. 2025).

² Quraishi-Landes A. Islamic Constitutionalism: Not Secular. Not Theocratic. Not Impossible // Rutgers Journal of Law and Religion. 2015. Vol. 16. P. 553. URL: <https://ssrn.com/abstract=2801167> (дата обращения: 27.09. 2025).

и правового, а также ролью и местом человека в конституционных правоотношениях. В классических моделях конституционализма человек вступает в правоотношения в первую очередь по поводу реализации и защиты конституционных прав и законных интересов. Стабильность роли человека как субъекта конституционных правоотношений напрямую связана с уровнем развития других субъектов правоотношений.

Список литературы

1. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and administrative law. London : Pearson Education Limited, 2007. 922 p.
2. Государственно-правовые системы современности : монография / С. В. Архипов, Н. Н. Кирилловская, В. А. Ковалев [и др.]. СПб. : Алтей, 2023. 298 с. EDN: [HNAWJE](#)
3. Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 3 (220). С. 86–97. doi: [10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097](#) EDN: [HKOZXX](#)
4. Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения и современные вызовы : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. 143 с. EDN: [EOXJSF](#)
5. Федоров М. В. Сравнительно-правовые исследования конституционализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 182–195. EDN: [RNDRXB](#)
6. Tyler Amanda L. Habeas corpus : a very short introduction. New York : Oxford University Press, 2021. 156 p.
7. Назмутдинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1 (324). С. 150–165. EDN: [WIRETT](#)
8. Schmitt C. Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen. Tübingen, 1914. 108 p.
9. Конюхова И. А., Векшин А. А. Конституционное право Франции: особенности отрасли и дисциплины, традиции, современные черты и тенденции развития // Правовые исследования во Франции : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Маклакова. М. : ИНИОН РАН, 2007. С. 29–57. EDN: [NCJGGD](#)
10. China's Legal System An Interpretation of Its Structure, Principles and Institutions / ed. by Jingwen Zhu, Tao Meng, Hao Peng [et al.]. China Renmin University Press, 2023. 306 p.
11. Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 272 с.
12. Khosla M. and Tushnet M. V. Unstable Constitutionalism : Law and Politics in South Asia. New York : Cambridge University Press, 2015. 325 p. doi: [10.1017/CBO9781107706446.001](#)
13. Кравец И. А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 2. С. 33–42. doi: [10.52468/2542-1514.2024.8\(2\).33-42](#) EDN: [TODDIJ](#)
14. Muncilla H. C. F. Las coreghas dee las» Teorlas de la transicion // Revista de Ciencias Sociaies. 2002. Vo1. XIII. № 3.
15. Лунгу Е. В. Особенности конституционных правоотношений в современном зарубежном государстве: сравнительный анализ // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 20 октября 2022 г.). Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. С. 395–397. EDN: [TSJQCR](#)
16. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 684 с. doi: [10.17323/978-5-7598-2324-7](#) EDN: [HOPMQT](#)
17. Могилевский А. Л. Правосознание и религия. Ашхабад : Ылым, 1977. 268 с.
18. Иванов Н. А. Социальные аспекты традиционного ислама // Азия и Африка сегодня. 1982. № 3. С. 6–10.
19. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / пер. с фр. М. А. Крутоголова и В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1967. 496 с.
20. Ат-Турки Абдалла бин Абдель Мухсин. Ислам и права человека. Пример Королевства Саудовская Аравия. Эр-Рияд, 1996. 84 с.

References

1. Bradley A.W., Ewing K.D. *Sonstitutional and administrative law*. London: Pearson Education Limited, 2007:922.
2. Arkhipov S.V., Kirilovskaya N.N., Kovalev V.A. et al. *Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremenosti: monografiya = State and legal systems of modern times: monograph*. Saint Petersburg: Alтей, 2023:298. (In Russ.)
3. Lungu E.V. Constitutional rights and freedoms of man in light of the digitalization of social relations. *Lex Russica (Russkiy zakon) = Lex Russica (Russian Law)*. 2025;78(3):86–97. (In Russ.). doi: [10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097)
4. Lungu E.V. *Konstitutsionnye pravootnosheniya i sovremennye vyzovy: monografiya = Constitutional legal relations and modern challenges: a monograph*. Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022:143. (In Russ.)
5. Fedorov M.V. Comparative legal studies of constitutionalism. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2013;(4):182–195. (In Russ.)
6. Tyler Amanda L. *Habeas corpus: a very short introduction*. New York: Oxford University Press, 2021:156.
7. Nazmutdinov B.V. From "norm" to "order": the evolution of Carl Schmitt's legal conception. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = University proceedings. Legal sciences*. 2016;(1):150–165. (In Russ.)
8. Schmitt C. *Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen*. Tübingen, 1914:108.
9. Konyukhova I.A., Vekshin A.A. Constitutional law in France: characteristics of the branch and discipline, traditions, modern features and development trends. *Pravovye issledovaniya vo Frantsii: sb. nauch. tr. = Legal research in France: collection of scientific articles*. Moscow: INION RAN, 2007:29–57. (In Russ.)
10. Jingwen Zhu, Tao Meng, Hao Peng et al. *China's Legal System An Interpretation of Its Structure, Principles and Institutions*. China Renmin University Press, 2023:306.
11. Shmitt K. *Gosudarstvo i politicheskaya forma = State and political form*. Translated from German by O.V. Kildyushov; compiled by V.V. Anashvili and O.V. Kildyushov. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010:272. (In Russ.)
12. Khosla M. and Tushnet M. V. *Unstable Constitutionalism: Law and Politics in South Asia*. New York: Cambridge University Press, 2015:325. doi: [10.1017/CBO9781107706446.001](https://doi.org/10.1017/CBO9781107706446.001)
13. Kravets I.A. The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional change: scientific approaches and practical application of deliberative constitutionalism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement*. 2024;8(2):33–42. (In Russ.). doi: [10.52468/2542-1514.2024.8\(2\).33-42](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42)
14. Munsilla H.S.F. Las soreghas dee las» Teorlas de la transicion. *Revista de Ciencias Sosaies*. 2002;XIII(3).
15. Lungu E.V. Features of constitutional legal relations in a modern foreign state: a comparative analysis. *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Voronezh, 20 oktyabrya 2022 g.) = Current issues in the activities of penal system units: proceedings from the All-Russian scientific and practical conference (Voronezh, October 20, 2022)*. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr «Nauchnaya kniga», 2022:395–397. (In Russ.)
16. Syukiyaynen L.R. *Islamskoe pravo i dialog kul'tur v sovremennom mire = Islamic law and dialogue of cultures in the modern world*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2021:684. (In Russ.). doi: [10.17323/978-5-7598-2324-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2324-7)
17. Mogilevskiy A.L. *Pravosoznanie i religiya = Legal consciousness and religion*. Ashkhabad: Ylym, 1977:268. (In Russ.)
18. Ivanov N.A. Social aspects of traditional Islam. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*. 1982;(3):6–10. (In Russ.)
19. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (sravnitel'noe pravo) = The main legal systems of modern times (comparative law)*. Translated from French by M.A. Krutogolov and V.A. Tumanov. Moscow: Progress, 1967:496. (In Russ.)
20. At-Turki Abdalla bin Abdel' Mukhsin. *Islam i prava cheloveka. Primer Korolevstva Saudovskaya Araviya = Islam and human rights: the case of the Kingdom of Saudi Arabia*. Er-Riyad, 1996:84. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. В. Лунгу – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 654055, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4967-9208>

E.V. Lungu – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49 Oktyabrsky Avenue, Novokuznetsk, 654055. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4967-9208>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342

EDN: JJZHJ

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-7

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Хамзат Магомедович Муртазаев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Саратов, Россия

mrhamzat9532@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к качеству и эффективности государственной социальной политики в условиях правовой и социально-экономической трансформации Российской Федерации. Современные вызовы требуют поиска оптимальных правовых механизмов регулирования и внедрения действенных инструментов поддержки населения, что усиливает роль национальных проектов как ключевых инструментов государственного управления с начала XXI в. Главная цель работы заключается в правовом анализе национальных проектов как инструмента социальной политики, выявлении проблем их нормативной регламентации и реализации, а также формулировании предложений по совершенствованию организационно-правовых механизмов их функционирования с учетом перспектив дальнейшей эволюции в российской правовой системе. *Материалы и методы.* Исходные задачи достигались посредством комплексного анализа нормативных правовых актов, регулирующих основы формирования и реализации национальных проектов в Российской Федерации, а также действующей конституционной и федеральной регламентации в сфере социальной политики. Методологическая база исследования включает диалектический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, методы анализа и синтеза, а также элементы статистического и социологического подходов для выявления тенденций и эффективности реализации национальных проектов в отдельных регионах. Применение историко-правового анализа позволило проследить эволюцию подходов к национальным проектам и соотнести современные проблемы их внедрения с этапами развития российской модели социальной политики. Формально-юридический анализ позволил детализировать структуру нормативного регулирования и выявить правовые коллизии и пробелы, влияющие на эффективность реализации проектов. *Результаты.* Выявлена высокая институциональная значимость национальных проектов, формирующих системный подход к защите прав граждан, поддержке различных категорий населения и развитию социальной инфраструктуры на принципах программно-целевого управления. *Выводы.* Проводимое исследование позволяет утверждать, что национальные проекты на современном этапе выступают одной из наиболее инновационных и перспективных форм программно-целевого управления в социальной политике Российской Федерации.

Ключевые слова: правовой статус, конституционные правоотношения, права человека, конституционализм, правовое государство, сравнительное правоведение

Для цитирования: Муртазаев Х. М. Национальные проекты как инструмент государственной социальной политики: правовая оценка и перспективы развития // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 68–79. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-7 EDN: JJZHJ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

NATIONAL PROJECTS AS AN INSTRUMENT OF STATE SOCIAL POLICY: LEGAL ASSESSMENT AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Hamzat M. Murtazaev

P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia

mrhamzat9532@gmail.com

Abstract. *Background.* The relevance of the research is determined by the increasing demands on the quality and effectiveness of state social policy in the context of the legal and socio-economic transformation of the Russian Federation. Modern challenges require the search for optimal legal regulatory mechanisms and the introduction of effective tools to support the population, which strengthens the role of national projects as key instruments of public administration since the beginning of the 21st century. The main purpose of this work is to provide a legal analysis of national projects as an instrument of social policy, identify problems of their regulatory regulation and implementation, and formulate proposals for improving the organizational and legal mechanisms of their functioning, taking into account the prospects for further evolution in the Russian legal system. *Materials and methods.* The initial objectives were achieved through a comprehensive analysis of regulatory legal acts regulating the basis for the formation and implementation of national projects in the Russian Federation, as well as the current constitutional and federal regulations in the field of social policy. The methodological base of the research includes dialectical, comparative legal and formal legal methods, methods of analysis and synthesis, as well as elements of a statistical and sociological approach to identify trends and effectiveness of the implementation of national projects in individual regions. The use of historical and legal analysis has made it possible to trace the evolution of approaches to national projects and correlate the current problems of their implementation with the stages of development of the Russian model of social policy. The formal legal analysis made it possible to detail the structure of regulatory regulation and identify legal conflicts and gaps affecting the effectiveness of project implementation. *Results.* The paper reveals the high institutional importance of national projects that form a systematic approach to the protection of citizens' rights, support for various categories of the population and the development of social infrastructure based on the principles of program-oriented management. *Conclusions.* The conducted research allows us to assert that national projects at the present stage are one of the most innovative and promising forms of program-oriented management in the social policy of the Russian Federation.

Keywords: legal status, constitutional legal relations, human rights, constitutionalism, rule of law, comparative law

For citation: Murtazaev H.M. National projects as an instrument of state social policy: legal assessment and development prospects. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):68–79. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-7

Введение

Актуальность исследования обусловлена возрастающими требованиями к качеству и эффективности государственной социальной политики в условиях правовой и социально-экономической трансформации Российской Федерации. Современные вызовы требуют поиска

оптимальных правовых механизмов регулирования и внедрения действенных инструментов поддержки населения, что усиливает роль национальных проектов как ключевых инструментов государственного управления с начала XXI в. Особое значение приобретает правовой анализ национальных проектов в качестве составной части системы социальной политики с учетом растущей роли этих инструментов в реализации государственных приоритетов и мобилизации значительных бюджетных и административных ресурсов. В связи с этим возникает потребность в научном осмыслении правовой природы, механизмов внедрения и особенностей реализации национальных проектов, а также в разработке предложений по совершенствованию нормативной базы и гарантий соблюдения прав граждан.

Главная цель исследования заключается в комплексном правовом анализе национальных проектов как инструмента социальной политики, выявлении проблем их нормативной регламентации и реализации, а также формулировании предложений по совершенствованию организационно-правовых механизмов их функционирования с учетом перспектив дальнейшей эволюции в российской правовой системе.

Методология исследования

Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных, специальных юридических и междисциплинарных подходов, позволяющих осуществить всесторонний анализ механизма реализации национальных проектов в социальной политике. В исследовании использовались диалектический и системный методы, позволяющие рассматривать национальные проекты как многогранное социально-правовое явление в контексте современных государственных трансформаций. Особое внимание уделялось методу формально-юридического анализа при исследовании положений Конституции Российской Федерации, федеральных законов, указов Президента РФ, а также подзаконных нормативных актов и региональных правовых актов, регламентирующих проектную деятельность.

Результаты исследования

Основополагающее значение в формировании принципов и приоритетов социальной политики государства имеет Конституция Российской Федерации, которая недвусмысленно закрепляет приоритет социальной направленности государственной политики. Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» [1].

Таким образом, на конституционном уровне зафиксировано, что деятельность государства, в том числе посредством национальных проектов, должна быть ориентирована на создание условий, обеспечивающих высокий уровень и качество жизни каждого гражданина.

Главной целью национальных проектов, выделенной в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» является:

- а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи;
- б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) экологическое благополучие;
- д) устойчивая и динамичная экономика;
- е) технологическое лидерство;

ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [2].

Национальные проекты Российской Федерации представляют собой важнейший инструмент государственной политики, направленный на достижение таких приоритетов, как улучшение благосостояния граждан, развитие социальной инфраструктуры, обеспечение экологической устойчивости и повышение конкурентоспособности российской экономики [3].

Приоритетность национальных проектов определяется необходимостью реализации национальных интересов, зафиксированных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации так формулируется определение национальных интересов: «...национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Следовательно, национальные интересы обусловлены потребностями (причем объективно значимыми) каждой из разновидностей национальных интересов: личных (субъективных), общественных (общества) и государства (государственных) [4].

Обсуждение

В последние годы национальные проекты стали одним из ключевых механизмов реализации стратегических целей социально-экономического развития Российской Федерации [5]. Как справедливо в своей научной статье отмечает Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов, директор Института нового индустриального развития имени С. Ю. Витте д.э.н., профессор С. Д. Бодрунов, «трансформация системы стратегического управления, осуществленная в последний год в России на страновом уровне, является положительным моментом. Переход к реализации государственной политики, в том числе в социальной сфере, на основе запуска национальных проектов – позитивный шаг. В то же время необходима дальнейшая трансформация институциональных основ реализации стратегического управления развитием» [6].

Значимость национальных проектов как юридической формы обусловлена их опорой на нормативно-правовую базу, систематичностью механизмов финансирования и контроля исполнения, а также наличием институциональных гарантий устойчивости реализуемых мероприятий [7]. В этом контексте анализ национальных проектов как особой формы реализации социальной политики представляет научный и практический интерес для определения эффективности существующей модели государственного регулирования, а также для определения перспектив ее дальнейшего развития и совершенствования.

Подобная точка зрения коррелирует с выводами С. Д. Бодрунова, подчеркивающего, что успешная реализация национальных проектов требует активного привлечения экспертного сообщества не только к разработке, но и к сопровождению процесса реализации нацпроектов, мониторингу их выполнения.

В современной научной литературе анализ национальных проектов приобретает особое значение в контексте поиска эффективных инструментов решения комплексных социально-экономических задач. Так, в работах Е. А. Халимон и С. А. Никитина подчеркивается, что институционализация национальных проектов направлена на достижение качественного научно-технического и социально-экономического развития, что приобретает особую актуальность в условиях необходимости внедрения современных подходов к проектному управлению [8].

Наряду с этим Э. В. Эрдниева, Б. Э. Эвиева и С. В. Намысов отмечают, что применение национальных проектов способствует формированию целостной системы мер, которая позволяет преодолевать структурные вызовы экономики и социальной сферы посредством реализации комплексных механизмов государственного регулирования [9].

Анализ В. В. Зундэ, А. И. Морозовой и Е. Е. Мезенцевой свидетельствует о том, что надлежащий мониторинг эффективности реализации национальных проектов способен повысить результативность административных решений и обеспечить адаптацию системы государственного управления к стратегическим целям развития [10]. Особое внимание в дискурсе

научных исследований уделяется финансовому обеспечению национальных проектов: М. А. Абрамова, С. Е. Дубова и Б. Б. Рубцов отмечают, что своевременно выделяемые и эффективно распределяемые денежные средства выступают ключевым фактором полноценной реализации инициатив, их динамического продвижения и достижения запланированных результатов [11].

Дополнительный аспект в исследовании проблематики национальных проектов раскрывается в работах М. Л. Седовой. Автор акцентирует внимание на том, что национальные проекты способны исполнять функции инструментов управления публичными финансами и подчеркивает значимость обеспечения информационной прозрачности в процессе бюджетных расходов, что усиливает доверие гражданского общества к решениям государственных институтов [12].

Национальные проекты выступают в современной России важнейшим институциональным инструментом реализации государственной социальной политики, обладающим отчетливо выраженной программно-целевой структурой, ориентированной на достижение стратегических задач в наиболее значимых для общества сферах. Природа национальных проектов заключается не только в выработке комплексных решений по преодолению приоритетных вызовов, но и в интеграции различных ведомственных, региональных и общенациональных ресурсов вокруг единой системы приоритетов. Концептуально развитие национальных проектов связано с необходимостью поиска инновационных и юридически закреплённых форм управления социально-экономическими преобразованиями, что придает им особую правовую и содержательную специфику.

На современном этапе к числу национальных проектов, непосредственно отражающих приоритеты социальной политики, относятся прежде всего такие направления, как «Семья», «Молодежь и дети», «Кадры», «Продолжительная и активная жизнь», «Технологии здоровья» и «Экологическое благополучие». Каждый из перечисленных проектов сфокусирован на ключевых аспектах социальной сферы: укреплении института семьи и проведении демографической политики, поддержке молодежи и детства, развитии человеческого капитала, увеличении продолжительности и качества жизни, совершенствовании системы здравоохранения и формировании устойчивой экологической среды. Указанные проекты направлены на обеспечение социальных гарантий, реализацию конституционных прав граждан, а также формирование условий для справедливого распределения общественных благ и повышения общего уровня доверия к государственным институтам.

Организационно-правовая специфика национальных проектов выражается в их адресности, четко структурированном характере и наличии прозрачных индикаторов эффективности, что позволяет государству гибко реагировать на динамику общественных изменений и своевременно корректировать используемые инструменты социального регулирования. Интеграция федеральных и региональных усилий, а также участие общества и иных институтов обеспечивают устойчивое воспроизводство социально значимых изменений и создание системы обратной связи, необходимой для повышения результативности социальной политики. В отличие от традиционных инструментов государственного управления, национальные проекты обладают потенциалом институционализации долгосрочных приоритетов и внедрения инновационных моделей межведомственного и межуровневого взаимодействия в целях достижения ощутимых результатов [13].

Таким образом, национальные проекты, связанные с решением социальных задач, выступают современной и практически ориентированной формой реализации социальной политики, способствующей обновлению стандартов благополучия, укреплению социальной солидарности, публичной ответственности и справедливости, а также совершенствованию механизмов общественного участия в определении и реализации государственных приоритетов. Комплексный и системный характер национальных проектов задает качественно новый уровень государственной социальной политики, обеспечивая достижение устойчивого развития и консолидацию нации вокруг ключевых ценностей и стратегических целей.

В качестве репрезентативного примера реализации национальных проектов в социальной сфере целесообразно обратиться к национальному проекту «Демография», который осуществлялся в Российской Федерации в период 2019–2024 гг., а с 2025 г. преобразован в национальный проект «Семья». Анализ содержания и этапов реализации данного проекта позволяет структурированно рассмотреть как достигнутые результаты, так и системные недостатки, обусловившие перезапуск и принципиальное обновление проектной архитектуры в сфере демографической политики [14].

Национальный проект «Демография» был нацелен на достижение устойчивого естественного прироста населения, повышение суммарного коэффициента рождаемости, увеличение продолжительности жизни, поддержку семей с детьми, содействие занятости, укрепление общественного здоровья и социальную интеграцию старшего поколения. Программно-проектный подход реализовывался через пять федеральных проектов, каждый из которых имел самостоятельные индикаторы и инструменты реализации – от стимулирования рождаемости посредством материальной поддержки до создания условий для активного долголетия. Однако экспертный анализ выявил ряд существенных рисков, негативно влияющих на результативность и воспроизводимость заявленных целей [15].

К числу наиболее остро обозначенных в научно-экспертном и профессиональном сообществе проблем относились дефицит комплексности при формировании проектных решений и недостаточная межведомственная согласованность – федеральные проекты зачастую функционировали разобщенно, их эффекты практически не синхронизировались, что препятствовало достижению кумулятивного воздействия на демографические процессы. Наряду с этим материальные меры поддержки, такие как предоставление материнского капитала или выплат на погашение ипотечного кредита, зачастую выступали лишь инструментами удовлетворения уже сформировавшейся потребности в рождении детей, но не затрагивали ценностного уровня репродуктивного поведения в масштабах общества [16]. Эксперты указывали на ограниченность охвата поддержки многодетных семей, межрегиональные различия в уровне социальной защищенности, а также на отсутствие превентивных мер, способствующих укреплению здоровья молодых родителей и стимулированию формирования многодетных моделей семьи у представителей среднего класса.

Наряду с недостаточностью охвата и фрагментарностью мер отмечался также дефицит общественной информированности и общего доверия к государственным институтам, задействованным в реализации проекта. Отдельные направления, касающиеся старшего поколения, сталкивались с проблемой недостаточного развития инфраструктуры, отсутствием программ обучения цифровой и финансовой грамотности, а также с ограниченным спектром услуг по долговременному уходу за пожилыми гражданами. При этом меры поддержки занятости женщин во время декретного отпуска и родителей детей младшего возраста не обеспечивали необходимую адаптивность и создание гибких форм трудоустройства, адекватных современным вызовам [17].

Преобразование национального проекта «Демография» в проект «Семья» с 2025 г. стало реакцией на накопленные проблемы и результатом необходимости структурного обновления инструментов реализации демографической и семейной политики [18]. Проект «Семья» получил явно выраженную направленность на комплексное сопровождение семьи на всех этапах жизненного цикла, укрепление родительских и семейных ценностей, развитие социальной и культурной инфраструктуры, системное сопровождение материнства и детства, обеспечение адаптационных механизмов для старшего поколения, а также внедрение цифровых сервисов и расширение возможностей общественного участия.

Реализация обновленного национального проекта обеспечивается интеграцией пяти федеральных проектов: «Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение» и «Семейные ценности и инфраструктура культуры». Основные целевые ориентиры включают повышение коэффициента рождаемости до уровня 1,63 к 2030 г., сокращение бедности среди семей с детьми, особенно многодетных, увеличение числа семей с тремя и более детьми, а также формирование позитивного общественного образа семьи.

Обеспечена диверсификация мер поддержки, среди которых расширение системы материнского капитала, внедрение семейной ипотеки, создание новых детских садов и развивающей среды для родителей и детей, формирование цифровой культурной среды, модернизация консультационной и медицинской инфраструктуры для матерей и детей, а также акцент на развитии долгосрочного ухода и вовлеченности старшего поколения.

Первые итоги реализации национального проекта «Семья», подведенные спустя пять месяцев с момента его старта, свидетельствуют о росте охвата непосредственно получателей мер господдержки: ежемесячные пособия уже предоставлены более чем 5 млн родителей, материнским капиталом воспользовались свыше 800 тыс. семей, около 114 тыс. родителей оформили семейную ипотеку, а многодетные семьи получили компенсационные выплаты на погашение долговой нагрузки по ипотечным кредитам. Параллельно фиксируется расширение системы долгосрочного ухода за старшими гражданами, реструктуризация культурной и образовательной инфраструктуры, внедрение цифровых сервисов для семей, а также формирование новых моделей общественного и волонтерского участия.

Анализируя динамику и особенности реализации национального проекта «Семья», можно констатировать, что национальные проекты в современной России выступают не только инструментом координации и интеграции межуровневых и межведомственных ресурсов, но и моделью адаптации государственной социальной политики к изменяющейся социальной реальности. Их развитие обусловливается выявлением новых приоритетов, изменением форм и методов государственной поддержки, повышением прозрачности и адресности предоставляемых мер, а также последовательно выстраиваемой системой оценки эффективности и обратной связи с гражданским обществом. Подобная форма реализации социальной политики позволяет не только закреплять долгосрочные стратегические приоритеты государства, но и формировать условия для правовой эволюции отечественной модели социальной ответственности власти, ее адаптивности и системности, что приобретает особое значение в контексте обеспечения демографической и социальной устойчивости России [19].

Рассмотрим опыт реализации национальных проектов в социальной сфере на примере Ростовской и Саратовской областей. В Ростовской области национальный проект «Здравоохранение» позволил модернизировать медицинскую инфраструктуру, повысить доступность медицинской помощи в сельской местности и добиться улучшения показателей здоровья населения [20]. Особое внимание уделялось развитию первичного звена, оснащению фельдшерско-акушерских пунктов, диспансеризации и вакцинации, снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. При этом, несмотря на значительное снижение количества объектов, нуждающихся в капитальном ремонте, полностью выполнить все целевые показатели не удалось – в частности, сохраняются отдельные проблемы в обеспеченности медицинских учреждений современным оборудованием и в обновлении материально-технической базы.

Вместе с тем практика реализации национальных проектов в Саратовской области выявила ряд серьезных проблем, связанных с недостаточным контролем за расходованием бюджетных средств, несоблюдением сроков исполнения контрактов, а также случаями злоупотреблений при исполнении государственных закупок. Ярким примером является ситуация с реконструкцией поликлиники в Красноармейске, где был выявлен факт мошенничества с авансовыми платежами подрядчика, что привело к возбуждению уголовного дела и срыву исполнения значимого социального проекта. Аналогичные проблемы отмечались и при реализации национального проекта «Жилье и городская среда» – неосвоение значительных средств федерального бюджета указывает на недостаточную квалификацию исполнителей и слабую работу по возврату неизрасходованных средств.

В 2024 г. губернатор Саратовской области Р. О. Бусаргин официально признал факт срыва реализации национального проекта «Жилье и городская среда». Указанный проект имеет приоритетное значение в рамках государственной социальной политики. Анализ бюджетных данных свидетельствует о значительных изменениях в объеме и структуре финансирования второго этапа программы. Первоначально на 2023 г. предполагалось финансирование в размере 5,63 млрд руб., из которых более 4,3 млрд руб. предусматривались за счет средств

федерального Фонда содействия реформированию ЖКХ и более 1,2 млрд руб. – из областного бюджета. Однако в результате внесенных изменений часть средств была перенесена на 2024 г., что привело к фактическому снижению финансирования в 2023 г., а также к увеличению объема финансирования второго этапа в 2024 г. до 1,99 млрд руб. преимущественно за счет неосвоенных федеральных средств (708,44 млн руб.). Основные затруднения возникли по направлению расселения граждан из аварийного жилья на территории МО «Город Саратов», где областной администрацией не были своевременно освоены значительные средства федерального фонда. Перенос неосвоенных сумм с 2023 на 2024 г. отражен в изменении плановых показателей: если на начало ноября 2023 г. на эти цели предполагалось выделить 1,94 млрд руб., то по итогам года эта сумма сократилась до 1,2 млрд руб.

Выявленные проблемы указывают на недостаточный надзор за деятельностью подрядных организаций и сложности с возвратом неиспользованных средств, что в свою очередь свидетельствует о необходимости повышения компетенций специалистов на местах, а также о целесообразности централизации отдельных функций по реализации национальных проектов. Данные выводы подтверждаются и обращениями граждан, пострадавших от ненадлежащего исполнения программы. В частности, в одном из случаев гражданка вынуждена была обратиться с видеообращением к руководству Следственного комитета РФ и Генеральной прокуратуры, затем последовала инициатива со стороны областных органов по проведению проверок. Однако по результатам состоявшейся встречи было установлено, что участие органов прокурорского надзора в подобных вопросах на практике ограничено, несмотря на закрепленные полномочия по контролю за исполнением законодательства и защиту прав граждан. Подобные нарушения и неэффективность взаимодействия между надзорными структурами подтверждают актуальность совершенствования механизмов контроля за реализацией национальных проектов в регионах.

Анализ региональной практики позволяет утверждать, что национальные проекты в целом способствуют системному развитию социальной сферы, однако выявленные в процессе реализации проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования правового и организационного механизма контроля, повышения эффективности государственного управления проектами, а также усиления ответственности подрядных организаций за неисполнение взятых на себя обязательств. Важно подчеркнуть, что отдельные негативные примеры не умаляют общего позитивного влияния национальных проектов, которые обеспечили масштабные преобразования социальной инфраструктуры, заметно улучшили условия жизни населения и повысили качество предоставляемых государственных услуг в регионах России.

Заключение

Анализ национальных проектов как инструмента реализации социальной политики в современной России выявил их институциональные достоинства, однако наряду с этим обнаружен ряд глубинных, комплексных проблем, препятствующих достижению стратегических целей и устойчивому трансформационному эффекту. Существенное влияние на результативность национальных проектов оказывает, прежде всего, периодический перенос отдельных задач нацпроектов в повседневную деятельность государственных органов, что размывает ответственность и снижает управленческую концентрацию на реализации ключевых направлений. Наряду с этим сохраняется разрыв между целями государственных программ и нацпроекта, например, в сфере демографической политики: несогласованность целей и задач порождает риски фрагментарности управления и затрудняет достижение синергии между смежными инициативами.

Отсутствие согласованности между федеральными и региональными программами усугубляется межуровневыми диспропорциями – в том числе и по линии бюджетного финансирования отдельных проектов и территорий, что обостряет проблему неравномерности социально-экономического развития субъектов РФ и приводит к дополнительным вызовам в обеспечении социальной справедливости. Недостаточность научно-методического сопровождения

при формулировании и реализации проектных мер выражается в слабой обоснованности целей, ограниченности инструментария оценки результативности, а также в отсутствии ряда ключевых индикаторов, отражающих реальные тренды в демографическом и социальном развитии населения (таких как смертность трудоспособного населения, число аборт и иные значимые параметры). Одновременно отмечается отсутствие механизмов для оперативного мониторинга данных: запаздывание ключевых статистических показателей делает невозможной своевременную корректировку мер и препятствует достижению заявленных показателей эффективности.

Дополнительную сложность создает отсутствие скоординированности между различными национальными проектами и между федеральными проектами внутри одного направления; также нацпроекты зачастую не учитывают региональных особенностей и диспропорций, определяющих специфические условия реализации программ в отдельных субъектах Федерации. В результате формируется ситуация, когда федеральные стандарты не всегда коррелируют с локальными возможностями и потребностями, что ограничивает реальное воздействие социальных инициатив.

Устранение выявленных проблем требует системного и комплексного подхода, направленного на укрепление механизмов межведомственной и межуровневой координации. Прежде всего необходимо обеспечить сквозную интеграцию задач национальных проектов и государственных программ посредством унификации целеполагания, создания общих индикаторов и внедрения единых механизмов мониторинга. Этому должно способствовать формирование четких межведомственных координационных центров с прозрачной структурой ответственности. Особое значение имеет полноценное научно-методическое сопровождение: вовлечение исследовательских институтов, аналитических центров и профильных экспертов позволит повысить обоснованность выбора индикаторов, расширить систему оценки эффективности и обеспечить рациональную корректировку проектных мер в ответ на меняющиеся социальные и демографические тенденции.

Ключевым направлением модернизации должно стать институциональное закрепление регулярного оперативного мониторинга целевых показателей с учетом ускоренного обмена статистическими данными и развития электронных платформ контроля. Требуется совершенствование и финансовое обеспечение нацпроектов: между федеральными и региональными уровнями должно быть обеспечено справедливое и прозрачное распределение ресурсов, а также определены дополнительные источники финансирования, в том числе на основе государственно-частного партнерства. Важно также предусмотреть меры по минимизации региональных и межпроектных диспропорций – через учет особенностей субъектов Федерации и их интеграцию в проектные решения на ранних этапах планирования.

Не менее существенной задачей остается формирование эффективных каналов взаимодействия с общественностью и экспертным сообществом – как в фазе проектирования, так и на этапах реализации и оценки проектов, что поддержит прозрачность и снизит социальную дистанцию между государственными институтами и гражданами. Следует расширять и укреплять демографическую политику, в том числе через финансовое поощрение семей с тремя и более детьми, индексацию материнского капитала, а также интеграцию мер по формированию здорового образа жизни, профилактике заболеваний и развитию системы гериатрической и профилактической медицинской помощи.

В перспективе комплексный и дифференцированный подход к решению структурных и управленческих проблем национальных проектов, подкрепленный грамотным правовым, научным и организационным сопровождением, способен не только повысить их результативность, но и обеспечить долгосрочную устойчивость российской социальной политики в условиях продолжающихся социально-экономических трансформаций. Научно обоснованная реструктуризация механизмов управления национальными проектами, их интеграция с государственными программами, уверенное продвижение открытости и диалога с обществом, а также постоянная адаптация индикаторов и мер к специфике регионального развития становятся

ключевыми условиями выполнения государством своих социальных конституционных обязанностей и формирования баланса интересов в обществе.

Список литературы

1. Нудненко Л. А. Конституционное право России. М. : Юрайт, 2025. 526 с. EDN: [XBEGBY](#)
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М. : Проспект, 2023. 584 с. EDN: [CHBWBW](#)
3. Алабин Д. В. Приоритетные национальные проекты в политическом процессе Российской Федерации: концептуальное обеспечение и технологический инструментарий : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Нижний Новгород, 2009. 19 с. EDN: [WZOQTW](#)
4. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. 864 с.
5. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 704 с.
6. Бодрунов С. Д. Национальные проекты и социальная политика // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217, № 3. С. 40–49. EDN: [VRMYPJ](#)
7. Адамова М. Е. Формирование системы управления рисками для повышения качества реализации национальных проектов : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2021. 23 с. EDN: [NOAASR](#)
8. Халимон Е. А., Никитин С. А. Приоритетные национальные проекты как инструмент решения сложных экономических задач // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. № 2. С. 18–37. doi: [10.28995/2073-6304-2020-2-18-37](#) EDN: [ECTWAO](#)
9. Национальные проекты в социально-экономическом развитии России / Э. В. Эрдниева, Б. Э. Эвиева, С. В. Намысов [и др.] // Экономика и предпринимательство. 2021. № 2 (127). С. 142–145. doi: [10.34925/EIP.2021.127.2.024](#) EDN: [DQRRDM](#)
10. Зундэ В. В., Морозова А. И., Мезенцева Е. Е. Диагностический профиль как инструмент управления реализацией национальных проектов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2. С. 21–26. EDN: [ZLUVQS](#)
11. Абрамова М. А., Дубова С. Е., Рубцов Б. Б. Финансовые и денежно-кредитные инструменты реализации национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 3. С. 6–16. doi: [10.26794/1999-849X-2020-13-3-6-16](#) EDN: [ODNRYV](#)
12. Седова М. Л. Финансирование национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 3. С. 17–27. doi: [10.26794/1999-849X-2020-13-3-17-27](#) EDN: [XLQZFI](#)
13. Ильченко С. В. Национальные проекты России и риски их реализации // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 2 (22). EDN: [WEXJIL](#)
14. Ткаченко А. А. Государственная политика и национальный проект «Демография» // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 23–35. doi: [10.26653/1561-7785-2018-21-4-03](#) EDN: [YVSQBN](#)
15. Почекутова Е. Н., Науменко Н. С. Направления повышения эффективности реализации национального проекта «Демография» // Петербургский экономический журнал. 2020. № 2. С. 23–29. doi: [10.24411/2307-5368-2020-10003](#) EDN: [ECULFT](#)
16. Михайлова Н. А. Реализация мер социальной поддержки семей в рамках нормативно-правовой базы // Инженерные кадры – будущее инновационной экономики России. 2020. № 7. С. 29–33. EDN: [CAYMYH](#)
17. Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации : монография / В. А. Ильин [и др.] ; под науч. рук. В. А. Ильина, А. А. Шабуновой, Т. В. Усковой. Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук, 2024. 453 с. EDN: [FCFQXS](#)
18. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Концептуальные аспекты национального проекта «Семья» // Женщина в российском обществе. 2025. № 1. С. 49–61. doi: [10.21064/WinRS.2025.1.4](#) EDN: [JNYJYU](#)
19. Фидарова В. Р. Национальный проект «демография», между социальными кластерами – национальный проект «Семья» // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 2, № 67. С. 492–498. EDN: [IESEDV](#)
20. Олейникова Е. Г. Национальные проекты 2019–2024 гг. и приоритеты социальной политики современной России // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1. С. 69–72. doi: [10.25683/VOLBI.2020.50.167](#) EDN: [CBPBYA](#)

References

1. Nudnenko L.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii = Constitutional law of Russia*. Moscow: Yurayt, 2025:526. (In Russ.)
2. Kozlova E.I., Kutafin O.E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii = Constitutional law of Russia*. Moscow: Prospekt, 2023:584. (In Russ.)
3. Alabin D.V. *Priority national projects in the political process of the Russian Federation: conceptual support and technological tools: PhD abstract*. Nizhniy Novgorod, 2009:19. (In Russ.)
4. Avak'yan S.A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1. = Constitutional law of Russia. Academic course: study guide: in 2 volumes, V.1*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024:864. (In Russ.)
5. Baglay M.V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik = Constitutional law of the Russian Federation: textbook*. Moscow: Norma: INFRA-M, 2025:704. (In Russ.)
6. Bodrunov S.D. National projects and social policy. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2019;217(3):40–49. (In Russ.)
7. Adamova M.E. *Formation of a risk management system to improve the quality of implementation of national projects: PhD abstract*. Saint Petersburg, 2021:23. (In Russ.)
8. Khalimon E.A., Nikitin S.A. Priority national projects as a tool for solving complex economic problems. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law*. 2020;(2):18–37. (In Russ.). doi: [10.28995/2073-6304-2020-2-18-37](https://doi.org/10.28995/2073-6304-2020-2-18-37)
9. Erdnieva E.V., Evieva B.E., Namysov S.V. et al. National projects in the socio-economic development of Russia. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2021;(2):142–145. (In Russ.). doi: [10.34925/EIP.2021.127.2.024](https://doi.org/10.34925/EIP.2021.127.2.024)
10. Zunde V.V., Morozova A.I., Mezentseva E.E. Diagnostic profile as a tool for managing the implementation of national projects. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2021;(2):21–26. (In Russ.)
11. Abramova M.A., Dubova S.E., Rubtsov B.B. Financial and monetary instruments for the implementation of national projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*. 2020;13(3):6–16. (In Russ.). doi: [10.26794/1999-849X-2020-13-3-6-16](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-3-6-16)
12. Sedova M.L. Financing of national projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*. 2020;13(3):17–27. (In Russ.). doi: [10.26794/1999-849X-2020-13-3-17-27](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-3-17-27)
13. Il'chenko S.V. Russia's national projects and the risks of their implementation. *Biznes i dizayn revyu = Business and design review*. 2021;(2). (In Russ.)
14. Tkachenko A.A. State policy and the national project "Demography". *Narodonaselenie = Population*. 2018;21(4):23–35. (In Russ.). doi: [10.26653/1561-7785-2018-21-4-03](https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-03)
15. Pochekutova E.N., Naumenko N.S. Directions for improving the efficiency of the implementation of the national project "Demography". *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal = St. Petersburg Economic Journal*. 2020;(2):23–29. (In Russ.). doi: [10.24411/2307-5368-2020-10003](https://doi.org/10.24411/2307-5368-2020-10003)
16. Mikhaylova N.A. Implementation of social support measures for families within the regulatory framework. *Inzhenernye kadry – budushchee innovatsionnoy ekonomiki Rossii = Engineering personnel are the future of Russia's innovative economy*. 2020;(7):29–33. (In Russ.)
17. Il'in V.A. et al. *Natsional'nye proekty Rossii: osobennosti, effektivnost' realizatsii: monografiya = National projects of Russia: features, implementation efficiency: monograph*. Supervised by V.A. Ilyin, A.A. Shabunova, T.V. Uskova. Vologda: Vologodskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, 2024:453. (In Russ.)
18. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Conceptual aspects of the national project "Family". *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = Women in Russian society*. 2025;(1):49–61. (In Russ.). doi: [10.21064/WinRS.2025.1.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2025.1.4)
19. Fidarova V.R. National project "Demography", between social clusters - national project "Family". *Moya professional'naya kar'era = My professional career*. 2024;2(67):492–498. (In Russ.)
20. Oleynikova E.G. National projects 2019–2024 and social policy priorities of modern Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2020;(1):69–72. (In Russ.). doi: [10.25683/VOLBI.2020.50.167](https://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.50.167)

Информация об авторе / Information about the author

Х. М. Муртазаев – аспирант, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 410012, г. Саратов, ул. Московская, 164. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-6972-3050>

H.M. Murtazaev – Postgraduate student, P.A. Stolypin Volga Region Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya street, Saratov, 410012. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4967-9208>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 20.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.08.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.5

EDN: RNQHHZ

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-8

ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ПОНЯТИЕ И ЕГО ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Анастасия Андреевна Рыжова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

17593r@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Цифровая трансформация государственного управления проходит в большинстве стран мира. Принимаются соответствующие правовые акты, направленные на реализацию положений о создании цифрового государства. Рассматривается переход к более совершенной модели государственного управления. Правовая основа сегодня требует более детальной регламентации для того, чтобы ответить на вопросы, возникшие перед традиционной правовой системой в связи с широким применением новых технологий. Необходимы осмысленные со стороны научного сообщества и внесение изменений в действующее национальное законодательство. Основная цель – изучить структурные элементы цифрового государства, определить законодательное урегулирование данного вопроса и выявить проблемы, которые возникают при реализации положений цифрового государства. *Материалы и методы.* Эмпирическую базу составляют правовые акты, определяющие порядок цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации. Сравнительно-правовой метод позволил провести анализ зарубежных правовых актов (Китайская Народная Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Республика Казахстан). *Результаты.* Дана общая содержательная характеристика правовых актов, регулирующих цифровую трансформацию в Российской Федерации и за рубежом. Представлен концепт «цифровое государство». *Выводы.* Появляется новый концепт «цифровое государство», который меняет представление о системе государственного управления и по-новому предлагает решать задачи, возложенные на органы государственной власти, оптимизируя и ускоряя процесс принятия решений. Это требует разработки обновленных стандартов и нормативных актов, охватывающих широкий круг вопросов по цифровой трансформации государственного управления. С учетом этих положений и будет обеспечен целостный и согласованный подход к внедрению цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровое государство, правовое регулирование, публичная власть, общество, цифровая трансформация, государственное управление

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-00322.

Для цитирования: Рыжова А. А. Цифровое государство: понятие и его правовое значение // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 80–90. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-8 EDN: RNQHHZ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

THE DIGITAL STATE: CONCEPT AND ITS LEGAL SIGNIFICANCE

Anastasia A. Ryzhova

Penza State University, Penza, Russia

17593r@mail.ru

Abstract. *Background.* The digital transformation of public administration is taking place in most countries worldwide. Relevant legal acts aimed at implementing the provisions on the creation of a digital state are being adopted. The transition to a more advanced model of public administration is considered. The legal framework, today, requires more detailed regulation in order to answer the questions that have arisen before the traditional legal system in connection with the widespread use of new technologies. Understanding by the scientific community and amendments to the current national legislation are required. The main goal is to study the structural elements of the digital state, determine the legislative regulation of this issue, and identify the problems that arise in the implementation of the provisions of the digital state. *Materials and methods.* The empirical base consists of legal acts determining the procedure for the digital transformation of public administration in the Russian Federation. The comparative legal method allowed us to analyze foreign legal acts (People's Republic of China, United Arab Emirates, Republic of Kazakhstan). *Results.* The general substantive characteristics of legal acts regulating digital transformation in the Russian Federation and abroad are presented. The concepts of "digital state" are presented. *Conclusions.* A new concept of "digital state" is emerging, changing the understanding of the public administration system. It offers a new approach to addressing the challenges posed to government bodies, streamlining and accelerating decision-making. This requires the development of updated standards and regulations covering a wide range of issues related to the digital transformation of public administration. Taking these provisions into account will ensure a holistic and coordinated approach to the implementation of digital technologies.

Keywords: digital state, legal regulation, public authority, society, digital transformation, public administration

Financing: the research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 25-28-00322.

For citation: Ryzhova A.A. The digital state: concept and its legal significance. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):80–90. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-8

В современных условиях развитие государства связано в первую очередь с внедрением цифровых технологий во все сферы деятельности. Если рассмотреть сферы жизнедеятельности общества на примере Российской Федерации, то можно отметить планомерный и уверенный переход в цифровое пространство [1, с. 94]. В социальной сфере создан и функционирует программный продукт «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». В образовательных организациях предусмотрен дистанционный формат обучения. Стремительно развивается и внедряется в здравоохранении телемедицина, когда необходима высококвалифицированная и своевременная помощь. В сфере экономики применяются автоматизация налоговой системы, онлайн-услуги, предоставляемые банковским сектором, проводятся государственные закупки и онлайн-торги. В судебной системе документооборот осуществляется в цифровом пространстве и обеспечивается с помощью программных продуктов

ГАС «Правосудие», КАД «Арбитр». В случаях, установленных законом, судебные заседания проводятся с использованием режима видеоконференции. В правовой сфере функционирует законодательная база в цифровом пространстве, представленная на официальном интернет-портале правовой информации¹; разработаны программные продукты «КонсультантПлюс», «Гарант». В избирательной системе применяется Дистанционное электронное голосование (ДЭГ), проводится с применением специального программного обеспечения, без бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе.

Быстрое развитие интеллектуальных или автономных систем, которые выполняют заранее определенные инструкции/задачи, а также могут учиться и адаптироваться с ограниченным вмешательством человека, внедрение технологий оказывают глубокое влияние на мир: от промышленности и работы, через наше личное и социальное пространство до правительства и политики [2, с. 98].

На настоящий момент необходимо сказать и о том, что развитие и внедрение цифровых технологий недостаточно урегулировано на законодательном уровне и требует более тщательного изучения со стороны юридического сообщества. Ведь, с одной стороны, цифровые технологии оказывают неоценимую помощь во множестве направлений – от анализа, систематизации до установления процедур финансирования, налогообложения. С другой стороны, их внедрение (как и уровень участия в управленческой деятельности) достигло такого состояния, когда затрагиваются основы суверенной власти [3, с. 77]. Данный аспект авторы предлагают рассматривать, как «цифровой суверенитет» [4, с. 64], как реакцию государства на угрозы, которые оно ощущает отчасти благодаря неконтролируемому развитию ИКТ. Обеспечение государственного «цифрового суверенитета» включает в себя выполнение следующих задач: развитие цифровых компетенций; создание собственных цифровых платформ; управление цифровыми ресурсами для реализации государственной безопасности и общественного блага [5, с. 33]. А попыткой «нащупать» баланс в системе возникающих рисков и выступают отдельные законодательные акты, отстаивающие наличие верховенства власти (суверенитета) в киберпространстве [6, с. 181].

Для построения модели «цифрового суверенитета» авторы предлагают элементы, объединенные в систему: нормативно-правовой, технологический, компетентностный, политический, экономический, управленческий. Формирование устойчивого «цифрового суверенитета» необходимо обеспечить с помощью полноценной реализации каждого элемента, что в свою очередь будет способствовать формированию современного цифрового государства [7, с. 207].

Отечественные и зарубежные исследователи сегодня активно обсуждают такой термин, как «цифровое государство». Отсутствие базового закона, определяющего понятие цифрового государства, направляет нас к изучению доктринальных источников. Считаем необходимым исследовать становление цифрового государства, предпосылки и задачи его формирования, рассмотреть действующее законодательство, а также проблемные аспекты правового регулирования.

Существует несколько подходов к определению понятия цифрового государства. Их обобщение позволяет выделить три направления: инструментально-технологическое; организационно-управленческое; процедурно-процессуальное [8, с. 14].

Единый подход к определению в настоящее время отсутствует. Это связано с цифровой трансформацией в современных странах, где происходит воздействие на деятельность системы государственных органов и предполагается структура, которая и формирует цифровое государство. Обратимся к концепту цифрового государства, предложенному И. В. Понкиным [9, с. 49]:

- 1) цифровое правительство;
- 2) цифровая демократия;

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/?oprd=1> (дата обращения: 10.09.2025).

- 3) цифровое правосудие;
- 4) цифровые избирательные технологии;
- 5) цифровой общественный контроль над государственным управлением.

Согласно структуре, предложенной автором, становится понятно, что цифровизация оказывает влияние на весь перечень общественных отношений. В этом случае неизбежной становится трансформация государства и права. С учетом этого правовое регулирование в таком государстве должно осуществляться в рамках новой правовой реальности – цифровой правовой среды [8, с. 31].

Как указывает автор, государственное управление в концепте «цифровое государство» обязано базировать свою деятельность на следующих принципах: верховенство закона; открытость деятельности государственного аппарата; подотчетность и полное, всестороннее, систематическое информирование населения о своих действиях и решениях, принятых нормативных правовых актах; оперативность (получение государственных услуг с минимальными временными затратами); открытость инновациям и обеспечение сбалансированности их внедрения в деятельность государственных органов [10, с. 102].

Рассмотрим правовые аспекты деятельности цифрового государства.

Организация и деятельность любого государства основываются на действующем законодательстве.

В Российской Федерации принят целый перечень нормативных правовых актов по вопросу внедрения цифровых технологий в деятельность органов государственной власти. К таким базовым стратегическим документам следует отнести:

- Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»;
- Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»);
- Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;
- Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»;
- Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»;
- Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»;
- Распоряжение Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления»;
- Постановление Правительства РФ от 10 октября 2020 г. № 1646 «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами».

Обратимся к отдельным положениям перечисленных правовых актов.

В качестве национальных целей на период до 2024 г. в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 представлены технологическое лидерство; цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Также установлены целевые показатели и задачи по достижению цели цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. К 2030 г. запланировано увеличение предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме (до 99 %); обеспечение сетевого суверенитета и информационной безопасности; достижение «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления; ускоренное внедрение технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта.

Внедрение искусственного интеллекта в РФ на период до 2030 г. определено целями и задачами, которые закреплены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта. Цель, которую необходимо достигнуть в результате реализации всех положений стратегии, – это создание условий для эффективного взаимодействия государства, организаций и граждан. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: стимулирование внедрения технологий искусственного интеллекта в отраслях экономики и социальной сферы; создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта; обеспечение безопасности применения таких технологий.

Основным направлением деятельности выступает разработка методического и нормативно-правового обеспечения. Это необходимо для грамотного, своевременного решения всех поставленных задач по внедрению технологий искусственного интеллекта в государственном управлении.

Сегодня функционирует платформа «ГосТех» (ФКУ «Государственные технологии»), являющаяся облачным платформенным решением для федеральных и региональных органов власти, с помощью которого быстро и эффективно создаются государственные информационные системы и цифровые сервисы. Данная платформа выступает цифровой экосистемой для создания, развития и эксплуатации государственных информационных систем. Стоит отметить, что в процессе взаимодействия с платформами возникают явления, находящиеся на стыке права и высоких технологий, – так зарождается новый массив общественных отношений и норм [11, с. 88]. И законодательство должно быть приспособлено под взаимодействие с платформенными решениями, что будет способствовать его развитию и продуктивному международному сотрудничеству.

Повышение эффективности государственного и муниципального управления, создание благоприятных условий для разработки и внедрения цифровых и технологических инноваций, а также расширение состава, повышение качества или доступности товаров, работ и услуг – все это цели, предусмотренные Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Для реализации этих целей определен перечень задач, которые поставлены перед кругом участников экспериментальных правовых режимов.

Отдельно рассмотрим положения национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»¹, утвержденного протоколом Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. Период реализации проекта 2025–2030 гг., исполнителем выступает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России). Целью проекта является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Предусмотрено развитие по следующим направлениям деятельности: в первую очередь необходимо обеспечить доступ в интернет на территории всей страны; далее предусмотрено развитие электронных услуг и сервисов; на период с 2025 г. запланировано оснащение школ Wi-Fi; обосновывается и внедрение ИИ в экономике, госуправлении и соцсфере; необходима также поддержка научно-исследовательских центров и стартапов в сфере ИИ; требуется модернизация ГИС; необходимо введение качественного и своевременного взаимодействия и эффективного обмена данными между ведомствами; обязательным с учетом построения цифрового государства выступает и развитие инфраструктуры электронного правительства; важным аспектом является обеспечение защищенности ключевых ГИС и безопасности российского сегмента сети Интернет, и в частности персональных данных. В паспорт нацпроекта включено 12 показателей, направленных на достижение параметров Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. По данным, предоставленным на 1 октября 2025 г., достигнуты плановые значения по следующим показателям:

¹ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Минцифры : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacziionalnyj-proekt-ekonomika-dannyh-i-cifrovaya-transformacziya-gosudarstva> (дата обращения: 12.09.2025).

18,96 % – уровень достижения «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, а также ключевых отраслей социальной сферы;

93 % домохозяйств обеспечено возможностью качественного широкополосного доступа к сети Интернет;

99,02 % массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг оказывается в электронной форме.

Обратим внимание, что при принятии новых законов в сфере регулирования цифровых технологий законодатель проявляет осторожность. Однако это может замедлить процесс цифровой трансформации и выход из перечня передовых стран в данной области.

Стратегические документы, такие как указы Президента РФ, задают общий вектор цифровой трансформации и одновременно цифровую экономику определяют как национальный проект. Однако стоит учитывать, что правовой характер стратегий не предполагает введение регуляторного механизма [3, с. 78]. И указанные документы не создают правила поведения.

Реализацией политики по цифровой трансформации государственного управления должны заниматься органы государственной власти. Выполнение основных задач возложено на Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации¹. Одним из направлений деятельности выступает цифровая трансформация (дата начала проекта 2010 г.). Это национальная цель развития РФ, и государственную политику в этой области формирует Минцифры. Другое направление – инфраструктура электронного правительства. В рамках данного направления в 2019 г. была создана Федеральная государственная информационная система «Единая информационная платформа национальной системы управления данными» (ФГИС «ЕИП НСУД»)² для систематизации, описания данных и требований к их качеству, а также упрощения информационного обмена между ведомствами.

Цифровая трансформация сферы государственного управления характерна и для большинства зарубежных стран, где формируется собственная правовая база, пытающаяся восстановить верховенство национальных правил в рамках виртуального пространства [12, с. 71]. В некоторых из них на федеральном уровне созданы органы государственной власти, регулирующие данный процесс.

Первой страной в мире (2017 г.), где было создано Министерство по делам искусственного интеллекта, стали Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ). Министерство курирует стратегические инициативы, формирует нормативную базу и обеспечивает этическое соответствие при внедрении новых технологий. Были запущены различные новаторские проекты, использующие искусственный интеллект для повышения качества государственных услуг, здравоохранения, образования и безопасности. На сегодняшний день полностью функционирует сайт – Цифровое правительство Объединенных Арабских Эмиратов (DGOV). Эта страна является лидером цифровой трансформации в арабском мире³. В начале 2025 г. была принята стратегия «Digital Strategy 2025–2027»⁴. Основные положения заключаются в полной цифровой трансформации и интеграции искусственного интеллекта в государственное управление. Ключевые цели стратегии:

- полная автоматизация государственных процессов (заявлено, что к 2027 г. планируется достичь 100 % автоматизации всех государственных операций);

- внедрение суверенных облачных технологий (создание цифровой инфраструктуры, которая обеспечит цифровой суверенитет и гарантирует безопасность и контроль над данными);

¹ О министерстве // Минцифры : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ministry> (дата обращения: 12.09.2025).

² Единая информационная платформа национальной системы управления данными // Минцифры : сайт. URL: <https://digital.gov.ru/activity/czifrovizacziya-gosudarstva/infrastruktura-elektronnogo-pravitelstva/federalnaya-gosudarstvennaya-informacionnaya-sistema-edinaya-informacionnaya-platforma-naczionalnoj-sistemy-upravleniya-dannymi> (дата обращения: 12.09.2025).

³ Empowering Digital Transformation // Digital Government, DGOV : website. URL: <https://dgov.tdra.gov.ae/en/about> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Абу-Даби: Путь к первому в мире ИИ-ориентированному правительству // DAMAC : сайт. URL: <https://www.damacproperties.com/ru/blog/abu-dhabi-is-the-worlds-first-fully-ai-native-government-by-2027-2378/> (дата обращения: 12.09.2025).

- разработка единой платформы ERP (разработка единой цифровой платформы управления ресурсами предприятия);
- внедрение более 200 решений на базе ИИ (внедрение более 200 инновационных решений на основе ИИ в различных государственных службах).

Цифровизация государственных услуг и деятельность государства ОАЭ по созданию инфраструктуры, обеспечивающая цифровой суверенитет, позволят не только повысить эффективность работы органов власти, но и значительно улучшить качество обслуживания граждан и бизнеса. Цифровая трансформация приобретает характер стратегического проекта, в рамках которого технологическое обновление служит основой как для внутренней стабильности и модернизации, так и для проактивной внешнеполитической экспансии [13, с. 55].

Проведение цифровой трансформации государственного управления в Республике Казахстан базируется на документе, принятом Правительством в 2023 г., – Концепции цифровой трансформации на 2023–2029 гг.¹, в котором предусматривается переход государства на модель Data-driven government. Принятие решений на государственном уровне осуществляется с учетом проверенных фактических данных, аналитики и надежных обоснованных прогнозов. Формирование сервисной и «человекоцентричной» модели государственного управления обеспечивает взаимодействие государства с гражданами и бизнесом с целью реализации прав и потребностей. Предусмотрено и осуществление концепции «Smart City». Основная цель в улучшении качества жизни, эффективности городского функционирования, услуг и конкурентоспособности. И в рамках концепции решаются важные задачи по обеспечению потребностей нынешнего и будущих поколений.

Рассмотрим деятельность нового Министерства искусственного интеллекта и цифрового развития. Указ Президента Республики Казахстан от 18 сентября 2025 г. № 997 «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления» в том числе утверждает создание данного министерства, определяет его структуру и закрепляет задачи. Организационная структура включает шесть ведомств, к которым относятся и республиканское государственное учреждение «Комитет государственных услуг». Деятельность министерства связана с решением следующих задач: руководство и межотраслевая координация в сфере информатизации и «электронного правительства»; обеспечение реализации государственной политики управления данными; осуществление межотраслевой координации цифровой трансформации государственного управления; формирование и реализация государственной политики в сфере оказания государственных услуг.

В целом проведенный анализ показал, что Республика Казахстан проделала немалый путь в развитии цифрового государства (рис. 1). Следует отметить, что предстоит проделать не меньшую работу в становлении текущего уровня зрелости.

Улучшение качества жизни населения и создание условий для перехода в новую цифровую экономику – это основание для внедрения цифровых решений в систему государственного управления в Республике Казахстан [14, с. 46].

В 2023 г. Китай принял документ, с помощью которого будет производиться «перезагрузка» государственного управления, – «План общей структуры построения цифрового Китая». Относительно стратегии по развитию «цифрового государства», принятой еще в 2017 г., представлен ряд новшеств, реализация которых направлена на достижение лидерства в данной сфере. Программный документ ориентирован на совершенствование правил и норм с учетом использования информационных технологий, связанных с большими данными. Интеграция больших данных в качестве важнейшего компонента управления способствует повышению эффективности государственных функций на всех уровнях управления. Правительство сможет модернизировать, внедрять инновации, используя большие данные в качестве средства управления [15, с. 112]. Любые технологические инновации, как отмечают китайские ученые,

¹ Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269. URL : <https://www.gov.kz/memleket/entities/infsecurity/documents/details/adilet/P2300000269?lang=ru> (дата обращения: 24.09.2025).

должны внедряться в концепции верховенства закона с учетом принципов справедливости, надзора за государственной властью и защитой прав [16, с. 536]. В апреле 2025 г. был представлен онлайн-курс (13 уроков) по национальной цифровой стратегии Китая «Цифровой Китай»¹. Курс разработан как базовый вводный и предназначен для членов партии. Направленность состоит в постоянном совершенствовании цифрового мышления, цифровых знаний и цифровых навыков. Предусмотрена и программа, направленная на повышение уровня цифровизации услуг, что позволит ускорить продвижение концепции «одна работа за раз» и будет способствовать слиянию онлайн- и офлайн-технологий.

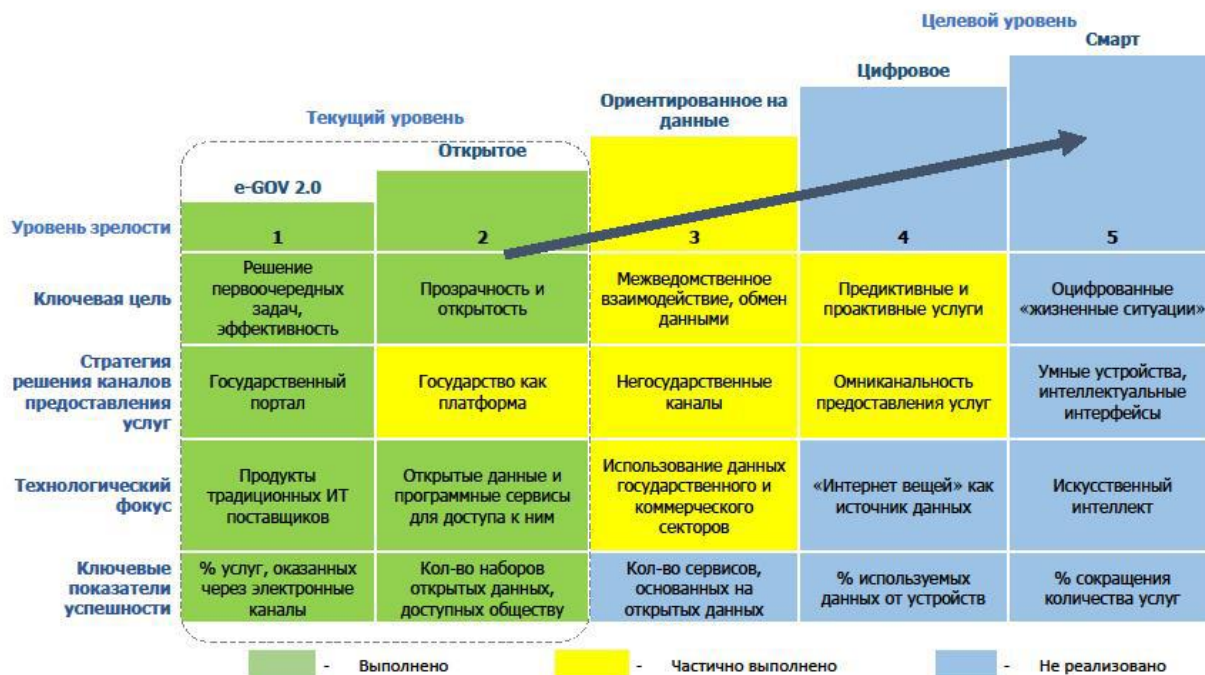

Рис. 1. Цифровая трансформация государственного управления в Республике Казахстан²

В будущем при построении «цифрового правового государства» Китая следует расширить сотрудничество между правительством и предприятиями и принять дополнительные меры по обслуживанию групп населения для устранения цифрового неравенства [16, с. 537–538]. С развитием технологий возникают и новые проблемы, в этом случае право должно на них реагировать. И Китай продолжит совершенствовать систему цифрового управления.

Анализ мирового опыта цифровизации и выявленных вызовов позволил предложить следующие решения, которые помогут ускорить процесс адаптации государственного управления к цифровой эпохе. К ним относятся: комплексное развитие компетенций сотрудников органов государственной власти; создание цифровой экосистемы управления; внедрение механизма регуляторных «песочниц»; инструменты для снижения цифрового неравенства; обеспечение информационной безопасности [17, с. 56]. Создание комплексной правовой базы должно учитывать специфику внедрения цифровых технологий.

Важным аспектом цифровой трансформации государственного управления выступает совершенствование и обновление правовой базы, регулирующей цифровые процессы. Современное

¹ Inside Digital China (5/13): Digital Government // Digital China Wins The Future : website. URL: <https://digitalchinawinthe future.com/2025/04/11/inside-digital-china-5-13-digital-government/> (дата обращения: 24.09.2025).

² Об утверждении Концепции цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269. URL : <https://www.gov.kz/memleket/entities/infsecurity/documents/details/adilet/P2300000269?lang=ru> (дата обращения: 24.09.2025).

законодательство должно создавать условия для активного развития цифровых технологий. А комплексный подход в совершенствовании нормативно-правовой базы способствует устойчивости и прозрачности всех процессов, связанных с цифровой трансформацией [18, с. 47].

С учетом рассмотренных положений о цифровой трансформации государственного управления в России и за рубежом можно сделать следующие выводы, которые позволят реализовать концепцию цифрового государства в России. Нормативное правовое регулирование в данной сфере осуществляется фрагментарно. Первоначально требуется систематизация действующего законодательства, в частности регламентирующих использование инфраструктуры информационных технологий в целях предоставления в электронной форме государственных и муниципальных услуг [19, с. 9]. Одним из направлений оптимизации должно стать внедрение цифровых административных регламентов. Следует отметить и необходимость в урегулировании взаимодействия между федеральными и региональными информационными системами. Важный аспект – устранение цифрового неравенства, что выступает барьером на пути реализации гражданами своих конституционных прав и нивелирует усилия государства по цифровизации публичного управления [20, с. 39]. Необходимо обратить внимание и на вопросы, связанные с обеспечением безопасности в цифровой среде, требуется четкая регламентация границ дозволенного и обстоятельств, при которых наступает юридическая ответственность.

Список литературы

1. Гумеров И. Р. Цифровая трансформация государственного управления в России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 91–99. doi: [10.52452/19931778_2022_3_91](https://doi.org/10.52452/19931778_2022_3_91) EDN: RTNWAS
2. Цифровая трансформация в государственном управлении : коллективная монография / Н. Е. Дмитриева, А. Г. Санина, Е. М. Стырин [и др.] ; под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой. М. : Высшая школа экономики, 2023. 208 с. doi: [10.17323/978-5-7598-2831-0](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2831-0) EDN: TXOGHH
3. Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 2 (46). С. 76–85. doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-2-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-2-8) EDN: FVN LGV
4. Шабеева О. А. Технологический суверенитет в контексте развития цифрового государства в России // Искусство правождения. 2025. № 2 (14). С. 63–70. EDN: GJRVBQ
5. Кочетков А. П., Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45. EDN: BJJUXI
6. Романовская О. В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24, № 2. С. 174–183. doi: [10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183) EDN: GCZZNT
7. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / В. А. Никонов, А. С. Воронов, В. А. Сажина [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216. doi: [10.17223/1998863X/60/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18) EDN: PCWPLD
8. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды : монография / Н. Н. Черногор, Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М. : ИНФРА-М : Норма, 2023. 244 с. EDN: NREQMY
9. Понкин И. В. Концепт цифрового государства: понятие, природа, структура и онтология // Государственная служба. 2021. Т. 23, № 5. С. 47–52. doi: [10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52) EDN: EELWEX
10. Щенникова И. И. Цифровое государство и хорошее управление: цифровизация и оптимизация как два пути прогрессивного государственного управления // Цифровое право. 2024. Т. 5, № 1. С. 94–104. doi: [10.38044/2686-9136-2024-5-1-94-104](https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1-94-104) EDN: YOFVHH
11. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94. doi: [10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094) EDN: KUNBTV
12. Романовская О. В. Публично-правовые основы цифровой экономики // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 3 (47). С. 63–73. doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-3-7](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-3-7) EDN: RMIZRE

13. Крылов Д. С. Цифровая трансформация Объединенных Арабских Эмиратов как инструмент национальной модернизации и внешнеполитической стратегии (2023–2025) // Россия и мусульманский мир. 2025. № 2 (336). С. 54–64. doi: [10.31249/rimm/2025.02.04](https://doi.org/10.31249/rimm/2025.02.04) EDN: [XIFHPO](#)
14. Ибраимова С. Ж., Кожевина О. В., Салиенко Н. В. Нормативное регулирование реализации цифровых моделей управления в Казахстане и России // Право и цифровая экономика. 2024. № 2 (24). С. 41–48. doi: [10.17803/2618-8198.2024.24.2.041-048](https://doi.org/10.17803/2618-8198.2024.24.2.041-048) EDN: [CACCIU](#)
15. Талапина Э. В. Государственное управление в условиях цифровизации: шанс на повышение качества // Журнал российского права. 2025. № 9. С. 103–115. doi: [10.61205/S160565900034794-7](https://doi.org/10.61205/S160565900034794-7) EDN: [JBOMZW](#)
16. Цзя Ш. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28, № 3. С. 528–545. doi: [10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545) EDN: [HGDKPF](#)
17. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 50–58. EDN: [CYVJNO](#)
18. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Цифровая трансформация государства: как изменяются подходы к управлению // Административное право и процесс. 2025. № 8. С. 45–48. doi: [10.18572/2071-1166-2025-8-45-48](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-8-45-48) EDN: [NZMCOT](#)
19. Ноздрачев А. Ф. О законодательных основах реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» (положения de lege lata и предложения de lege ferenda) // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 3–16. doi: [10.18572/2071-1166-2024-5-3-16](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-3-16) EDN: [GQUVED](#)
20. Липчанская М. А., Паламарчук С. А. Цифровое неравенство и цифровая трансформация в публичном управлении: эволюция понятия и критериев // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 38–42. doi: [10.18572/1813-1247-2025-2-38-42](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-2-38-42) EDN: [VPYOKR](#)

References

1. Gumerov I.R. Digital transformation of public administration in Russia. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2022;(3):91–99. (In Russ.). doi: [10.52452/19931778_2022_3_91](https://doi.org/10.52452/19931778_2022_3_91)
2. Dmitrieva N.E., Sanina A.G., Styryn E.M. et al. *Tsifrovaya transformatsiya v gosudarstvennom upravlenii: kollektivnaya monografiya = Digital Transformation in public administration: a collective monograph*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2023:208. (In Russ.). doi: [10.17323/978-5-7598-2831-0](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2831-0)
3. Romanovskaya O.V. Legal basis of the digital state. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(2):76–85. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-2-8](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-2-8)
4. Shabaeva O.A. Technological sovereignty in the context of the development of the digital state in Russia. *Iskusstvo pravovedeniya = The art of jurisprudence*. 2025;(2):63–70. (In Russ.)
5. Kochetkov A.P., Maslov K.V. Digital sovereignty as the basis of Russia's national security in the global digital society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Series 12, Political Science*. 2022;(2):31–45. (In Russ.)
6. Romanovskaya O.V. Law, information society, digital sovereignty. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = News of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*. 2024;24(2):174–183. (In Russ.). doi: [10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183](https://doi.org/10.18500/1994-2540-2024-24-2-174-183)
7. Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A. et al. Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2021;(60):206–216. (In Russ.). doi: [10.17223/1998863X/60/18](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/18)
8. Chernogor N.N., Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. et al. *Kontseptsiya tsifrovogo gosudarstva i tsifrovoy pravovoy sredy: monografiya = The concept of a digital state and a digital legal environment: a monograph*. Moscow: INFRA-M: Norma, 2023:244. (In Russ.)
9. Ponkin I.V. The concept of a digital state: concept, nature, structure and ontology. *Gosudarstvennaya sluzhba = Civil service*. 2021;23(5):47–52. (In Russ.). doi: [10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-5-47-52)
10. Shchennikova I.I. Digital state and good governance: digitalization and optimization as two paths to progressive public administration. *Tsifrovoye pravo = Digital law*. 2024;5(1):94–104. (In Russ.). doi: [10.38044/2686-9136-2024-5-1-94-104](https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1-94-104)

11. Altukhov A.V., Kashkin S.Yu. The legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Current issues of Russian law*. 2021;(7):86–94. (In Russ.). doi: [10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.086-094)
12. Romanovskaya O.V. Public-legal foundations of the digital economy. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(3):63–73. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-3-7](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-3-7)
13. Krylov D.S. Digital transformation of the United Arab Emirates as a tool for national modernization and foreign policy strategy (2023–2025). *Rossiya i musul'manskiy mir = Russia and the Muslim world*. 2025;(2):54–64. (In Russ.). doi: [10.31249/rimm/2025.02.04](https://doi.org/10.31249/rimm/2025.02.04)
14. Ibraimova S.Zh., Kozhevina O.V., Salienko N.V. Regulatory framework for the implementation of digital governance models in Kazakhstan and Russia. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and the digital economy*. 2024;(2):41–48. (In Russ.). doi: [10.17803/2618-8198.2024.24.2.041-048](https://doi.org/10.17803/2618-8198.2024.24.2.041-048)
15. Talapina E.V. Public administration in the context of digitalization: a chance to improve quality. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*. 2025;(9):103–115. (In Russ.). doi: [10.61205/S160565900034794-7](https://doi.org/10.61205/S160565900034794-7)
16. Tszya Sh. A review of Chinese legislation and practice in the field of development of modern digital law. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2024;28(3):528–545. (In Russ.). doi: [10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545](https://doi.org/10.22363/2313-2337-2024-28-3-528-545)
17. Alekseeva M.V., Isakova Yu.I. Specifics of public administration development in the context of modern digital transformation. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2025;(2):50–58. (In Russ.)
18. Alekseeva M.V., Rybak S.V. Digital transformation of the state: how approaches to governance are changing. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2025;(8):45–48. (In Russ.). doi: [10.18572/2071-1166-2025-8-45-48](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2025-8-45-48)
19. Nozdrachev A.F. On the legislative basis for the implementation of the federal project "Digital public administration" (legislative provisions and proposals). *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2024;(5):3–16. (In Russ.). doi: [10.18572/2071-1166-2024-5-3-16](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-3-16)
20. Lipchanskaya M.A., Palamarchuk S.A. Digital divide and digital transformation in public administration: evolution of concepts and criteria. *Gosudarstvennaya i mestnoe samoupravlenie = State and local government*. 2025;(2):38–42. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1247-2025-2-38-42](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2025-2-38-42)

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Рыжова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0166-4469>

A.A. Ryzhova – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0166-4469>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342

EDN: HKEGMV

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЕДИНСТВА ИЗМЕРЕНИЙ

Елена Николаевна Чекушкина¹, Вячеслав Викторович Родин²,
Александр Николаевич Чекушкин³

^{1,3}Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия

²Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, Саранск, Россия

¹elenachekushkina@yandex.ru

²89879979005@rambler.ru

³chekuschkin@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Значение стандартизации, метрологии и сертификации как важных инструментов в обеспечении эффективности производства, безопасности и качества продукции в настоящее время очень велико. Цель работы – проанализировать систему подготовки бакалавров и магистров в сфере стандартизации и метрологии, определив необходимость использования профессиональных стандартов как основы формирования профессиональной компетентности и показав значительное место в ней знания нормативно-правовых документов. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа основных образовательных программ и профессиональных стандартов «Специалист по метрологии» и «Специалист по техническому контролю качества продукции», нормативно-правовой базы, составляющей основу компетентности специалиста в данной сфере. *Результаты.* Приводятся требования федеральных образовательных стандартов по направлению подготовки бакалавров и магистров в сфере стандартизации и метрологии. Определяется необходимость использования профессиональных стандартов как источника профессиональных компетенций при разработке программ высшего образования. Рассматриваются требования к объему программ, срокам обучения, области и задачам деятельности, наличию и типам практик, проведению государственной итоговой аттестации. Приводятся федеральные законы, знание которых составляет основу профессиональной компетентности специалиста в рассматриваемой сфере. *Выводы.* Показана необходимость формирования правовой культуры как составляющей профессиональной компетентности специалистов в сфере стандартизации и метрологии. Отмечается целесообразность проведения внутренней и внешней оценки полученных знаний и опросов по удовлетворенности для участников образовательного процесса. В качестве внешней оценки рекомендуется использовать профессионально-общественную и международную аккредитации. Центром ответственности по разработке учебных планов, координации деятельности по созданию методических материалов при обучении студентов является выпускающая кафедра образовательной организации. Отмечается необходимость тесной кооперации с предприятиями.

Ключевые слова: метрология, стандартизация, стандарты, образование, учебный план, предприятия, федеральные законы

Для цитирования: Чекушкина Е. Н., Родин В. В., Чекушкин А. Н. Правовое регулирование деятельности по обеспечению единства измерений // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 91–100. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-9 EDN: HKEGMV

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

LEGAL REGULATION OF ACTIVITIES TO ENSURE THE UNIFORMITY OF MEASUREMENTS

Elena N. Chekushkina¹, Vyacheslav V. Rodin², Aleksandr N. Chekushkin³

^{1,3}Mid-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saransk, Russia

²National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

¹elenachekushkina@yandex.ru

²89879979005@rambler.ru

³chekuschkin@yandex.ru

Abstract. *Background.* The importance of standardization, metrology and certification is currently very great, since they are important tools in ensuring production efficiency, safety and product quality, since they develop methods and rules for standardizing product parameters and technological processes, regulatory documentation, methods for monitoring measurements (analysis) and testing products, confirmation of its compliance with the necessary requirements. The purpose of the work is to analyze the system of training bachelors and masters in the field of standardization and metrology, determining the need to use professional standards as the basis for the formation of professional competence and showing a significant place of knowledge of regulatory documents in it. *Materials and methods.* The implementation of research tasks was achieved on the basis of the analysis of the main educational programs and professional standards «Specialist in metrology» and «Specialist in technical quality control of products», the regulatory framework that forms the basis of the competence of a specialist in this area. *Results.* The requirements of federal educational standards for the preparation of bachelors and masters in the field of standardization and metrology are given. The need to use professional standards as a source of professional competencies in the development of higher education programs is determined. Requirements for the scope of programs, training terms, field and tasks of activity, availability and types of practices, state final certification are considered. Federal laws are given, the knowledge of which forms the basis of the professional competence of a specialist in the field under consideration. *Conclusions.* The need to form a legal culture as a necessary component of the professional competence of specialists in the field of standardization and metrology is shown. The need for an internal and external assessment of the knowledge gained, conducting satisfaction surveys for participants in the educational process is noted. It is recommended to use professional-public and international accreditation as an external assessment. It is determined that the center of responsibility for the development of curricula, coordination of activities for the creation of methodological materials in the training of students is the issuing department of the educational organization. The need for close cooperation with enterprises is noted.

Keywords: metrology, standardization, standards, education, curriculum, enterprises, federal laws

For citation: Chekushkina E.N., Rodin V.V., Chekushkin A.N. Legal regulation of activities to ensure the uniformity of measurements. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):91–100. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-9

Значение стандартизации, метрологии и сертификации в настоящее время очень велико, так как они являются важными инструментами в обеспечении эффективности производства, безопасности и качества продукции, поскольку разрабатывают методы и правила нормирования параметров продукции и технологических процессов, нормативную документацию, методы

контроля измерений (анализа) и испытаний продукции, подтверждение ее соответствия необходимым требованиям.

Основными задачами правового регулирования деятельности по обеспечению единства измерений являются ознакомление обучающихся с требованиями основополагающих законов, постановлений и нормативных документов в данной области; формирование правового мышления для различных сфер метрологической деятельности и современных взглядов на тенденции развития отечественной и мировой законодательной метрологии; ознакомление обучающихся с государственным регулированием метрологической деятельности в России и т.д.

Подготовка квалифицированных специалистов в сфере стандартизации и метрологии является актуальной задачей. Высшее образование предусматривает уровни бакалавриата и магистратуры. Действующие образовательные стандарты определяют возможную форму обучения, его срок, объем программ в зачетных единицах, области и задачи профессиональной деятельности. Данные стандарты являются основой объективной оценки соответствия установленным требованиям образовательной деятельности и подготовки обучающихся, освоивших образовательные программы определенного уровня и направленности. Согласно п. 5 ст. 43 Конституции в России устанавливаются государственные образовательные стандарты, включающие федеральный и национально-региональный компоненты. Профессиональные образовательные программы высшего профессионального образования представляют собой совокупность образовательных услуг, позволяющих реализовать требования, установленные государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования¹.

Образовательная организация самостоятельно устанавливает направленность (профиль) образовательной программы, которая соответствует направлению подготовки и отражает выбранные типы и задачи деятельности. Предусматривается возможность электронного обучения с применением дистанционных образовательных технологий.

Для программ бакалавриата и магистратуры устанавливаются объемы обучения, соответственно равные 240 и 120 зачетным единицам. При этом предусматриваются блоки «Дисциплины (модули)», «Практика», «Государственная итоговая аттестация». Устанавливается объем блоков в зачетных единицах. В программе бакалавриата необходимо обеспечить реализацию дисциплин по философии, истории, иностранному языку, безопасности жизнедеятельности. Также определяется необходимость включения дисциплины по физической культуре и спорту в объеме двух зачетных единиц и 328 академических часов. В программе магистратуры нет требований по наличию определенных дисциплин.

Образовательная организация вправе выбирать один или несколько типов учебных или производственных рекомендуемых практик, объем которых устанавливается самостоятельно. Практики должны отражать выбранные типы профессиональной деятельности.

При проведении государственной аттестации необходимой является процедура защиты выпускной квалификационной работы и, возможно, по решению университета проведение государственного экзамена.

Обучающимся обеспечивается возможность освоения элективных и факультативных дисциплин.

Федеральные государственные образовательные стандарты определяют универсальные и общепрофессиональные компетенции. В рамках программы обучения должна быть предусмотрена обязательная часть и часть, формируемая участниками образовательных отношений. Дисциплины и практики, включенные в обязательную часть, обеспечивают формирование общепрофессиональных компетенций.

Профессиональные компетенции рекомендуется формулировать на основе профессиональных стандартов «Специалист по метрологии» и «Специалист по техническому контролю качества продукции», в которых приводятся обобщенные трудовые функции. Также рекомендуется разрабатывать профессиональные компетенции на основе анализа рынка труда,

¹ Статья 43 Конституции Российской Федерации // Конституция РФ 2025. Актуальная редакция с комментариями : веб-сайт. URL: <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-2/st-43-krf> (дата обращения: 26.04.2025).

особенностей производств в регионе обучения. Индикаторы усвоения компетенций разрабатываются на основе требуемых знаний, умений, навыков для трудовых функций.

Проблемой при разработке основных профессиональных образовательных программ подготовки является изменение образовательных и профессиональных стандартов. Стандарты высшего профессионального образования Российской Федерации стали складываться с начала 1990-х гг. вместе с масштабными изменениями в политической и экономической сферах, отражая понимание того, каким должен быть выпускник и что он должен приобрести за время обучения, а также выступая основой для государственного контроля.

29 декабря 2012 г. вышел Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», заменивший закон 1992 г., поскольку за 20 лет произошли серьезные изменения социокультурного пространства и прежний закон перестал отвечать требованиям времени. Новый закон поставил целью установление системного и функционально более полного правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере образования, повышение эффективности механизма правового регулирования, обеспечение стабильности и преемственности в развитии системы образования и ее законодательных основ [1]. Целью закона стала попытка предоставить каждому максимальные условия для получения всех уровней образования, выбирать качественные образовательные организации для получения профессионального образования, работая, профессионально совершенствоваться, осваивать новые технологии¹. Поэтому в новом законе для повышения качества образования, обеспечения единства его содержания на всем российском пространстве установлены государственные стандарты среднего и высшего образования, отражающие новейшие достижения науки.

За последние десять лет вышли три версии образовательных и три версии профессиональных стандартов, что неизбежно приводит к переработке всего комплекта методических и учебных материалов.

Федеральные образовательные стандарты устанавливают требования к условиям реализации программ бакалавриата и магистратуры. Они включают наличие соответствующего материально-технического и учебно-методического обеспечения, требования к кадровому составу, финансовым условиям реализации, механизмам оценки качества деятельности и подготовки обучающихся.

Существующая фундаментальная база материально-технического обеспечения университетов, своевременное финансирование создания информационных систем и технологий обучения позволяют соответствовать требованиям стандартов.

Трудности возникают при формировании кадрового состава, участвующего в реализации образовательных программ. Требование о наличии не менее 70 % штатной численности сотрудников, ведущих профильную научную, учебно-методическую и практическую деятельность, не вызывает трудностей. Выполнение требований о том, чтобы не менее 60 % кадрового состава имели ученые степени, достигается сложнее, поскольку наблюдается тенденция сокращения количества преподавателей, защитивших диссертационные работы. Решению этой проблемы частично способствует установление порога в 30 % по возрасту до 39 лет для сотрудников, реализующих программу. Происходит обновление коллектива, «вынужденное» появление перспективных, отвечающих необходимым требованиям кадров [2].

Привлечение сторонних квалифицированных специалистов с трехлетним опытом работы в профильных организациях для реализации образовательных программ определяется заинтересованностью их руководителей в выпускниках.

Образовательные стандарты также устанавливают требования к механизмам оценки качества образовательной деятельности. Оценка должна быть внутренней и на добровольной основе внешней.

Внутренняя оценка качества реализации образовательных программ возможна с помощью опросов обучающихся, преподавательского и учебно-вспомогательного состава организации

¹ Макарова С. В. Основные отличия нового закона об образовании от старого // nsportal.ru : социальная сеть работников образования. URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2013/11/22/doklad-natemu-osnovnye-otlichiya-novogo-zakona> (дата обращения: 26.04.2025).

по создаваемым условиям, материально-техническому оснащению, содержанию программ. Опросы проводятся на условиях анонимности в информационной среде образовательной организации или на внешних платформах. При этом необходимо предусмотреть возможность получения результатов по направлениям подготовки с целью объективного анализа.

Внешняя оценка качества реализации образовательных программ осуществляется с помощью государственной аккредитации. Рекомендуются также проводить профессионально-общественные аккредитации. Такие оценки позволяют повысить привлекательность программ, выявить соответствие компетенций обучающихся и выпускников требованиям образовательных и профессиональных стандартов, общероссийским квалификационным требованиям, требованиям рынка труда [3].

Повышение привлекательности реализуемых образовательных программ осуществляется проведением международной аккредитации на соответствие стандартам качества [4]. Необходимо уделять внимание привлечению к обучению в российских высших учебных заведениях абитуриентов из республик Беларусь, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан. В этих странах сохраняется хорошее отношение к России и Российскому образованию [5]. Нужно приложить все силы к укреплению существующих связей путем открытия совместных образовательных программ, зачисления иностранных студентов в рамках бюджетного приема. Универсальность направления подготовки «Стандартизация и метрология» позволяет привлекать студентов из дружественных стран Африки, Индии, Китая, Пакистана, Сирии и др. [6].

Центром ответственности по разработке учебных планов, координации деятельности по созданию методических материалов при обучении студентов на уровнях бакалавриата и магистратуры является выпускающая кафедра образовательной организации. Сотрудники кафедры проводят основную часть дисциплин по профессиональной подготовке студентов.

Разработка всех учебно-методических материалов осуществляется в кооперации с ведущими специалистами предприятий. Наиболее тесная связь образовательной организации должна быть налажена с территориальным центром по стандартизации и метрологии.

Учебный план должен включать дисциплины, выстроенные в логической последовательности, позволяющие поэтапно осваивать в рамках нескольких курсов универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции [7]. На первом курсе обучения по программам бакалавриата предусмотрены дисциплины «Физика», «Математика», «Химия», «Инженерная и компьютерная графика», дисциплины в сфере информационных технологий, закладывающие основу для освоения специальных дисциплин. В начале обучения целесообразно включить в план одну или две дисциплины, связанные с историей развития метрологии, ее основами, вопросами стандартизации, чтобы студенты начинали себя идентифицировать в качестве специалистов в определенной области знаний.

Особую роль в начале обучения играет дисциплина «Правоведение». Ее включение обосновано, во-первых, требованием формирования универсальных компетенций УК-2, УК-1, а также необходимостью включения студентов в правовое поле, создающее основу для дальнейшего профессионального становления в избранной сфере деятельности, поскольку данная профессия предполагает знание технических регламентов на продукцию и услуги, нормативных актов, перечни которых приводятся на сайте Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Необходимо ориентироваться в национальных, межгосударственных стандартах, сводах правил, рекомендациях по метрологии, владеть терминологическим аппаратом в профессиональной сфере деятельности [8].

Основное место в подготовке на втором и третьем курсах бакалавриата должны занимать дисциплины по профильному виду деятельности. Большой объем информации позволяет сформировать и включить в учебный план подготовки три дисциплины – «Метрология», «Стандартизация» и «Подтверждение соответствия». Предусматриваются лекционные, практические и лабораторные занятия. В дисциплинах «Метрология», «Стандартизация» желательно учесть выполнение курсовых проектов или работ. Наряду с внутренней сдачей экзаменов или зачетов по этим предметам планируется проведение федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования.

Параллельно изучаются дисциплины «Взаимозаменяемость и нормирование точности», «Материаловедение», «Электротехника и электроника», «Защита интеллектуальной собственности и патентоведение», «Анализ результатов измерений», «Технические измерения», «Основы проектной деятельности», формирующие знания, умения и навыки в рамках будущей специальности. Широкое использование электронных приборов и систем предполагает получение знаний по основам функционирования вакуумных и полупроводниковых приборов, аналоговых и цифровых микросхем, схемотехники. При этом детальное рассмотрение принципов их работы не обязательно, важно изучение параметров, возможностей использования при измерении физических величин. Эти знания позволят грамотно выбирать и эксплуатировать приборы, оценивать границы их возможностей.

Обязательно знать законодательство Российской Федерации, регламентирующее вопросы единства измерений и метрологического обеспечения, а также федеральные законы «Об обеспечении единства измерений» № 102-ФЗ от 26 июня 2008 г., «О техническом регулировании» № 184-ФЗ от 27 декабря 2002 г., «О стандартизации» № 162-ФЗ от 29 июня 2015 г., «Об аккредитации» № 412-ФЗ от 28 декабря 2013 г., ст. 72 ГК РФ «Патентное право», ст. 1250 «Защита интеллектуальных прав». Знание данных законов является одной из важных составляющих профессиональной компетентности. В целом необходим достаточно высокий уровень правовой культуры для ориентации не только в законах, но и в их обновлениях.

Так, закон «Об обеспечении единства измерений» появился в 1993 г. как нормативный акт, регламентирующий основы метрологической деятельности в условиях перехода страны к рыночной экономике. Однако по мере нарастания процессов экономической интеграции и глобализации он стал неактуален, поэтому в 2008 г. была принята новая версия закона, призванная обеспечить единство измерений в Российской Федерации, защитить права и интересы граждан, общество и государство от отрицательных последствий недостоверных результатов измерений и в целом содействовать развитию экономики страны и научно-техническому прогрессу¹. Последняя его редакция с изменениями и дополнениями вступила в силу 1 марта 2025 г.

Закон «О техническом регулировании» позволил гармонизировать требования, предъявляемые к деятельности по стандартизации и метрологии в нашей стране, с международными требованиями.

Закон «О стандартизации» пришел на смену постановлениям правительства, выстраивая систему стандартизации и сертификации, осуществляя переход от всеобщей обязательности стандартов в СССР к регламентации обязательных и рекомендательных требований, определению обязанностей и ответственностей по стандартизации [9].

Помимо обозначенных законов обязательным требованием к специалисту является знание постановлений, распоряжений, приказов, методических и нормативных материалов по метрологическому обеспечению производства; стандартов по аттестации, эксплуатации, ремонту, наладке, поверке и хранению средств измерений; технических требований, предъявляемых к продукции, выпускаемой предприятием, назначению и принципам работы средств измерений, их ремонту; методов (методик) выполнения измерений; порядка сертификации продукции; передового отечественного и зарубежного опыта в области метрологического контроля и обеспечения производства; основных требований при проектировании; порядка определения экономической эффективности внедрения новых методов и средств измерений; основ экономики, организации производства, труда и управления; основ трудового законодательства; правил и норм охраны труда².

В рамках образовательной программы осваиваются информационные технологии, возможности их применения в профессиональной деятельности. Информационные системы

¹ Федеральный закон «Об обеспечении единства измерений» // Метрконсалт : веб-сайт. URL: <https://metrcons.ru/info/articles/zakonodatelnaya-metrologiya/federalnyy-zakon-ob-obespechenii-edinstva-izmereniy/> (дата обращения: 26.04.2025).

² Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих : (утв. Постановлением Минтруда России от 21 августа 1998 г. № 37) // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58804/ (дата обращения: 27.04.2025).

используются для коммуникации со студентами, оценки выполняемых ими работ, доступа к необходимым ресурсам.

Особое внимание уделяется изучению вопросов поверки и калибровки средств измерений различных физических величин. Дисциплины, посвященные этим вопросам, включаются в учебный план на последнем курсе.

В учебном плане присутствуют несколько дисциплин, которые студент выбирает самостоятельно. Также предусматривается блок индивидуальных образовательных траекторий, состоящий из трех или четырех последовательно проводимых предметов, детально рассматривающих определенную область деятельности.

Учебные и производственные практики проводятся в июне и июле. Университет предварительно заключает договоры с предприятиями и организациями, в которых есть службы, осуществляющие соответствующие виды деятельности. Предусматривается направление студентов на предприятия по их желанию. При проведении практик студенты непосредственно знакомятся с мероприятиями по улучшению качества продукции, по совершенствованию метрологического обеспечения, по разработке новых и пересмотру действующих стандартов, правил, норм и других документов по стандартизации, сертификации, метрологическому обеспечению и управлению качеством, осваивают современные методы контроля, измерений, испытаний контрольно-измерительных средств, присутствуют при проведении поверки и калибровки приборов, рассматривают локальные поверочные схемы по видам и средствам измерений.

В рамках выполнения курсовых работ и проектов, прохождения практики обучающиеся постепенно формируют материал по предполагаемой теме выпускной квалификационной работы. Список тем рассматривается на заседаниях кафедры, согласуется с научными направлениями, по которым работают преподаватели, обсуждается со студентами.

Преподавательский состав, кроме выполнения учебной нагрузки, должен участвовать в научно-исследовательской деятельности. Она включает написание статей, участие в различных грантовых программах, конкурсах, выполнении опытно-конструкторских работ для предприятий. К этим видам деятельности привлекаются студенты [10]. В рамках промежуточной аттестации по дисциплинам предусматриваются дополнительные баллы за научную работу.

Магистратура по направлению подготовки «Стандартизация и метрология» позволяет углубленно изучить профессиональные компетенции [11, 12]. Студенты готовятся к решению производственно-технологических, организационно-управленческих задач [13]. Для этого изучаются проблемы в области обеспечения единства измерений, современные автоматизированные методы и средства измерений, системы стандартизации, сертификации и качества, рассматриваются различные аспекты создания и внедрения метрологического обеспечения в технологические процессы и производства, методы обеспечения надежности [14].

Особое внимание уделяется научно-исследовательской работе по созданию новых приборов, методов измерений, разработке инновационных образцов продукции. Предусмотрено изучение таких дисциплин, как «Системный анализ», «Методология исследовательской деятельности», «Основы научных исследований, организация и планирование эксперимента». В течение всего срока обучения проводится научно-исследовательская практика. Полученные результаты публикуются в ведущих российских журналах, включаются в выпускную квалификационную работу.

Выпускники магистратуры в рамках профессиональной деятельности не только проводят точные измерения, поверку и калибровку приборов, разрабатывают стандарты, но и способны планировать, организовывать деятельность метрологических служб, самостоятельно решать задачи стандартизации на базе последних достижений науки и техники [15].

Квалификационные требования к сотрудникам метрологических служб однозначно трактуют необходимость привлечения к работе специалистов только с профильным образованием, при этом обучение в магистратуре позволяет занимать должности ведущего инженера, начальника лаборатории, отдела, главного метролога, директора по качеству предприятия.

В магистратуре наряду с выпускниками бакалавриата по соответствующему направлению обучаются студенты, закончившие специальности, связанные с информационными технологиями, физикой, химией, имеющие педагогическое образование. Это значительно расширяет их возможности по трудоустройству.

В рамках подготовки и профессиональной деятельности специалистов по стандартизации и метрологии, специалистов по подтверждению соответствия необходимо дополнительное профессиональное образование. Это позволяет оперативно реагировать на изменение требований нормативной базы, совершенствование методов, методик, средств измерений, появление новых образцов продукции. Дополнительно профессиональное образование включает программы повышения квалификации и переподготовки. Повышение квалификации проводится в объеме более 16 часов и предусматривает выдачу удостоверения. Профессиональная переподготовка проводится в объеме более 250 часов и предполагает получение диплома. Профессиональная переподготовка позволяет осуществлять деятельность в сфере метрологии, стандартизации и сертификации лицам, имеющим высшее непрофильное или среднее техническое образование [16]. Современные коммуникационные технологии дают возможность частично дистанционно проводить повышение квалификации и переподготовку без полного отрыва работников от выполняемых ими обязанностей. Дополнительное образование позволяет актуализировать компетенции специалистов при трудовой деятельности и, несомненно, является высокоэффективным инструментом, повышающим квалификацию.

Таким образом, подготовка специалиста по стандартизации и метрологии ориентирована на изучение основ технических наук, но не в меньшей степени права. Специалист должен разбираться в устройстве и принципах работы различных измерительных приборов, знать государственные и международные стандарты, чтобы обеспечивать соответствие установленным требованиям.

Список литературы

1. Менкенов А. В. О некоторых проблемах применения Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // Вопросы управления. 2015. № 3 (15). С. 91–95. EDN: [UCQHSL](#)
2. Глазьев С. Ю. Формат ПМЭФ и обеспечение кадрового потенциала страны // Стандарты и качество. 2024. № 6. С. 60–61. EDN: [BYCUDA](#)
3. Измайлова М. А., Корнева Е. Ю., Звездова А. Б. Качество образования как гарантия удовлетворенности стейкхолдеров // Стандарты и качество. 2023. № 8. С. 72–75. doi: [10.35400/0038-9692-2023-8-179-23](#) EDN: [FVDDQW](#)
4. Измайлова М. А., Корнева Е. Ю. Интеграция процедур независимой оценки качества образования: проблемы и решения // Стандарты и качество. 2020. № 12. С. 84–87. EDN: [PTFSLV](#)
5. Попов А. В. Состояние сферы обучения для сотрудников лабораторий в Беларуси // Контроль качества продукции. 2022. № 10. С. 56–58. EDN: [SAQNXN](#)
6. Бутырев Ю. И., Иванов А. В. Развитие межгосударственной системы стандартизации в целях активизации евразийского партнерства // Стандарты и качество. 2024. № 9. С. 18–20. EDN: [RMREWC](#)
7. Чекушкина Е. Н., Родин В. В., Чекушкин А. Н., Дадаева Ю. В. Социальная компетентность как фактор формирования профессиональной социализации студентов // Педагогический журнал. 2023. Т. 13, № 9–1. С. 54–62. doi: [10.34670/AR.2023.76.77.007](#) EDN: [YZXIBT](#)
8. Ломоносов М. В., Иванов А. В. Стандартизация в документах стратегического планирования Российской Федерации // Стандарты и качество. 2024. № 7. С. 12–17. doi: [10.35400/0038-9692-2024-7-155-24](#) EDN: [DFSGVM](#)
9. Николаева М. А., Лебедева Т. П. История возникновения и развития стандартизации в России и за рубежом // Сибирский торгово-экономический журнал. 2015. № 1 (20). С. 86–89. EDN: [VHGFOV](#)
10. Андрюхина Л. М., Гузанов Б. Н., Анахов С. В. Инженерное мышление: векторы развития в контексте трансформации научной картины мира // Образование и наука. 2023. № 8. С. 12–48. doi: [10.17853/1994-5639-2023-8-12-48](#) EDN: [LNFYR](#)
11. Чекушкина Е. Н., Родина Е. Н. Педагогические условия формирования социальной компетентности личности // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 2–1. С. 269–277. doi: [10.34670/AR.2022.15.93.030](#) EDN: [YLLVOW](#)

12. Чекушкина Е. Н., Родина Е. Н. Социально-коммуникативные способности в структуре социальной компетентности // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 3–1. С. 683–689. doi: [10.34670/AR.2022.77.68.069](https://doi.org/10.34670/AR.2022.77.68.069) EDN: [DNAQIQ](#)
13. Денищева Л. О., Сафуанов И. С., Семеняченко Ю. А. Персонализированное высшее образование на основе микрокурсов: возможные пути реализации // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 3. С. 40–68. doi: [10.17853/1994-5639-2024-3-40-68](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-40-68) EDN: [KWKYYS](#)
14. Родин В. В., Юртайкин О. А. Требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 3. С. 72–76. doi: [10.17513/snt.38533](https://doi.org/10.17513/snt.38533) EDN: [QJPNQ](#)
15. Исакова А. Б., Нурумжанова К. А. Трансдисциплинарный подход как ресурс развития у студентов метакогнитивных навыков при изучении физико-технических дисциплин // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 2. С. 113–139. doi: [10.17853/1994-5639-2024-2-113-139](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-2-113-139) EDN: [AAFRWT](#)
16. Белобрагин В. Я., Будкин Ю. В., Зворыкина Т. И. Обучение, просвещение, наука. Стандарт-затвор года – 2023 : Итоги // Стандарты и качество. 2024. № 3. С. 46–51. EDN: [EVAFIH](#)

References

1. Menkenov A.V. On some problems of application of the Federal Law "On Education in the Russian Federation". *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2015;(3):91–95. (In Russ.)
2. Glaz'ev S.Yu. The SPIEF format and ensuring the country's human resources potential. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2024;(6):60–61. (In Russ.)
3. Izmaylova M.A., Korneva E.Yu., Zvezdova A.B. Quality of education as a guarantee of stakeholder satisfaction. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2023;(8):72–75. (In Russ.). doi: [10.35400/0038-9692-2023-8-179-23](https://doi.org/10.35400/0038-9692-2023-8-179-23)
4. Izmaylova M.A., Korneva E.Yu. Integration of independent education quality assessment procedures: problems and solutions. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2020;(12):84–87. (In Russ.)
5. Popov A.V. The state of training for laboratory staff in Belarus. *Kontrol' kachestva produktsii = Product quality control*. 2022;(10):56–58. (In Russ.)
6. Butyrev Yu.I., Ivanov A.V. Development of an interstate standardization system to enhance Eurasian partnership. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2024;(9):18–20. (In Russ.)
7. Chekushkina E.N., Rodin V.V., Chekushkin A.N., Dadaeva Yu.V. Social competence as a factor in the formation of professional socialization of students. *Pedagogicheskiy zhurnal = Pedagogical journal*. 2023;13(9–1):54–62. (In Russ.). doi: [10.34670/AR.2023.76.77.007](https://doi.org/10.34670/AR.2023.76.77.007)
8. Lomonosov M.V., Ivanov A.V. Standardization in strategic planning documents of the Russian Federation. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2024;(7):12–17. (In Russ.). doi: [10.35400/0038-9692-2024-7-155-24](https://doi.org/10.35400/0038-9692-2024-7-155-24)
9. Nikolaeva M.A., Lebedeva T.P. The history of the emergence and development of standardization in Russia and abroad. *Sibirskiy trgovo-ekonomicheskii zhurnal = Siberian trade and economic journal*. 2015;(1):86–89. (In Russ.)
10. Andryukhina L.M., Guzanov B.N., Anakhov S.V. Engineering thinking: development vectors in the context of the transformation of the scientific worldview. *Obrazovanie i nauka = Education and science*. 2023;(8):12–48. (In Russ.). doi: [10.17853/1994-5639-2023-8-12-48](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-8-12-48)
11. Chekushkina E.N., Rodina E.N. Pedagogical conditions for the formation of social competence of an individual. *Pedagogicheskiy zhurnal = Pedagogical journal*. 2022;12(2–1):269–277. (In Russ.). doi: [10.34670/AR.2022.15.93.030](https://doi.org/10.34670/AR.2022.15.93.030)
12. Chekushkina E.N., Rodina E.N. Social and communicative skills in the structure of social competence. *Pedagogicheskiy zhurnal = Pedagogical journal*. 2022;12(3–1):683–689. (In Russ.). doi: [10.34670/AR.2022.77.68.069](https://doi.org/10.34670/AR.2022.77.68.069)
13. Denishcheva L.O., Safuanov I.S., Semenyachenko Yu.A. Personalized higher education based on microcourses: possible implementation paths. *Obrazovanie i nauka = Education and science*. 2024;26(3):40–68. (In Russ.). doi: [10.17853/1994-5639-2024-3-40-68](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-3-40-68)
14. Rodin V.V., Yurtaykin O.A. Requirements for the competence of testing and calibration laboratories. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern science-intensive technologies*. 2021;(3):72–76. (In Russ.). doi: [10.17513/snt.38533](https://doi.org/10.17513/snt.38533)
15. Isakova A.B., Nurumzhanova K.A. A transdisciplinary approach as a resource for developing students' metacognitive skills in studying physical and technical disciplines. *Obrazovanie i nauka = Education and science*. 2024;26(2):113–139. (In Russ.). doi: [10.17853/1994-5639-2024-2-113-139](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-2-113-139)

16. Belobragin V.Ya., Budkin Yu.V., Zvorykina T.I. Education, enlightenment, science. Standardizer of the Year 2023: Summary. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2024;(3):46–51. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Е. Н. Чекушкина – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3377-9105>

В. В. Родин – кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой измерительных и инфокоммуникационных технологий, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, 68. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2030-2408>

А. Н. Чекушкин – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, г. Саранск, ул. Федосеенко, 6. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8776-0602>

E.N. Chekushkina – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of State and Law, Socio-Economic Disciplines, Mid-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko street, Saransk, 430003. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3377-9105>

V.V. Rodin – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Measuring and Information Communication Technologies, National Research Ogarev Mordovia State University, 68 Bolshevistskaya street, Saransk, 430005. ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2030-2408>

A.N. Chekushkin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Mid-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, 6 Fedoseenko street, Saransk, 430003. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8776-0602>

**Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /
The authors declare no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 22.05.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья

УДК 316

EDN: ZTSGUU

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-10

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ТРЕНД: ПОТРЕБНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Екатерина Сергеевна Егорова¹, Маргарита Константиновна Карпова²

¹Пензенский государственный технологический университет, Пенза, Россия

²Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

¹katepost@yandex.ru

²karpovamk@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Социальная динамика современного общества обостряет проблему ментального благополучия, обуславливая рост потребности в доступных формах психологической помощи. Особую актуальность этот вопрос приобретает в молодежной среде, наиболее восприимчивой к цифровым решениям. Цель исследования заключается в выявлении и анализе социальных детерминант востребованности цифровых форм психологической поддержки среди молодежи как индикатора институциональных изменений в данной сфере. *Материалы и методы.* В основе работы лежит анализ данных всероссийских опросов и авторское эмпирическое исследование. Для сбора первичных данных применялся метод анкетирования. Обработка полученного материала проводилась с использованием методов описательной статистики. *Результаты.* Установлено, что 40,5 % респондентов часто испытывают потребность в психологической поддержке. Выявлены ключевые социальные детерминанты стресса: неопределенность будущего (37,5 %) и генерализованная тревога (27,5 %). Наиболее значимыми факторами для пользователей являются доступность поддержки (66,7 %) и ее круглосуточное предоставление (65,7 %). Анализ показал высокую интеграцию мобильных приложений в повседневные практики молодежи (59,5 %) с доминирующей потребностью в функции отслеживания прогресса (65,6 %) и запросом на интеграцию технологий искусственного интеллекта. *Выводы.* На основе результатов сделан вывод о формировании в российском обществе нового цифрового социального института психологической поддержки, характеризующегося гибкостью, доступностью и ориентацией на пользовательские запросы. Его развитие связано с углублением персонализации, интеграцией AI-технологий и разработкой устойчивых гибридных моделей взаимодействия. Цифровая поддержка занимает важную нишу в экосистеме социальных институтов, направленных на сохранение ментального здоровья молодежи.

Ключевые слова: психологическая помощь, цифровизация, молодежь, социальные институты, мобильные приложения, социальный запрос, тревожность

Для цитирования: Егорова Е. С., Карпова М. К. Цифровизация психологической помощи молодежи как социальный тренд: потребности и институциональные изменения // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 101–112. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-10 EDN: ZTSGUU

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

DIGITALIZATION OF YOUTH PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE AS A SOCIAL TREND: NEEDS AND INSTITUTIONAL CHANGES

Ekaterina S. Egorova¹, Margarita K. Karpova²

¹Penza State Technological University, Penza, Russia

²Penza State University, Penza, Russia

¹katepost@yandex.ru

²karpovamk@mail.ru

Abstract. *Background.* The social dynamics of modern society exacerbate the problem of mental well-being, leading to an increase in the need for accessible forms of psychological assistance. This issue is particularly relevant in the youth environment, which is the most receptive to digital solutions. The purpose of this study is to identify and analyze the social determinants of the demand for digital forms of psychological support among young people as an indicator of institutional changes in this area. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of data from national surveys and an author's empirical research. The questionnaire method was used to collect primary data. The data were processed using descriptive statistics. *Results.* It was found that 40.5 % of respondents experience a frequent need for psychological support. Key social determinants of stress were identified: uncertainty about the future (37.5 %) and generalized anxiety (27.5 %). The most significant factors for users are the availability of support (66.7 %) and its 24/7 availability (65.7 %). The analysis showed a high integration of mobile applications in the daily practices of young people (59.5 %), with a dominant need for progress tracking functions (65.6 %) and a request for the integration of artificial intelligence technologies. *Conclusions.* Based on the results, it was concluded that a new digital social institution of psychological support is emerging in Russian society, characterized by flexibility, accessibility, and focus on user requests. Its development is associated with the deepening of personalization, the integration of AI technologies, and the development of sustainable hybrid interaction models. Digital support occupies an important niche in the ecosystem.

Keywords: psychological assistance, digitalization, youth, social institutions, mobile applications, social demand, anxiety

For citation: Egorova E.S., Karpova M.K. Digitalization of youth psychological assistance as a social trend: needs and institutional changes. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):101–112. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-10

Введение

Социальная динамика современного общества определяет рост уровня тревожности среди различных возрастных и социальных групп, обостряя проблему ментального благополучия населения. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), распространенность ментальных расстройств в мире сохраняет высокие показатели, от тревожных расстройств в какой-либо форме сегодня страдают около 289 млн человек (без учета серьезных расстройств психики и личности), что актуализирует поиск эффективных и доступных форм

психологической помощи¹. В Российской Федерации, несмотря на снижение стигматизации проблем психического здоровья благодаря блогам, подкастам и другим способам освещения данной темы в медиапространстве, сохраняется значительный барьер для обращения к специалистам, обусловленный в том числе факторами самостигматизации и социокультурными установками [1, 2].

В подобных ситуациях, характеризующихся отсутствием выраженных симптомов психического расстройства и отсутствием клинической необходимости в профессиональном вмешательстве, эффективным инструментом содействия становится психологическая поддержка.

Под психологической поддержкой понимается система коммуникативных и эмпатийных практик, позволяющая лицам, не обладающим специальным психологическим образованием, оказывать содействие индивиду, находящемуся в кризисном состоянии. Содержательно данный вид поддержки представляет собой создание безопасной коммуникативной среды, характеризующейся атмосферой безусловного принятия и эмпатии, в рамках которой индивид получает возможность вербализации своих переживаний, рефлексии личного опыта и обсуждения актуальных проблем. Влияние социальных, образовательных и психологических факторов на здоровье и адаптацию студенческой молодежи рассмотрено в работах Д. В. Беспалова, И. М. Синевой, С. А. Филипповой и П. А. Кислякова [3–6]. В них также подчеркивается важность и необходимость психологической поддержки.

Тем не менее возможность получения своевременной поддержки в необходимый момент существует не всегда. Ее доступность обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, которые могут быть классифицированы как эндогенные (внутренние) и экзогенные (внешние). К числу эндогенных факторов относятся наличие у индивида психологических барьеров, страх социального осуждения, феномен самостигматизации в контексте проблем психологического благополучия [7], а также влияние культурных норм и семейных установок, которые могут препятствовать или дискредитировать обращение за помощью. Экзогенные факторы включают в себя объективную невозможность оперативного установления контакта с потенциальным помощником, риск столкнуться с негативной или непонимающей реакцией извне. Существенное влияние также оказывают пространственно-временные параметры ситуации, в которой возникает потребность в поддержке.

Совокупное воздействие указанных обстоятельств способно существенно ограничить доступность получения психологической поддержки в формате очного («живого») взаимодействия, что актуализирует необходимость разработки и внедрения альтернативных, компенсаторных каналов ее предоставления. Одной из таких сфер, предлагающих решение проблемы доступности психологической помощи, выступает область информационных технологий. Исследования ВОЗ² и ЮНЕСКО³ задают глобальную повестку в области ментального здоровья⁴, подчеркивают необходимость расширения доступа к помощи⁵, важность цифровых вмешательств и гибридных моделей в рамках преобразования общественных моделей, направленного на укрепление здоровья молодежи, личностного развития и психического благополучия [8]. Цифровые веб-сервисы обеспечивают возможность анонимного получения поддержки в круглосуточном режиме, а мобильные приложения, в свою очередь, добавляют к этому

¹ Индекс потребности россиян в психологической поддержке // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 07.07.2025).

² Mental Health of Children and Young People: Service Guidance // World Health Organization : website. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240100374> (дата обращения: 06.10.2025).

³ Adolescent Health: experts on system challenges and problem solving // UNESCO Institute for Information Technologies in Education : website. URL: <https://iite.unesco.org/ru/highlights/zdorove-podrostkov/> (дата обращения: 06.10.2025).

⁴ World Mental Health Report: Transforming Mental Health for All // World Health Organization : website. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240049338> (дата обращения: 06.10.2025).

⁵ UNICEF and WHO Joint Programme on Mental Health and Psychosocial Well-being and Development of Children and Adolescents. Summary Report. May 2025 // ReliefWeb : website. URL: <https://reliefweb.int/report/cote-divoire/unicef-and-who-joint-programme-mental-health-and-psychosocial-well-being-and-development-children-and-adolescents-summary-report-may-2025> (дата обращения: 06.10.2025).

свойство пространственной независимости, делая помощь доступной вне географических ограничений [9–11].

В этих условиях происходит трансформация традиционного института психологической помощи, выражающаяся в активном внедрении цифровых технологий.

Проблемы цифровизации психологической помощи рассматриваются в трудах отечественных и зарубежных ученых, концентрирующих внимание на внедрении мобильных приложений для мониторинга состояния [12], оценках их пользователей [13], а также на развитии подходов, предполагающих совместное участие пользователей в создании технологических решений [14, 15], использование чат-ботов в психологической поддержке [16]. Значительное внимание уделяется образовательному контексту: исследования механизмов активизации личностного потенциала студентов [15, 16] и интеграции технологических инноваций в образовательный процесс [17] демонстрируют взаимосвязь между цифровизацией и развитием человеческого капитала.

Особый интерес представляют исследования, посвященные цифровой компетентности молодежи [18] и ее социализации в цифровой среде [19], что определяет готовность к использованию цифровых инструментов психологической помощи. Эмпирические исследования отношения пользователей к мобильным приложениям для психологического благополучия [20] и комплексный анализ психического здоровья молодежи в условиях цифровой медиатизации [21] завершают многоаспектное рассмотрение данной проблематики, формируя целостное представление о современных вызовах и перспективах цифровизации в сфере психического здоровья и образования.

Вместе с тем социальные аспекты данного процесса, в частности становление нового социального института, отвечающего потребностям конкретных групп населения, остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего научного осмысления. В этой связи представляется крайне важным проведение исследования, направленного на выявление и анализ социальных детерминант востребованности цифровых форм психологической поддержки среди молодежи как показателя институциональных изменений. Такой анализ позволит не только определить уровень и характер потребности в психологической поддержке среди данной социальной группы, но и выявить предпочтительные формы и факторы ее получения. Особую значимость приобретает изучение отношения молодежи к использованию мобильных приложений как инструменту психологической помощи, что в перспективе позволит обобщить потенциальные направления развития цифрового института психологической поддержки. Фокусировка на молодежи как социальной группе, наиболее адаптивной к цифровым инновациям и одновременно подверженной воздействию стрессогенных факторов, делает исследование релевантным для понимания трансформации социальных практик и установок, связанных с получением психологической помощи через цифровые платформы.

Материалы и методы

Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежь включает в себя граждан в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Выбор целевой возрастной группы пользователей в качестве приоритетной обусловлен совокупностью социально-психологических и технологических факторов.

Первым обосновывающим фактором выступает высокая технологическая восприимчивость и цифровая компетентность современной молодежи. Представители данной социальной группы демонстрируют повышенную открытость к технологическим инновациям, активно интегрируя цифровые продукты в различные сферы жизнедеятельности, что создает благоприятные условия для апробации и последующей адаптации предлагаемого решения.

Вторым значимым фактором является растущая осведомленность молодого поколения о важности поддержания психического здоровья. Несмотря на повышенную стрессовую нагрузку, обусловленную социальными требованиями и процессами становления личности, что потенциально увеличивает уязвимость к психологическим трудностям, данная группа

проявляет готовность к освоению новых, в том числе экспериментальных, методов саморегуляции и психологической самопомощи.

Ключевым критерием при определении возрастных границ послужила специфика психосоциального развития, характеризующаяся высокой плотностью нормативных жизненных событий и переходных периодов. К ним относятся получение образования, профессиональное самоопределение, трудоустройство, формирование семейных отношений и переживание первых возрастных кризисов. Совокупность этих факторов закономерно порождает повышенную потребность в психологической поддержке для преодоления межличностных трудностей и эмоциональной напряженности. Важно подчеркнуть, что своевременное оказание адекватной поддержки в данный период способно сформировать прочный фундамент для долгосрочного психического благополучия.

В отношении аудитории младше 14 лет применение аналогичных решений признано нецелесообразным ввиду возрастных особенностей эмоционально-волевой и когнитивной сфер, которые требуют применения специализированных психолого-педагогических методик, отличных от форматов работы с молодежью.

Что касается лиц старше 35 лет, в данной демографической группе отмечается устойчивая ориентация на традиционные форматы психологической помощи, такие как очное консультирование, при одновременном проявлении скептического отношения к цифровым инструментам ментальной поддержки. Дополнительным ограничивающим фактором является сравнительно более низкий уровень доверия к технологическим новшествам в данной сфере.

Таким образом, концентрация на четко определенной возрастной аудитории позволяет максимально точно дифференцировать потребности молодых людей от 14 до 35 лет и создать высокоспециализированный продукт, обладающий значимым практическим потенциалом и соответствующий актуальным запросам данной социально-демографической группы.

В качестве основного метода сбора эмпирических данных было использовано анкетирование. Выборка, сформированная методом «снежного кома», составила 252 человека в возрасте от 18 до 28 лет ($n = 252$). Опрос проводился в анонимном формате в апреле 2025 г. Критерием отбора являлось отсутствие прямой заинтересованности респондентов в результатах исследования. Обработка данных проводилась с помощью методов описательной статистики.

С целью углубления понимания мотиваций, барьеров и субъективного опыта использования цифровых инструментов психологической помощи на втором этапе исследования был применен качественный метод – глубинные полуструктурированные интервью. Данный метод был выбран в связи с его способностью выявлять неочевидные причинно-следственные связи, личностные смыслы и детализированные контексты, которые зачастую остаются за рамками стандартизированного анкетирования. Это позволило дополнить и обогатить количественные показатели, полученные в ходе опроса, обеспечив тем самым триангуляцию данных и повышение валидности исследования.

Выборка для проведения интервью формировалась целенаправленно из числа респондентов, принявших участие в анкетировании и давших согласие на дальнейшее участие ($n = 18$). Критериями отбора выступили активность использования мобильных приложений для достижения психологического благополучия, наличие опыта обращения к различным формам поддержки и демонстрация в ответах на анкету высокой осознанности в вопросах ментального здоровья. Таким образом, была сформирована группа информантов, способных предоставить релевантные и содержательные данные для решения исследовательских задач.

Интервью проводились в онлайн-формате в июне 2025 г., их средняя продолжительность составила 35–50 мин. Гайд интервью включал ключевые тематические блоки, направленные на выявление мотивации выбора цифровых форматов, восприятия конкретных функциональных возможностей приложений, оценки доверия к автоматизированным советам и искусственному интеллекту, роли анонимности в преодолении стигмы, а также ожиданий от развития гибридных моделей взаимодействия.

Результаты и их обсуждение

Проведенное исследование показало, что большинство опрошенных (40,5 %) испытывают частую необходимость в психологической поддержке (рис. 1). Это коррелирует с данными ВЦИОМ¹, фиксирующими рост индекса потребности в психологической помощи среди россиян до 30 пунктов к концу 2024 г. [5]. Высокая распространенность потребности в психологической поддержке является индикатором системной проблемы эмоционального неблагополучия молодежи и свидетельствует не только об индивидуальных психологических трудностях, но и о социально обусловленном стрессе, связанном с процессами адаптации к современным вызовам.

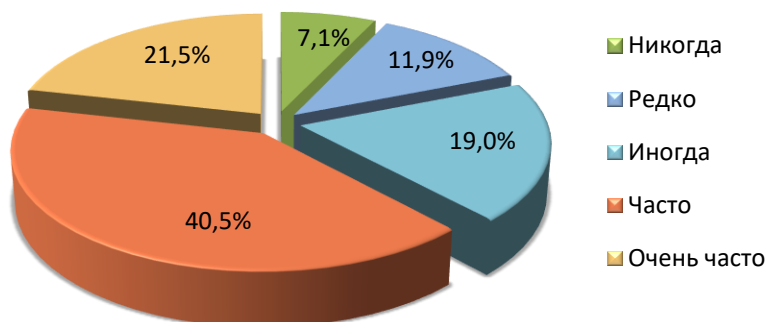

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы испытываете необходимость в психологической поддержке?»

Наиболее предпочтительными каналами получения поддержки являются неформальные (обращение к друзьям или родственникам – 61,9 %) и цифровые (использование онлайн-ресурсов и приложений – 57,1 %) (рис. 2). Данное распределение свидетельствует о комплексном характере запроса, где цифровые решения дополняют, а в некоторых случаях замещают межличностную коммуникацию, и отражает институциональный сдвиг в сторону гибридизации психологической помощи.

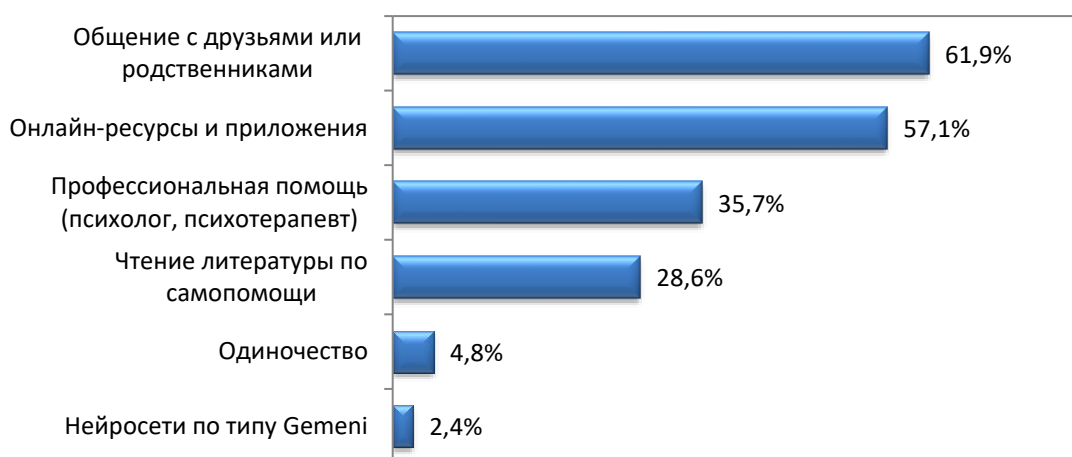

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какую форму поддержки Вы предпочитаете?»

¹ Индекс потребности россиян в психологической поддержке // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) : сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-potrebnosti-rossijan-v-psikhologicheskoi-podderzhke> (дата обращения: 07.07.2025).

Структура стрессогенных факторов выявляет ключевые социальные детерминанты психического напряжения молодежи (рис. 3). Доминирование неопределенности будущего (37,5 %) и генерализованной тревоги (27,5 %) указывает на системные проблемы социально-экономической адаптации, связанные с трансформацией жизненных траекторий в условиях нестабильности.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В каких ситуациях Вы обычно ищете поддержку?»

Ключевыми факторами значимости психологической поддержки респонденты назвали ее доступность (66,7 %) и возможность получения в режиме 24/7 (61,9 %) (рис. 4). Это указывает на то, что традиционные форматы помощи, ограниченные временными и пространственными рамками, не в полной мере удовлетворяют актуальные потребности молодежи. Это свидетельствует о формировании нового социального ожидания «помощь по требованию», соответствующего цифровому образу жизни молодежи.

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Что наиболее важно для Вас в процессе получения психологической поддержки?»

Интеграция мобильных приложений в повседневность подтверждает их институционализацию как регулярного инструмента самопомощи (рис. 5). Частота использования (39,5 % – несколько раз в неделю) демонстрирует переход от эпизодического обращения к систематическим практикам цифровой психогигиены.

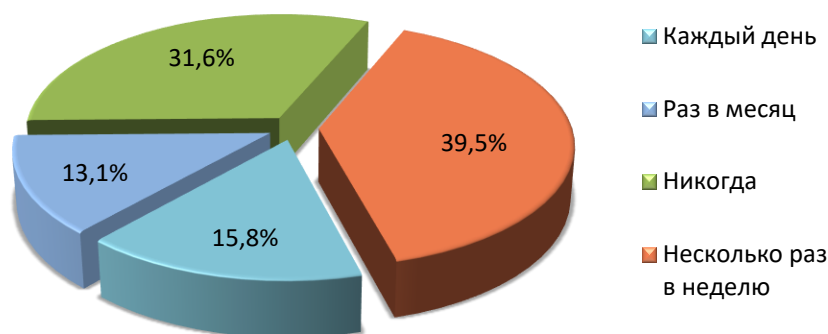

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы используете приложения для психологической поддержки?»

Наиболее значимой функцией для пользователей является возможность отслеживания прогресса (65,6 %). В рамках теории самодетерминации это можно интерпретировать как потребность в усилении компетентности и самоэффективности в управлении собственным психологическим состоянием (рис. 6), а также как глубокую психологическую потребность в визуализации саморазвития и усилении субъективного контроля над эмоциональным состоянием, что соответствует базовым психологическим потребностям в компетентности и автономии.

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Какие функции для Вас наиболее важны в мобильных приложениях для психологической поддержки»

В рамках ответа на открытый вопрос о желаемом функционале доминировали запросы на интеграцию технологий искусственного интеллекта (42 %) и возможность экстренной связи со специалистом (14 %), а также получения аффирмаций и позитивных посланий (11 %). Это демонстрирует вектор развития от инструментов самопомощи к гибридным формам, сочетающим автоматизированную и человеческую поддержку.

Полученные результаты на первом этапе позволили заключить, что цифровая психологическая поддержка не просто дополняет традиционные форматы, а формирует новый социальный институт с характерными атрибутами – стандартизированными практиками, устойчивыми пользовательскими ожиданиями и специфическими функциями. Выявленные закономерности подтверждают тезис о глубинной трансформации института психологической

помощи под влиянием цифровизации, где молодежь выступает не только целевой аудиторией, но и агентом институциональных изменений.

Результаты качественного этапа исследования позволили содержательно обогатить количественные данные. В частности, была раскрыта смысловая наполненность запроса на анонимность, который в интервью предстает не просто как техническое условие, а как необходимость в «буферной зоне» или безопасном пространстве для первичной вербализации переживаний без риска немедленной оценки со стороны другого человека.

Функция отслеживания прогресса, высоко оцененная в анкетировании, в высказываниях респондентов предстает как инструмент визуализации индивидуальной динамики и выявления персонализированных паттернов, что свидетельствует о запросе на глубокую кастомизацию цифровых решений: респонденты ценят не просто факт мониторинга, а возможность увидеть индивидуальную динамику и получить обратную связь, адаптированную под их уникальные запросы.

Выявленная в опросе потребность интеграции технологий искусственного интеллекта в интервью конкретизируется как ожидание оперативного инструмента первичной поддержки в ситуациях, когда доступ к человеку-специалисту ограничен, при сохранении понимания его вспомогательной, а не замещающей роли. Ключевыми ожиданиями являются не столько эмпатия, сколько оперативность, доступность и непредвзятость. Кроме того, качественные данные подтвердили и детализировали формирование социального запроса на гибридные модели, в которых цифровой инструмент выступает в роли связующего звена между сессиями. Многие респонденты выразили мнение, что идеальным сценарием является связка «самостоятельная работа в приложении + периодические сессии со специалистом». Приложение в этой модели выполняет функцию «дневника между сессиями», а психолог получает структурированные данные для более эффективной работы.

Таким образом, включение качественного метода в исследование позволило перейти от констатации статистических закономерностей к интерпретации их содержательного наполнения и механизмов функционирования в повседневных практиках молодежи, что существенно углубило понимание трансформации института психологической помощи под влиянием цифровизации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в современном российском обществе формируется новый, цифровой социальный институт психологической поддержки, адекватно отвечающий на вызовы, стоящие перед молодежью. Его ключевыми характеристиками являются гибкость, доступность и ориентация на запросы пользователей, что нивелирует ограничения традиционных форматов и барьеры, связанные со стигматизацией. Объем исследования и способ формирования выборки («снежный ком») не позволяют в полной мере экстраполировать результаты на всю генеральную совокупность.

Результаты исследования подтверждают высокий социальный запрос на цифровые решения со стороны молодежи. Дальнейшее развитие этого института видится в углублении персонализации, интеграции AI-технологий и разработке устойчивых, в том числе экономических, моделей взаимодействия с пользователем, включая гибридные форматы («digital + специалист»). Цифровая психологическая поддержка не замещает полностью традиционные формы, но занимает важную нишу в экосистеме социальных институтов, направленных на сохранение ментального здоровья населения.

Список литературы

1. Альтерголт А. А. Стигматизация и самостигматизация в контексте психических расстройств: от исторических предпосылок к современным концепциям // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 11 (80). С. 798–805. EDN: [PBHNCY](#)
2. Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Стигматизация и ее влияние на деструктивное поведение молодежи // Социокультурные, психологические и педагогические координаты развития личности :

сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Владимир, 28–29 ноября 2024 г.). Симферополь : Ариал, 2024. С. 381–383. EDN: [LTHIYL](#)

3. Беспалов Д. В., Яцун С. М. Психолого-педагогические аспекты формирования здоровьесберегающей среды в период обучения в вузе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 2 (38). С. 167–173. EDN: [XUWGZD](#)

4. Изучение комплексного влияния биосоциальных факторов на показатели морфофизиологической адаптации современной молодежи в условиях городского стресса / И. М. Синева, Е. Ю. Пермякова, А. А. Хафизова [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 23, Антропология. 2022. № 1. С. 23–40. doi: [10.32521/2074-8132.2022.1.023-040](#) EDN: [DRKMMU](#)

5. Филиппова С. А., Степанова Н. А. Оценка психического здоровья и благополучия студенческой молодежи // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 5 (219). С. 537–540 doi: [10.34835/issn.2308-1961.2023.05.p537-541](#) EDN: [CQRDIE](#)

6. Кисляков П. А. Психологическая устойчивость студенческой молодежи к информационному стрессу в условиях пандемии COVID-19 // Перспективы науки и образования. 2020. № 5 (47). С. 343–356. doi: [10.32744/pse.2020.5.24](#) EDN: [CDFBTR](#)

7. Vafina A. R. Introduction of Mobile Applications for Monitoring Psychological State and Online Counseling as Prospects for Comprehensive Psychological Health Support // Academic Research in Educational Sciences. 2025. № 1. P. 45–52.

8. The Growing Field of Digital Psychiatry: Current Evidence and the Future of Apps, Social Media, Chatbots, and Virtual Reality / J. Torous, S. Bucci, I. H. Bell [et al.] // World Psychiatry. 2021. Vol. 20, № 3. P. 318–335. doi: [10.1002/wps.20883](#)

9. Розанов В. А., Самерханова К. М. Мобильные приложения для поддержания психического здоровья: обзор оценок пользователей // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. Т. 8, № 2. С. 7–20. doi: [10.29188/2712-9217-2022-8-2-7-20](#) EDN: [PHCVKC](#)

10. With a Little Help From a friend: Participatory Intervention Development of a Peer-Guided Self-Help App for Anxiety Disorder / L. Duddeck, T. Stolz, C. Zottl [et al.] // JMIR Formative Research. 2024. Vol. 8. P. 1–15.

11. Грибкова И. В. Мобильные приложения для улучшения психического здоровья подростков и молодежи // Здоровье мегаполиса. 2025. Т. 6, № 2. С. 64–73. doi: [10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i2;64-73](#) EDN: [PJJMMX](#)

12. Гарькина О. В. Цифровые технологии и их влияние на ценностные ориентиры молодежи // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2024. № 3 (51). С. 23–32. doi: [10.22405/2304-4772-2024-3-2-23-32](#) EDN: [WURJUN](#)

13. Галеев К. Н., Амачиев Ш. Ю. Цифровизация психотерапевтической помощи подросткам: перспективы и барьеры // Научные исследования 2025 : сб. ст. XVI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. С. 276–278. EDN: [LEUTBL](#)

14. Иванец Н. Н., Кинкулькина М. А., Тихонова Ю. Г. Цифровые технологии в сфере психического здоровья: проблемы и перспективы // Национальное здравоохранение. 2023. Т. 4, № 2. С. 5–14. doi: [10.47093/2713-069X.2023.4.2.5-14](#) EDN: [SZOFJU](#)

15. Фрейманис И. Ф. Чат-бот как инструмент психологической поддержки: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 2. С. 250–259. doi: [10.17072/2078-7898/2024-2-250-259](#) EDN: [OKMZWX](#)

16. Шутенко Е. Н., Шутенко А. И. Механизмы активизации личностного потенциала студентов в условиях цифровизации вузовского обучения // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 10. С. 91–114. doi: [10.31992/0869-3617-2023-32-10-91-114](#) EDN: [VLHLBJ](#)

17. Интеграция технологических инноваций в образовательный процесс: анализ влияния цифровых и интерактивных инструментов на эффективность обучения / О. И. Башеров, М. Р. Жигалова, А. Ф. Белозор, И. К. Кардович // Управление образованием: теория и практика. 2023. № 9 (67). С. 108–115. doi: [10.25726/m6030-4428-2891-f](#) EDN: [JKQVBE](#)

18. Ларионова И. В., Максимова О. А. Цифровая компетентность российской молодежи: состояние и факторы влияния // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5 (62). С. 23–29. doi: [10.26907/2079-5912.2023.23-29](#) EDN: [QIZHLU](#)

19. Валитова Н. Э. К вопросу о социализации студенческой молодежи в современной цифровой среде // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 4–7. doi: [10.26907/2079-5912.2023.2.4-7](#) EDN: [NJNYVN](#)

20. Симонов Т. С., Тишаева А. Г., Перемитина Т. О. Мобильные приложения для психологического благополучия: отношение пользователей и определение требований. Оригинальное исследование // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2024. Т. 10, № 2. С. 7–12. doi: [10.29188/2712-9217-2024-10-2-7-12](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2024-10-2-7-12) EDN: QMLFLO

21. Лядова А. В., Заплетнюк М. А. Психическое здоровье молодежи в условиях цифровой медиатизации // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2025. Т. 31, № 1. С. 178–201. doi: [10.24290/1029-3736-2025-31-1-178-201](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2025-31-1-178-201) EDN: ZAYEGR

References

1. Al'tergott A.A. Stigmatization and self-stigmatization in the context of mental disorders: from historical background to contemporary concepts. *Vestnik nauki = Science herald*. 2024;1(11):798–805. (In Russ.)

2. Turkulets A.V., Turkulets S.E. Stigma and its impact on destructive behavior in young people. *Sotsiokul'turnye, psikhologicheskie i pedagogicheskie koordinaty razvitiya lichnosti: sb. tr. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Vladimir, 28–29 noyabrya 2024 g.) = Sociocultural, psychological, and pedagogical coordinates of personality development: collection of article from the II International scientific-practical conference (Vladimir, November 28–29, 2024)*. Simferopol: Arial, 2024:381–383. (In Russ.)

3. Bespalov D.V., Yatsun S.M. Psychological and pedagogical aspects of the formation of a health-preserving environment during the period of study at a university. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. 2016;(2):167–173. (In Russ.)

4. Sineva I.M., Permyakova E.Yu., Khafizova A.A. et al. Study of the complex influence of biosocial factors on the indicators of morphophysiological adaptation of modern youth in conditions of urban stress. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya = Moscow University Bulletin. Series 23, Anthropology*. 2022;(1):23–40. (In Russ.). doi: [10.32521/2074-8132.2022.1.023-040](https://doi.org/10.32521/2074-8132.2022.1.023-040)

5. Filippova S.A., Stepanova N.A. Assessing the mental health and well-being of student youth. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientific notes of P.F. Lesgaft University*. 2023;(5):537–540. (In Russ.). doi: [10.34835/issn.2308-1961.2023.05.p537-541](https://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2023.05.p537-541)

6. Kislyakov P.A. Psychological resilience of students to information stress during the COVID-19 pandemic. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Prospects of science and education*. 2020;(5):343–356. (In Russ.). doi: [10.32744/pse.2020.5.24](https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.24)

7. Vafina A.R. Introduction of Mobile Applications for Monitoring Psychological State and Online Counseling as Prospects for Comprehensive Psychological Health Support. *Academic research in educational sciences*. 2025;(1):45–52.

8. Torous J., Bucci S., Bell I.H. et al. The Growing Field of Digital Psychiatry: Current Evidence and the Future of Apps, Social Media, Chatbots, and Virtual Reality. *World Psychiatry*. 2021;20(3):318–335. doi: [10.1002/wps.20883](https://doi.org/10.1002/wps.20883)

9. Rozanov V.A., Samerkhanova K.M. Mobile apps for mental health: A review of user ratings. *Zhurnal teleditsiny i elektronnoy zdravookhraneniya = Journal of Telemedicine and eHealth*. 2022;8(2):7–20. (In Russ.). doi: [10.29188/2712-9217-2022-8-2-7-20](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-2-7-20)

10. Duddeck L., Stolz T., Zottl C. et al. With a Little Help From a friend: Participatory Intervention Development of a Peer-Guided Self-Help App for Anxiety Disorder. *JMIR Formative Research*. 2024;8:1–15.

11. Gribkova I.V. Mobile applications to improve mental health of adolescents and young adults. *Zdorov'e megapolisa = The health of the metropolis*. 2025;6(2):64–73. (In Russ.). doi: [10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i2;64-73](https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i2;64-73)

12. Gar'kina O.V. Digital technologies and their impact on the value orientations of young people. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo = Humanitarian bulletin of the Tolstoy State Pedagogical University*. 2024;(3):23–32. (In Russ.). doi: [10.22405/2304-4772-2024-3-2-23-32](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2024-3-2-23-32)

13. Galeev K.N., Amachiev Sh.Yu. Digitalization of psychotherapeutic care for adolescents: prospects and barriers. *Nauchnye issledovaniya 2025: sb. st. XVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Scientific research 2025: collection of articles of XVI International scientific-practical conference*. Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G.Yu.), 2025:276–278. (In Russ.)

14. Ivanets N.N., Kinkul'kina M.A., Tikhonova Yu.G. Digital technologies in mental health: problems and prospects. *Natsional'noe zdravookhraneniye = National health service*. 2023;4(2):5–14. (In Russ.). doi: [10.47093/2713-069X.2023.4.2.5-14](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2023.4.2.5-14)

15. Freymanis I.F. Chatbot as a tool for psychological support: a research review. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2024;(2):250–259. (In Russ.). doi: [10.17072/2078-7898/2024-2-250-259](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-2-250-259)
16. Shutenko E.N., Shutenko A.I. Mechanisms for activating the personal potential of students in the context of digitalization of university education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2023;32(10):91–114. (In Russ.). doi: [10.31992/0869-3617-2023-32-10-91-114](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-10-91-114)
17. Basherov O.I., Zhigalova M.R., Belozor A.F., Kardovich I.K. Integration of technological innovations into the educational process: analysis of the impact of digital and interactive tools on learning effectiveness. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education management: theory and practice*. 2023;(9):108–115. (In Russ.). doi: [10.25726/m6030-4428-2891-f](https://doi.org/10.25726/m6030-4428-2891-f)
18. Larionova I.V., Maksimova O.A. Digital competence of Russian youth: status and influencing factors. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik = Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023;(5):23–29. (In Russ.). doi: [10.26907/2079-5912.2023.23-29](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.23-29)
19. Valitova N.E. On the issue of socialization of student youth in the modern digital environment. *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik = Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2023;(2):4–7. (In Russ.). doi: [10.26907/2079-5912.2023.2.4-7](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.2.4-7)
20. Simonov T.S., Tishaeva A.G., Peremitina T.O. Mobile apps for psychological well-being: user attitudes and requirements definition. Original research. *Rossiyskiy zhurnal telemeditsiny i elektronnoy zdravookhraneniya = Russian journal of telemedicine and electronic healthcare*. 2024;10(2):7–12. (In Russ.). doi: [10.29188/2712-9217-2024-10-2-7-12](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2024-10-2-7-12)
21. Lyadova A.V., Zapletnyuk M.A. Mental health of young people in the context of digital mediatization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18, Sotsiologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*. 2025;31(1):178–201. (In Russ.). doi: [10.29188/2712-9217-2024-10-2-7-12](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2024-10-2-7-12)

Информация об авторах / Information about the authors

Е. С. Егорова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной информатики, Пензенский государственный технологический университет, 440039, г. Пенза, проезд Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0816-0944>

М. К. Карпова – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социальных коммуникаций, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-7183>

E.S. Egorova – Candidate of Economical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Applied Informatics, Penza State Technological University, 1a/11 Baydukova Passage/Gagarina street, Penza, 440039. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0816-0944>

M.K. Karpova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3028-7183>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов /

The authors declare no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 28.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Научная статья

УДК 316.33

EDN: JEJQKX

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-11

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Елена Владимировна Максименко

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

novi87@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Раскрывается актуальная научно-практическая проблематика выявления социологических особенностей и определения возможностей укрепления государственно-общественного партнерства. Цель исследования – выявление особенностей социальных интеракций сотрудников полиции с представителями общественных объединений в условиях нестабильности для разработки предложений по укреплению социально-институционального партнерства. *Материалы и методы.* Представлены материалы авторских исследований, реализованных методами анкетного опроса сотрудников полиции; экспертного интервью офицеров высшего начальствующего состава подразделений полиции; анализа больших данных (контент-анализа сообщений СМИ). *Результаты.* Полиция осуществляет партнерство преимущественно с народными дружинами и с общественными структурами правоохранительной направленности, в частности с казачьими сообществами. С другими общественными объединениями контакты являются редкими. Это не способствует развитию социально-институционального партнерства. Современные СМИ не вполне содействуют повышению позитивности образа сотрудников полиции, так как преподносят информацию преимущественно о недостаточной целодостижимости, темпоральности и систематичности деятельности, коррупционности и низком учете интересов населения. *Выводы.* Основными направлениями укрепления социально-институционального партнерства по обеспечению общественного порядка являются расширение взаимодействия сотрудников полиции с молодежными, диаспоральными, образовательными общественными объединениями и увеличение в СМИ доли позитивной информации.

Ключевые слова: социология профессий, социальные коммуникации, сотрудники полиции, общественные организации, профессиональное взаимодействие

Для цитирования: Максименко Е. В. Состояние и проблемы взаимодействия сотрудников полиции с представителями общественных объединений: социологический аспект // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 113–123. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-11 EDN: JEJQKX

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Original article

STATE AND PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN POLICE OFFICERS AND REPRESENTATIVES OF PUBLIC ASSOCIATIONS: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Elena V. Maksimenko

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilin,
Belgorod, Russia

novi87@yandex.ru

Abstract. *Background.* The article is devoted to revealing the relevant scientific and practical problems of identifying sociological features and determining the possibilities of strengthening public-private partnership. The purpose of the study is to identify the features of social interactions between police officers and representatives of public associations in unstable conditions in order to develop proposals for strengthening social and institutional partnership. *Materials and methods.* The study analyzed the materials of the author's research, implemented by methods: questionnaire survey of police officers; expert interview of officers of the top commanding staff of police units; analysis of big data (content analysis of media reports). *Results.* The police primarily partner with people's squads and law enforcement organizations, such as Cossack communities. Contacts with other public associations are rare. This does not promote the development of social and institutional partnerships. The current media environment does not fully contribute to improving the positive image of police officers, as information is primarily focused on the lack of goal-oriented, timely, and systematic activities, corruption, and a lack of consideration for the public's interests. *Conclusions.* The main areas for strengthening the socio-institutional partnership in ensuring public order are: expanding the partnership between police officers and youth, diaspora, and educational public associations, and increasing the share of positive information in the media.

Keywords: sociology of professions, social communications, police officers, public organizations, professional interaction

For citation: Maksimenko E.V. State and problems of interaction between police officers and representatives of public associations: a sociological aspect. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):113–123. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-11

Введение

Современные ученые ставят вопрос о перспективности развития теоретической социологии в ее прикладном социально-политическом контексте [1, с. 155]. Актуализируются вопросы интегративной направленности в проведении исследований [2, 3]. В настоящее время общественные процессы характеризуются возрастающей ролью общественных объединений в регулировании социальных отношений. Взаимодействие между сотрудниками правоохранительных органов и представителями общественных организаций становится ключевым аспектом обеспечения правопорядка и безопасности, особенно в условиях динамичных изменений социальной среды. Социологический анализ данного взаимодействия позволяет выявить способы сотрудничества, возникающие проблемы и возможности для оптимизации процессов коммуникации.

Современные работы, в которых отражаются отдельные аспекты рассматриваемой исследовательской тематики, связаны с раскрытием тематики престижа службы в полиции, доверия населения правоохранительным органам, имиджа сотрудника полиции. Все эти публикации основаны на понимании единства системы публичной власти и учете интересов населения в разработке и реализации мер правоохранительной направленности [4]. На освещение проблематики взаимодействия сотрудников полиции с общественными объединениями оказали влияние исследования, в которых раскрываются различные аспекты формирования и представленности образа полиции. К таким научно-исследовательским работам относятся труды А. Н. Бочкарева, Д. Г. Передни, С. С. Смолевой [5, 6].

Проблематика, отражающая особенности установления и изменения имиджа сотрудников правоохранительных органов в целом и полиции в частности, изложена в научных работах исследователей М. И. Самоуковой, О. В. Ушаковой [7, 8]. Особое внимание ученые уделяют вопросам доверия сотрудникам полиции и возможностям повышения его уровня у местных жителей. Так, А. Ю. Кобленков, в частности, пишет о том, что «укрепление доверия и поддержки видится в утверждении ориентированности деятельности полиции на законность, публичность, открытость» [9, с. 131].

Среди современных работ есть сравнительно-исторические исследования, в которых излагаются положительные примеры формирования позитивного образа полицейского и налаживания сотрудничества между полицейскими и гражданами. Так, Г. В. Горбатенко и Е. С. Стряпчих характеризуют «исторический опыт популяризации героических примеров поведения полицейских Российской империи в средствах печати в качестве способа формирования положительного образа сотрудников органов внутренних дел в глазах общественности» [10, с. 137]. Актуальные вопросы и возможности установления результативного сотрудничества полиции и общества в современный период излагает в своих работах Н. С. Меньшикова [11, с. 84].

Целью исследования является выявление особенностей взаимодействия сотрудников полиции с представителями общественных объединений в современных условиях социальной нестабильности. Исследование проведено путем эмпирической верификации данных, полученных методами анкетного опроса, интервью и медиаанализа.

Методы

Социальное взаимодействие, включающее в себя сотрудничество разных социальных структур, является ключевой категорией социологии, объясняющей, каким образом люди взаимодействуют друг с другом и формируют общественные структуры, а также каким образом эти структуры взаимосвязаны и сотрудничают между собой. В данном исследовании в качестве теоретико-методологической основы применена теория социального взаимодействия (Г. Блумера [12] и И. Гофмана [13]). В ее контексте взаимодействие полиции и общественных объединений рассматривается как процесс, в котором стороны формируют свои действия на основе интерпретации действий друг друга.

Кроме того, теоретико-методологической основой работы стала теория новых социальных движений (А. Мелуччи [14]), в соответствии с которой утверждается, что подобные движения, в том числе правозащитные, возникают в ответ на изменения в обществе. В рамках данной теории производится анализ, как современные общественные объединения влияют на функционирование полиции и на социальные изменения в целом.

В исследовании проанализированы результаты социологического опроса, проведенного в 2025 г. и направленного на изучение особенностей сотрудничества подразделений полиции с общественными организациями (руководитель – Е. В. Максименко). Целевая выборка сформирована с ошибкой выборки 3 % при доверительной вероятности 95 % и составила 652 человека. Критерии отбора респондентов: сотрудник полиции, регион службы (Белгород, Санкт-Петербург), выслуга лет. Использован метод анкетного опроса. Анкета составлена с учетом возможности получения первичных социологических данных по показателям сотрудничества подразделений полиции с общественными организациями (наличию

совместных мероприятий, частоте контактов, направленности сотрудничества, пожеланий по получению соответствующих компетенций в ходе освоения программ дополнительного образования).

В работе проанализированы материалы интервью экспертов, проведенных в 2025 г. Целевая выборка сформирована по таким критериям, как профильная профессиональная служба в полиции и опыт работы. В исследовании приняли участие 12 человек из числа среднего и высшего начальствующего состава подразделений полиции. Количество информантов определено по критерию насыщенности искомой информации по теме исследования. Интервью было проведено с целью выявления особенностей взаимодействия сотрудников полиции с представителями общественных объединений на местах.

В исследовании произведен анализ больших данных. В частности, сделан отбор сообщений в СМИ, в которых излагаются характеристики сложившейся ситуации представленности образа полиции и ее взаимодействий с общественными объединениями. Данные в результате оформления технологического запроса выгружены в электронном виде путем использования сервисов ресурса «Медиалогия».

Поисковый запрос включал трехлетний период с 1 января 2022 г. по 31 декабря 2024 г. Первоначально для сбора электронных СМИ-материалов в качестве единиц поиска послужили лексема «полиция» + «общественные организации» / «общественные объединения». Однако подобный подход позволил отсортировать только пять материалов за три года. Такое количество отобранных материалов не дает возможности осуществить анализ на репрезентативной основе. Кроме того, это были сообщения не о том, как осуществляется непосредственно практическое сотрудничество, а лишь о том, что такое взаимодействие необходимо и его нужно развивать.

Данный факт (уже на этапе выгрузки большого массива данных) подтверждает, что в СМИ в крайне малой степени представлена тема сотрудничества полицейских с населением. По крайней мере, исследуемая тематика почти отсутствует непосредственно в заголовках сообщений (поскольку в фильтре при формировании поискового запроса был отмечен вариант отбора по формулировкам заголовков, которые и отражают содержание самих полнотекстовых материалов).

В связи с этим в повторном варианте оформления поисково-технического запроса единицей для сортировки сообщений СМИ (в качестве ключевого слова) послужила только лексема «полиция». Это усложнило выполнение научно-исследовательской задачи, поскольку осталась возможность лишь ручной сортировки материалов, отобранных автоматическим путем. Всего автоматически отсортировано 406 сообщений. Однако в материалах СМИ и в результате ручного отбора из них осталось лишь 20, в которых содержательно идет речь о взаимодействии сотрудников полиции с общественными объединениями.

Далее данные, выгруженные из сети Интернет, были подробно исследованы путем проведения компаративного анализа (темпорального сравнения, отражающего количественную и качественную динамику сообщений, включающих отдельные характеристики исследуемой темы), корреляционного анализа (по году размещения информационного сообщения в СМИ) и последующего синтеза.

Результаты

В результате проведенного анкетного опроса определена частота контактов полицейских с представителями общественных объединений (рис. 1).

При этом эксперты в своих интервью поясняют, что сотрудники полиции в ходе служебной деятельности взаимодействуют преимущественно с народными дружинами и с представителями общественных структур правоохранительной направленности, в частности казачьими сообществами. Эксперты отмечают, что с другими общественными объединениями контакты осуществляются редко. Это не способствует развитию партнерских отношений.

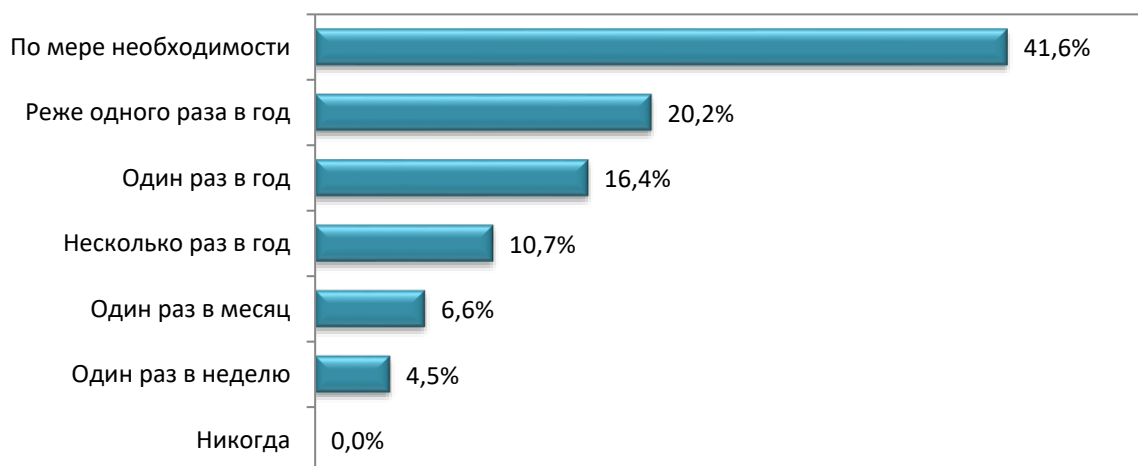

Рис. 1. Распределение ответов сотрудников полиции на вопрос «Как часто Вы лично взаимодействуете с общественными объединениями в рамках своей службы?» (по данным анкетного опроса), % от числа всех опрошенных¹

Принявшие участие в анкетном опросе сотрудники полиции по-разному оценивают эффективность такого сотрудничества, при этом дисперсия таких оценок высока (рис. 2).

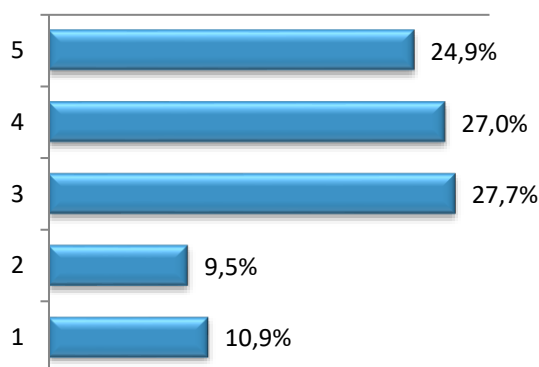

Рис. 2. Распределение мнений сотрудников полиции по пункту анкеты «Оцените по 5-балльной шкале эффективность взаимодействия Вашего подразделения с общественными объединениями» (по данным анкетного опроса), % от числа всех опрошенных²

Полученные данные, отражающие оценку сотрудниками полиции эффективности взаимодействия с общественными объединениями, демонстрируют противоречивую, но в целом обнадеживающую картину. Существенный разброс мнений – от крайне негативных (1–2 балла, суммарно 20,4 %) до высоких оценок (4–5 баллов, в сумме 51,9 %) – свидетельствует о глубокой дифференциации практик сотрудничества в различных подразделениях и на разных территориях.

Наиболее репрезентативной является группа респондентов, указавших на удовлетворительный уровень взаимодействия (3 балла, 27,7 %). По мнению экспертов, у которых были взяты интервью, данный результат, занимающий центральное положение на шкале, может интерпретироваться как индикатор преобладания ситуативных, эпизодических контактов, не переросших в системное партнерство. Подобная ситуация зачастую обусловлена отсутствием

¹ Значение шкалы представлено в диапазоне от 1 до 5 баллов (1 – очень низкий уровень, 5 – очень высокий уровень).

² То же.

долгосрочных совместных программ, формальным характером части мероприятий и дефицитом ресурсов для их полноценной реализации.

Вместе с тем совокупный процент положительных оценок (51,9 %), почти вдвое превышающий долю негативных, указывает на наличие значительного позитивного опыта. Эти данные с учетом мнений опрошенных экспертов позволяют утверждать, что в тех случаях, когда взаимодействие институционализировано, поддержано руководством и обеспечено необходимыми условиями, оно воспринимается рядовыми сотрудниками как действенный инструмент решения оперативных задач. Так, результаты опроса не только констатируют текущее состояние взаимодействия, но и выявляют его существенный потенциал, реализация которого зависит от преодоления выявленных системных ограничений.

В данном контексте важно учитывать, что, согласно результатам проведенного контент-анализа, современные СМИ не содействуют повышению позитивности образа полиции и ее сотрудников (табл. 1).

Таблица 1

Распределение новостных сообщений в СМИ по критерию заметности для аудитории (по данным медиаанализа)

Сообщение	Дата публикации
Полиция ищет мужчину, бросившего гранату в салон авто у «Москва-сити»	03.08.2023
Жители дома в Ботаничке борются за собаку – служба отлова забрала ее после заявления в полиции	30.06.2022
ФСБ задержала жителей Пятигорска, планировавших подорвать отдел полиции	15.06.2023
«Меня не выпускали из дома»: фанатка Басты, заявившая в полицию на мужа	20.11.2024
Минобороны Израиля направит ресурсы и военнослужащих на усиление полиции	08.04.2023
Премии «Жалсарай полиции» впервые вручили участковому уполномоченному полиции Могойтуйского района	18.11.2023
Сотрудники полиции работают на месте ДТП в Большеглушицком районе Самарской области	13.08.2022
Сотрудники полиции задержали владельцев сгоревшего на Алма-Атинской хостела	30.07.2022
Водитель с Новгородчины проведет в отделе полиции 6 суток за хамство инспекторам ГИБДД в Лодейном Поле	13.07.2023
Второе уголовное дело полковника полиции, подслушивавшего телефоны забайкальцев, начал рассматривать суд	10.08.2022

Результаты медиаанализа демонстрируют, что за период последних трех лет (2022–2024 гг.) первые 10 строк занимают материалы, ни в одном из которых нет позитивного отражения повседневной деятельности сотрудников полиции. Наоборот, все эти материалы позволяют зафиксировать, что в содержательном плане здесь речь идет о том, что:

- 1) полицейские на момент опубликования новости только осуществляют попытки что-то сделать («полиция ищет мужчину»);
- 2) если даже сотрудники полиции задержали преступников, то на это у них ушло много времени;
- 3) население противостоит бездействию полицейских («жители дома в Ботаничке борются за собаку»);
- 4) сами сотрудники полиции нарушают закон («второе уголовное дело...»);
- 5) сотрудника полиции наградили, однако это случилось «впервые» («премию "Жалсарай полиции" впервые вручили...»).

Эксперты, которые дали интервью, прокомментировали данный факт таким образом. По их мнению, с одной стороны, СМИ стараются готовить для аудитории те материалы и с такими броскими названиями, которые будут привлекать читателей и зрителей, а с другой стороны, СМИ влияют на формирование общественного мнения и культуры информационного потребления населения, размещая информацию о полицейских далеко не в позитивном ключе. Коэффициент конкордации мнений экспертов по данному вопросу составил 75 % по Кендаллу. Это подтверждает высокую степень согласованности идей, высказанных ими.

Обсуждение результатов

В будущем сотрудничество представителей полиции и общественных объединений может быть расширено лишь с опорой на глубокую нормативно-правовую проработку рекомендуемых способов взаимодействия данных структур [15]. В данном контексте важно классифицировать, подробно охарактеризовать и проанализировать на предмет дальнейшего развития уже существующие и зарекомендовавшие свою эффективность технологии взаимодействия полиции и общественных организаций [16].

Укрепление доверия граждан станет способствовать более широкому привлечению разных групп населения к решению существующих социальных проблем и к повышению уровня общественной безопасности. Поэтому в дальнейших междисциплинарных исследованиях, проводящихся на стыке юридического, социологического и психологического знания, целесообразно вести поиск эффективных в будущем способов повышения доверия населения по отношению к полиции в целом и к ее сотрудникам в частности [17].

Речь идет о необходимости формирования партнерских взаимоотношений, основанных на полной легитимности и добровольности [18]. В частности, особое внимание следует уделять молодежи из числа как сотрудников полиции, так и местных инициативных граждан [19, 20]. Речь идет о важности развития общественных объединений правоохранительной направленности и общественных организаций ветеранов [21].

В будущем целесообразно больше внимания уделять вопросам «расширения практики применения мер убеждения в вопросах взаимодействия» [22, с. 23] по обеспечению общественной безопасности. При этом целесообразно опираться на критический анализ успешного исторического отечественного опыта, а также на изучение зарубежных партнерских практик взаимодействия населения и правоохранительных органов [23]. Однако в современной России также накоплен богатый арсенал методик, которые позволяют налаживать конструктивное государственно-общественное сотрудничество и повышать тем самым уровень общественной безопасности [24].

Причем речь идет не только о тех общественных объединениях, которые так или иначе связаны с вопросами и задачами правоохранительных практик, но и о тех, которые имеют совершенно другую направленность и успешно функционируют в регионах нашей страны [25]. В частности, при развитии сотрудничества следует обратить внимание на потенциал этнонациональных сообществ, которые официально зарегистрированы и работают в регионах, не только поддерживая общегражданскую национальную идентичность жителей, но и просвещая население о способах самосбережения и охраны общественного порядка на местах [26]. Современные общественные объединения обладают потенциалом информирования и просвещения населения по самым разным общественно важным вопросам [27], в том числе своевременной профилактики и оперативного пресечения случаев общественного порядка.

Заключение

Таким образом, лишь незначительная доля сотрудников полиции осуществляет систематическое взаимодействие с общественными объединениями. Их оценки в отношении такого взаимодействия разнообразны, что отражает неоднородность практик на местах. В целом положительный опыт преобладает и свидетельствует о высокой эффективности сотрудничества при наличии институциональной поддержки, ресурсов и системного подхода. Однако

в большинстве случаев контакты носят ситуативный характер, не переходя в устойчивое партнерство.

Согласно данным анкетного опроса и экспертного интервью, сотрудники полиции осуществляют партнерство преимущественно с народными дружинами и с общественными структурами правоохранительной направленности, в частности с казачьими сообществами. С другими общественными объединениями контакты являются редкими. Это не способствует развитию партнерских отношений.

Современные СМИ не вполне содействуют повышению позитивности образа полиции и ее сотрудников. В сообщениях СМИ в большей степени дается информация о том, что сотрудники полиции на момент опубликования новости только начинают действовать; потратили много времени на задержание преступников; не учитывают интересы местного населения; сами нарушают закон; получают награду впервые. Так, СМИ, с одной стороны, предоставляют аудитории материалы с броскими и эмоционально привлекательными названиями, а с другой – влияют на формирование общественного мнения и культуры информационного потребления населения, размещая информацию о полицейских преимущественно не в позитивном ключе.

Список литературы

1. Тощенко Ж. Т. Новая страница в истории отечественной социологии // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 155–162. doi: [10.31857/S0132162524060182](https://doi.org/10.31857/S0132162524060182) EDN: [XSBPAN](#)
2. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в социологии. Часть 1: Актуальность новой повестки // Социологические исследования. 2024. № 6. С. 3–15. doi: [10.31857/S0132162524060014](https://doi.org/10.31857/S0132162524060014) EDN: [EKBIAA](#)
3. Иванов Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности // Социологические исследования. 2024. № 7. С. 23–36. doi: [10.31857/S0132162524070045](https://doi.org/10.31857/S0132162524070045) EDN: [JJAHG](#)
4. Гошуляк В. В. Единая система публичной власти в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 4. С. 7–12. doi: [10.18572/1813-1247-2024-4-7-12](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-4-7-12) EDN: [BNYUBN](#)
5. Бочкарев А. Н. Социокультурные факторы формирования образа полиции в сознании студенческой молодежи Юга России // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 11. С. 24–27. doi: [10.24158/spp.2017.11.4](https://doi.org/10.24158/spp.2017.11.4) EDN: [ZUFSLF](#)
6. Передня Д. Г. Имидж полиции России, эмпирический анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76). С. 17–20. EDN: [VPPQUR](#)
7. Самоукова М. И. Образ Другого как фактор формирования профессиональной Я-концепции сотрудников полиции // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2024. № 1 (12). С. 69–75. doi: [10.46741/sgjournal.2024.12.1.009](https://doi.org/10.46741/sgjournal.2024.12.1.009) EDN: [XSVSJP](#)
8. Ушакова О. В. Процесс формирования образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации (на примере участковых уполномоченных полиции Хабаровского края) : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Хабаровск, 2016. 154 с. EDN: [TXVGKY](#)
9. Кобленков А. Ю. Корреляция взаимоотношений общества и полиции на примере образов сотрудников правоохранительных органов в русской и советской литературе XIX–XX веков и материалах социологических исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 2 (70). С. 131–137. doi: [10.52452/18115942_2023_2_131](https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_131) EDN: [GXKLJE](#)
10. Горбатенко Г. В., Стряпчих Е. С. Примеры героизма, проявленного при исполнении служебного долга сотрудниками полиции, как детерминанта положительного образа органов внутренних дел в глазах общественности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 137–141. EDN: [SRODGN](#)
11. Меньшикова Н. С. Партнерство государства и институтов гражданского общества как предмет анализа в современном зарубежном обществоведении // Beneficium. 2019. № 4 (33). С. 84–93. doi: [10.34680/BENEFICIUM.2019.4\(33\).84-93](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4(33).84-93) EDN: [RBRDWO](#)
12. Blumer H. Human Behavior and Social Processes. Boston : Houghton Mifflin Co., 1962. 300 p. doi: [10.4324/9781315008196](https://doi.org/10.4324/9781315008196)
13. Goffman E. The Interaction Order // American Sociological Review. 1982. Vol. 48 P. 1–17. doi: [10.2307/2095141](https://doi.org/10.2307/2095141)

14. Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 441 p.
15. Потапенкова И. В., Ярмонова Е. Н. Взаимодействие полиции с институтами гражданского общества: правовая природа // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. № 6. С. 134–140. EDN: [WJZXCO](#)
16. Янбухтин Р. М. Полиция и общество: технологии взаимодействия и управления. Уфа : Уфимский юридический институт МВД РФ, 2021. 88 с. EDN: [CLUUDQ](#)
17. Фадеева И. В. Полиция и общество: как сформировать доверие // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2021. № 3. С. 173–177. EDN: [RRVKUV](#)
18. Летаева Е. А. Отзыв на автореферат диссертации Наталии Сергеевны Меньшиковой «Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект)» // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 2 (17). С. 215–218. EDN: [VKLTEQ](#)
19. Щанина Е. В., Шагалин А. К. Студенческая молодежь в условиях нового технологического уклада // Наука. Общество. Государство. 2024. Т. 12, № 4 (48). С. 105–117. doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-4-10](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-4-10) EDN: [TSGZNO](#)
20. Волкова О. А. Проблемы трансформации профессиональной культуры в монографии Л. Н. Максимовой // Труд и социальные отношения. 2013. Т. 24, № 12. С. 138–142. EDN: [RUEONL](#)
21. Беженцев А. А., Петров Т. А. Взаимодействие полиции и общественных объединений правоохранительной направленности в профилактике административных правонарушений: поиски золотой середины в организации информационного обеспечения // Закон и право. 2022. № 7. С. 26–32. doi: [10.24412/2073-3313-2022-7-26-32](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-7-26-32) EDN: [FQUEZE](#)
22. Беженцев А. А., Петров Т. А. Полиция и общественные объединения, участвующие в профилактике административных правонарушений: применение эффективных подходов во взаимодействии // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 23–30. doi: [10.24412/2312-0444-2022-2-23-30](https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-23-30) EDN: [NHPWSS](#)
23. Митюнова И. Г. Взаимодействие полиции и общественных объединений в сфере охраны общественного порядка: российский и зарубежный опыт // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2018. Т. 7, № 1–1 (9). С. 34–41. EDN: [XOOGPB](#)
24. Кривицкий Д. Е., Евтушенко Ю. Л., Милованов Н. В. Взаимодействие полиции с обществом и общественными организациями // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 40–45. doi: [10.47643/1815-1337_2021_4_40](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_4_40) EDN: [HWNORX](#)
25. Волкова О. А., Осадчая Г. И. Некоммерческие организации Тувы как субъекты реализации демографической политики // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 99–110. doi: [10.25178/nit.2023.2.7](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.7) EDN: [QEDTQC](#)
26. Колонтаевская И. Взаимодействие полиции с национальными сообществами как объект конституционно-правового регулирования // Закон и право. 2007. № 3. С. 64–65. EDN: [JXVJJX](#)
27. Волкова О. А. Деятельность некоммерческих организаций, оказывающих медико-социальную помощь мигрантам в условиях COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 4. С. 537–542. doi: [10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542) EDN: [ATFKHW](#)

References

1. Toshchenko Zh.T. A New Page in the History of Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2024;(6):155–162. (In Russ.). doi: [10.31857/S0132162524060182](https://doi.org/10.31857/S0132162524060182)
2. Ivanov D.V. The Third Integrative Wave in Sociology. Part 1: The Relevance of the New Agenda. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2024;(6):3–15. (In Russ.). doi: [10.31857/S0132162524060014](https://doi.org/10.31857/S0132162524060014)
3. Ivanov D.V. The Third Integrative Wave in the Development of Sociology. Part 2. Theories and Methods for Augmented Social Reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2024;(7):23–36. (In Russ.). doi: [10.31857/S0132162524070045](https://doi.org/10.31857/S0132162524070045)
4. Goshulyak V.V. Unified System of Public Authority in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*. 2024;(4):7–12. (In Russ.). doi: [10.18572/1813-1247-2024-4-7-12](https://doi.org/10.18572/1813-1247-2024-4-7-12)

5. Bochkarev A.N. Sociocultural Factors of the Formation of the Police Image in the Minds of Student Youth in the South of Russia. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2017;(11):24–27. (In Russ.). doi: [10.24158/spp.2017.11.4](https://doi.org/10.24158/spp.2017.11.4)
6. Perednya D.G. The Image of the Russian Police: An Empirical Analysis. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(1):17–20. (In Russ.)
7. Samoukova M.I. The Image of the Other as a Factor in the Formation of the Professional Self-Concept of Police Officers. *Vserossijskij nauchno-prakticheskij zhurnal social'nyh i humanitarnyh issledovanij = All-Russian Scientific and Practical Journal of Social and Humanitarian Research*. 2024;(1):69–75. (In Russ.). doi: [10.46741/sgjournal.2024.12.1.009](https://doi.org/10.46741/sgjournal.2024.12.1.009)
8. Ushakova O.V. *The Process of Forming the Image of an Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation (on the Example of District Police Officers in the Khabarovsk Territory): PhD dissertation*. Khabarovsk, 2016:154. (In Russ.)
9. Koblenkov A.Yu. Correlation of the Relationship Between Society and the Police on the Example of Images of Law Enforcement Officers in Russian and Soviet Literature of the 19th–20th Centuries and Sociological Research Materials. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki = Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023;(2):131–137. (In Russ.). doi: [10.52452/18115942_2023_2_131](https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_131)
10. Gorbatenko G.V. Examples of Heroism Displayed by Police Officers in the Line of Duty as a Determinant of the Positive Image of Internal Affairs Bodies in the Eyes of the Public. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2023;(3):137–141. (In Russ.)
11. Menshikova N.S. Partnership Between the State and Civil Society Institutions as a Subject of Analysis in Modern Foreign Social Studies. *Beneficium*. 2019;(4):84–93. (In Russ.). doi: [10.34680/BENEFICIUM.2019.4\(33\).84-93](https://doi.org/10.34680/BENEFICIUM.2019.4(33).84-93)
12. Blumer H. *Human Behavior and Social Processes*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1962:300. doi: [10.4324/9781315008196](https://doi.org/10.4324/9781315008196)
13. Goffman E. The Interaction Order. *American Sociological Review*. 1982;48:1–17. doi: [10.2307/2095141](https://doi.org/10.2307/2095141)
14. Melucci A. *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996:441.
15. Potapenkova I.V. Interaction of the Police with Civil Society Institutions: Legal Nature. *Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya = Police and Society: Problems and Prospects of Interaction*. 2024;(6):134–140. (In Russ.)
16. Yanbukhtin R.M. *Policiya i obshchestvo: tekhnologii vzaimodejstviya i upravleniya = Police and Society: Technologies of Interaction and Management*. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021:88.
17. Fadeeva I.V. Police and Society: How to Build Trust. *Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya = Police and Society: Problems and Prospects of Interaction*. 2021;(3):173–177. (In Russ.)
18. Letaeva E.A. Review of the Abstract of the Dissertation by Natalia Sergeevna Menshikova “Police and Civil Society: Problems of Forming Partnership Relations in the Russian Federation (Theoretical and Legal Aspect)”. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii = Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(2):215–218. (In Russ.)
19. Shchanina E.V. Student Youth in the Conditions of a New Technological Order. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2024;12(4):105–117. (In Russ.). doi: [10.21685/2307-9525-2024-12-4-10](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2024-12-4-10)
20. Volkova O.A. Problems of Transformation of Professional Culture in the Monograph by L.N. Maksimova. *Trud i social'nye otnosheniya = Labor and Social Relations*. 2013;24(12):138–142. (In Russ.)
21. Bezhentsev A.A. Interaction of the Police and Public Law Enforcement Associations in the Prevention of Administrative Offenses: Searching for a Golden Mean in Organizing Information Support. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2022;(7):26–32. (In Russ.). doi: [10.24412/2073-3313-2022-7-26-32](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-7-26-32)
22. Bezhentsev A.A. Police and Public Associations Participating in the Prevention of Administrative Offenses: Application of Effective Approaches in Interaction. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public Service and Personnel*. 2022;(2):23–30. (In Russ.). doi: [10.24412/2312-0444-2022-2-23-30](https://doi.org/10.24412/2312-0444-2022-2-23-30)

23. Mityunova I.G. Interaction of the Police and Public Associations in the Field of Public Order Protection: Russian and Foreign Experience. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANHiGS = Bulletin of the Novgorod Branch of RANEPa*. 2018;7(1-1):34–41. (In Russ.)

24. Krivitsky D.E. Interaction of the Police with Society and Public Organizations. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2021;(4):40–45. (In Russ.). doi: [10.47643/1815-1337_2021_4_40](https://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_4_40)

25. Volkova O.A. Non-Profit Organizations of Tuva as Subjects of Demographic Policy Implementation. *Novye issledovaniya Tuvy = New Research of Tuva*. 2023;(2):99–110. (In Russ.). doi: [10.25178/nit.2023.2.7](https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.7)

26. Kolontaevskaya I. Interaction of the Police with National Communities as an Object of Constitutional and Legal Regulation. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2007;(3):64–65. (In Russ.)

27. Volkova O.A. Activities of Non-Profit Organizations Providing Medical and Social Assistance to Migrants in the Context of COVID-19. *Problemy social'noj gigieny, zdavooohraneniya i istorii mediciny = Problems of Social Hygiene, Healthcare, and History of Medicine*. 2022;30(4):537–542. (In Russ.). doi: [10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542](https://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-537-542)

Информация об авторе / Information about the author

Е. В. Максименко – преподаватель-методист факультета переподготовки и повышения квалификации, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5062-1943>

E.V. Maksimenko – Teacher-methodologist of the Faculty of Retraining and Advanced Training, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, 71 Gorky street, Belgorod, 308024. ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5062-1943>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 20.07.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 101 : 316

EDN: ZZPEBA

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-12

ЦИФРОВАЯ ТЕХНИКА И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ГРАНИ ПОСТФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Михаил Александрович Антипов

Пензенская духовная семинария, Пенза, Россия

210483@inbox.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современных условиях особое значение приобретает проблема всестороннего рассмотрения техники не только как явления, но и как посредника в отношениях человека с миром. Иными словами, требуется поиск ответов на важный вопрос о том, как техника предстает в повседневном сознании человека, что она означает для современного человека и как она меняет его отношения с миром. *Материалы и методы.* Материалы исследования включают современные работы по постфеноменологии, а также научные статьи по цифровизации. Исследование опирается на постфеноменологию Д. Ихде, а также работы Э. Левинаса и Ж.-Л. Мариона. Были использованы следующие методы: теологический, феноменологический, постфеноменологический. *Результаты.* Очерчен феноменологический и постфеноменологический каркас теологической интерпретации техники и ее места в современном обществе. Техника рассматривается прежде всего как средство взаимодействия человека с миром, направленное на обеспечение земной жизни. Представленная концепция техники применяется для интерпретации современных цифровых технологий и их влияния на человека и его отношения с миром. Выявлен ряд противоречий в использовании технологий современным человеком. Говорится о расширении жизненного мира человека, что одновременно сопровождается все большей интеграцией современных технических устройств в социальную жизнь и ростом рисков размывания человечности. *Выводы.* Техника, создаваемая и совершенствуемая для обеспечения все более комфортных условий телесного существования, достигла такого этапа в своем развитии, когда она определяет мышление и поведение человека, часто отдаляя его от духовной жизни. С постфеноменологической точки зрения развитие техники ведет к стиранию границ между субъектом и объектом и размыванию человеческого. Современные цифровые технологии определяют многие аспекты нашей жизни: наше восприятие собственной телесности, восприятие других, времени, отношение к событиям, происходящим в стране и в мире.

Ключевые слова: цифровая теология, феноменология, постфеноменология, техника, цифровизация общества, сеть Интернет, искусственный интеллект, разочеловечивание

Для цитирования: Антипов М. А. Цифровая техника и современное общество: грани постфеноменологического анализа // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 124–134. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-12 EDN: ZZPEBA

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Original article

DIGITAL TECHNOLOGY AND MODERN SOCIETY: THE FACETS OF POSTPHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

Mikhail A. Antipov

Penza Theological Seminary, Penza, Russia

210483@inbox.ru

Abstract. *Background.* In modern conditions, the problem of comprehensively considering technology not only as a phenomenon, but also as an intermediary in human relations with the world, is of particular importance. In other words, an important question that requires a search for answers is the following: how technology appears in the daily consciousness of a person, what it means for a modern person and how it changes his relationship with the world. *Materials and methods.* The research materials include modern works on postphenomenology, as well as scientific articles on digitalization. The research is based on the postphenomenology of D. Ihde, as well as the work of E. Levinas and J.-L. Marion. *Methods:* theological, phenomenological, postphenomenological. *Results.* The phenomenological and postphenomenological framework of the theological interpretation of technology and its place in modern society is outlined. Technology is considered primarily as a means of human interaction with the world, aimed at ensuring earthly life. The presented concept of technology is used to interpret modern digital technologies and their impact on humans and their relationship with the world. A number of contradictions in the use of modern technologies by modern people have been identified. It talks about the expansion of the human life world, which is simultaneously accompanied by the increasing integration of modern technical devices into social life and the increasing risks of eroding humanity. *Conclusions.* Technology, created and improved to provide more and more comfortable conditions for physical existence, has reached a stage in its development when it determines a person's thinking and behavior, often distancing them from spiritual life. From a postphenomenological point of view, technology leads to the blurring of the boundaries between subject and object and the blurring of the human. Modern digital technologies determine many aspects of our lives: our perception of our own physicality, the perception of others, the perception of time, and our attitude to events taking place in the country and in the world.

Keywords: digital theology, phenomenology, post-phenomenology, technic, digitalization of society, the Internet, artificial intelligence, humanization

For citation: Antipov M.A. Digital technology and modern society: the facets of postphenomenological analysis. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):124–134. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-12

Введение

Есть мышление и есть то, что мы называем сознанием, а есть практика как комплекс форм взаимодействия человека с миром, в ходе которого трансформируются и сам мир, и человек. Практика может быть механической, когда человек действует по существующим шаблонам и образцам, не задумываясь о том, зачем он это делает, не наделяя свои действия особым смыслом. И в большинстве случаев смысл действий современного человека, сознание которого сформировано в рамках материалистической техногенной парадигмы, сводится к практической пользе для земной жизни. В современном обществе влияние техники на человека достигает такой невиданной ранее силы, что смещает границы антропологического, ставя вопрос о сохранении человеческой идентичности и рисках ее размывания под влиянием таких тенденций, как цифровизация, виртуализация, киборгизация и подобных им [1].

Человеку свойственно наделять смыслом свои действия, но универсальный смысл возможен только при условии наличия в сознании человека целостного мировоззрения, сформировать которое позволяет христианское вероучение. Именно в его рамках каждое действие будет окрашено особым смыслом как действие в мире, для которого Бог является Творцом и Промыслителем, а существование личности не ограничивается временем земной жизни.

Поскольку бытие человека в мире социально, то и выработка смыслов имеет коллективный характер. При совершении того или иного действия (при условии, что человек отдает себе отчет в его реализации) оно наделяется определенным значением, которое соотносится с установленным социальным порядком, культурой, ценностно-нормативной системой общества. Также, получая какую-либо информацию, человек интерпретирует ее на основе существующих в обществе и разделяемых им установок и представлений. Так, в рамках социальной феноменологии придание смысла социальной реальности, ее объяснение и оправдание именуются легитимацией, и высшей формой такой легитимации по сравнению с дотеоретическими житейскими (моралью и фольклором), а также специализированными экспертными (научными, профессиональными) системами знаний служат символические универсумы, к которым относится религия. Как пишут П. Бергер и Т. Лукман, символические универсумы «расставляют все по своим местам в жизни индивида» [2, с. 161]. Православие и можно отнести к таким символическим универсумам, функции которых проявляются в «упорядочивании повседневных ролей, приоритетов и правил, упорядочивании идентичности, иерархизации бытия и выделении уровней социального, упорядочивании истории» [2, с. 167–168]. Авторы теории социального конструирования реальности прямо указывают, что символические универсумы являются продуктами сознания людей, что не умаляет их тотального влияния на общество. Мы предполагаем, что православный символический универсум возник как проявление Божьего промысла в связи с формированием Церкви Христовой и распространением христианского вероучения. Православный символический универсум в общественном сознании сосуществует с целым рядом других универсумов: религиозных, философских, научных.

Обращение к социальной феноменологии, являющейся социологической теорией, не означает отказа от теологического метода в данном исследовании. Именно православную форму легитимации социального порядка, встроенного в космический, мы считаем первичной, признавая, что ее первоисток является Бог как Творец и Промыслитель. Через Христа, святых пророков и апостолов Господь принес свет своего учения людям, и в этом учении выражены предельные основания бытия природы и общества. Питер Бергер в работе «Священная завеса», говоря о взаимодействии социологии и теологии, прямо заявляет: «Утверждение, что религия – это созданная человеком проекция, логически не исключает возможность, что предельный статус спроецированных смыслов независим от человека. Если принять религиозный взгляд на мир, само антропологическое основание этих проекций может быть отражением реальности, включающей одновременно и мир, и человека» [3, с. 198]. В основе данного исследования лежит православная парадигма, определяющая мир как сотворенный Богом и основанная на вере в его промыслительную роль. Поскольку предрасположенность к вере в Бога и общению с Ним заложена в каждом из нас, хотя и затмилась грехопадением, изложенное в православном вероучении видение миропорядка в целом и социального порядка в частности является результатом раскрытия данных нам Богом истин.

Техника, ставшая неотъемлемой частью жизни современного человека, меняет его отношения с миром и вызывает трансформации в самом человеке, что в рамках православной мировоззренческой парадигмы может быть рассмотрено как отдаление от Бога и усиление разрыва между телесным и духовным. В естественной установке сознания мир предстает перед нами таким, каков он есть. Появляясь на свет, вырастая и взрослея, каждый представитель современного общества формирует такой жизненный мир, в котором техника является неотъемлемой частью, само собой разумеющимся атрибутом повседневной жизни. Это определяет ее фундаментальное значение в индивидуальной и коллективной жизни.

Материалы и методы

Данное исследование относится к цифровой теологии как пограничной области знаний, соединяющей теологию с современной философией техники, социальной философией, философской антропологией и другими областями знаний [4].

В работе используются теологический метод, феноменологический метод и современные идеи в области постфеноменологии.

Теологический метод состоит в рассмотрении исследуемой проблематики в рамках узловых координат Православного вероучения, среди которых важнейшее место занимает теоцентричность.

В феноменологическом контексте техника может быть рассмотрена «как феномен сознания, имеющий вид выводной структуры из опыта человека» [5, с. 195]. Феноменологический анализ техники позволяет сформировать два направления размышлений:

- 1) каким смыслом или смыслами наделяется техника, как она воспринимается и интерпретируется;
- 2) как меняется восприятие и интерпретация мира под воздействием техники и отношения человека с ним.

В рамках постфеноменологии техника анализируется как средство отношений «между людьми и окружающей средой», а не просто как материальные объекты, которыми мы пользуемся для удовлетворения собственных потребностей [6, с. 171]. Также «постфеноменология изучает изменения телесного опыта при использовании людьми технических артефактов и технологий» [7, с. 71].

Материалы исследования включают современные научные работы по постфеноменологии и цифровой теологии, труды по феноменологии, а также ряд статей, посвященных цифровизации общества.

Результаты

Что значит помыслить технику? Это значит сделать ее мыслимым, т.е. *cogitatum*, или ноэмой в рамках собственных мыслей *cogitations* или ноэзиса. При этом «рефлексия не в состоянии распознать или определить мысли» [8, с. 20], не называя мыслимое. Техника присутствует в жизненном мире каждого человека, высвечивается как подручное, то, что каждый день используется и без чего не представляется современная жизнь.

Техника как феномен «без остатка показывает сама себя исходя из самой себя как чистое явление себя, не исходя из чего-то другого, что не является (основанием)» [9, с. 68]. И здесь предполагается корреляция «субъективного явления и объективного я, в чем проявляются интенция – созерцание, значение – наполнение, ноэзис – ноэма» [10, с. 71]. И техника дается нам в мышлении со всей очевидностью, т.е. мы представляем ее такой, какая она для нас есть. При этом техника включает в себя совокупность всех устройств, которые мы используем в повседневной жизни. В ходе пользования человек сливается с техникой, так как «технологии вплетены в движение опыта такими способами, которые выходят за рамки субъект-объектной дихотомии» [11, с. 135].

Использование техники в том или ином масштабе, имеющее тот или иной характер, является частью установленного социального порядка и закрепляется в рамках экстернализации, объективации и интернализации. Так, когда появились первые автомобили, их боялись, пока они прочно не вошли в нашу жизнь. Пользование автомобилем как образец поведения сначала экстернализировалось, закрепившись в соответствующей социальной норме, определяющей, что это не только нормально, но и удобно. Затем произошла объективация данной нормы. И другие люди стали ее усваивать в процессе социализации. Сейчас каждый представитель современного общества, начиная свою интеграцию в социум, привыкает, что автомобили составляют неотъемлемый элемент повседневной жизни.

На наделение техники тем или иным смыслом влияют установки, распространенные в коллективном сознании. Техника встраивается в общекультурный контекст. В современном

обществе технические устройства также неотделимы от повседневной жизни, как и юридические законы, и моральные нормы, и культурные обычаи и традиции. Жизнь общества, ее порядок во многом построены именно на достижениях научно-технического прогресса, и каждый из нас воспринимает технику как само собой разумеющееся и нормальное для жизни современного человека.

Мир существует для нас не сам по себе, а в качестве преломленного в сознании, внутреннем мире через трансцендентальное Я. И техника является неотъемлемой частью мира, составляя важнейшее средство взаимодействия человека с ним.

Человек изначально является предрасположенным к творческой активности, основанной на разуме и свободе воли. Он не просто живет в мире, он выстраивает с ним определенные взаимоотношения. Если следовать христианскому учению о человеке, то в этом проявляются образ и подобие Бога в нас. Творец создал человека, чтобы мы населили землю и трудились на ней. Труд, таким образом, является богоугодным делом, а значит, и создание и использование орудий также являются угодными Богу, но при этом орудия должны восприниматься как средства поддержания телесной жизни, а не как самоцель. Как справедливо отмечает Э. Мунье, «человек с момента рождения определяется своим воздействием на природу (см. Быт. 1:28): "и наполняйте землю, и обладайте ею" (там же). Человек поселился в садах Эдема, "чтобы возделывать его", ut operaretur terram (там же, 2:15), чтобы дать имя всем вещам (наука является наиболее разработанным способом называния вещей)» [7, с. 312].

Человек изначально стремится к восстановлению утраченной связи с Богом, а это означает стремление к достижению разрушенной целостности, к собиранию разрозненного мира воедино в своем мышлении. И на физическом уровне центром этого собирания является тело, а технические артефакты представляют собой его множественные продолжения. Именно через тело человек взаимодействует с материальным миром, познавая его через органы чувств и воздействуя на него прежде всего с помощью рук. Еще Адаму было завещано возделывать Сад и давать имена животным, и даже после грехопадения человек продолжает возделывать землю, хотя и трудится в поте лица. Именно тяжесть труда и подталкивает человеческий разум на создание и совершенствование технических устройств, облегчающих его труд.

Начиная с простейших орудий, человек стал обращаться к миру и с миром именно через технику. Так, обычная лопата, предназначенная для копания, позволяет преобразовывать почву с самыми различными целями. При этом она может наделяться исключительно инструментальным смыслом – как средство праксиса, может иметь эстетический смысл – с точки зрения красоты формы лезвия и черенка, возможных узоров, цветов и т.д., может служить знаком, отсылающим к той или иной сфере деятельности (сельское хозяйство, земляные ремонтные работы в коммунальном хозяйстве, добыча полезных ископаемых и драгоценных металлов и т.д.), может нести социально индикативный смысл, являясь атрибутом определенного статуса. Данные грани смысла могут совмещаться в самых различных комбинациях в зависимости от того контекста, в котором рассматривается данное орудие. То, как мы мыслим технику, зависит от того, какая система знаний принята в данном конкретном обществе, и от той социальной позиции, которую занимает индивид. Являясь проекцией тела, техника еще и воплощает на особом формализованном языке (прежде всего математическом) зашифрованные закономерности, явно или неявно раскрытые для более эффективного взаимодействия с миром и компенсирующие недостаточность человеческого тела. Например, форма и острота лезвия лопаты основаны на физических закономерностях, как и размер черенка по отношению к лезвию и среднему росту человека, чтобы снизить энергозатратность осуществляемых с ее помощью действий.

Являясь инструментом, техника восполняет нашу недостаточность, но при этом делает нас зависимыми и создает риски для деградации соответствующих свойств организма. Интеграция техники в жизненный мир формирует полную уверенность в естественности ее существования и бесперебойного функционирования, что ведет к игнорированию развития тех качеств организма, которые она берет на себя. Орудия, предполагающие ручной труд, т.е. затраты телесных сил, восполняют то, чего у тела человека нет и быть не может, а значит

только с помощью своих органов он не способен совершать те действия, которые совершает с помощью орудия. Так, копать твердый грунт руками невозможно, а лопата с заточенным лезвием позволяет это делать, что не отменяет затраты физических сил, и часто – немалых. Аналогично отвертка позволяет закрутить шуруп настолько, насколько не позволит сделать рука. Но при этом это требует и применения силы самой руки.

Однако с появлением первых машин ситуация качественно меняется – вместо энергии человека используются другие виды энергии – механическая, тепловая, световая, электрическая, атомная. В результате различные органы и системы организма человека не просто дополняются, а полностью заменяются техническими устройствами, что снимает необходимость приложения собственных усилий или сводит их к минимуму. Так, использование мотоблока или бензинового культиватора вместо лопаты значительно снимает физическую нагрузку с владельца приусадебного участка, а электрический шуруповерт позволяет выполнять необходимые действия, сберегая усилия. С одной стороны, это значительно облегчает жизнь и позволяет уменьшать затраты сил и времени, а с другой – снижает уровень физической активности.

Орудие, являющееся продолжением определенной части тела человека, используется для конкретной практической деятельности с целью преобразования действительности. Каждое орудие или инструмент человек мыслит как подручное удобное средство, позволяющее ему выполнять определенные манипуляции. Так, он воспринимает отвертку как инструмент, необходимый ему при выполнении определенных работ по дому, связанных с фиксацией или снятием тех или иных креплений, сборкой или разборкой предметов и т.д. Отвертка не мыслится им вне бытового контекста повседневной жизни. Если человек и воспринимает ее как продолжение своей руки во время, когда держит ее, то он все равно отделяет ее от собственной конечности. Руку он воспринимает только вместе со своим телом как его неотрывную часть, он не может помыслить здоровую руку вне тела, а отвертка как инструмент есть то, что существует отдельно от тела, но в случае необходимости в определенные моменты может стать его продолжением.

Тело с точки зрения феноменологии предстает как центр жизненного мира, сосредоточие активности Я, физическая точка концентрации самосознания, имеющая доступ к определенным секторам мира. То, что попадает в область моего восприятия и воздействия человека, становится подручным, оказывается в поле его жизненной активности. «Именно рукой осуществляется схватывание и усвоение» [12, с. 21]. Инструменты расширяют границы возможностей, позволяют более интенсивно воздействовать на окружающий мир. «Любые операции с помощью системы орудий и инструментов, любой труд предполагают первичное овладение вещами, обладание, о зарождении которого подспудно свидетельствует дом, находившийся на грани интериорности» [13, с. 176–177].

Что касается машины, например, аккумуляторного шуруповерта, то он воспринимается также, как и отвертка, но при этом человек понимает, что он позволяет ему беречь силы и время и что данный инструмент значительно облегчает его жизнь. Машина встает между телом и миром, становясь его продолжением в мире, но при этом кардинально отличается от него, прежде всего тем, что она является чуждой органическому, естественно присущему человеку. Это кардинально отличает его от так называемых людей-киборгов, которые сознательно интегрируют в свое тело технические устройства, соединяя органическое и техническое и делая искусственный инструмент частью своей телесности.

Есть более сложные машины, которые в полной мере берут на себя функции всего тела при выполнении тех или иных действий. Например, упомянутый автомобиль заменяет не только ноги, но, по сути, компенсирует активность всего тела при движении. Еще одним показательным примером является робот-пылесос, заменяющий все тело человека при уборке полов в помещении. Робот-пылесос воспринимается как нечто из области современных достижений технического прогресса, а то, что он может разговаривать, озвучивая свои действия, наделяет его подобием одушевленности. Так или иначе этому техническому устройству приписываются свойства человека: ему дают имя, при этом называют его, ориентируясь на тембр голоса (запланировав изначально мужское имя, но запустив и услышав женский тембр, дают женское).

Антропоморфизм в восприятии техники повышается по мере имитации устройствами проявлений психической активности и процессов, составляющих ментальную жизнь человека. Однако техника в темпоральном аспекте «подчиняется жестким и однородным временным параметрам, заданным функциональными алгоритмами» [12, с. 87]. Это значительно отличает ее от человеческого восприятия времени. В случае с человеком заданы общие рамки земного существования, техника же порой функционирует по установленным критериям.

В технике воплощаются научные достижения человечества. Приобретая и пользуясь той или иной машиной, мы часто не понимаем полностью, какие законы лежат в основе ее работы, из каких частей она состоит. Главное, что нужно знать и уметь среднестатистическому владельцу машины, – это грамотно ей пользоваться, чтобы она выполняла свои функции максимально долго, насколько позволяет срок ее эксплуатации.

Техника, встроенная в мир повседневной жизни, сливается с человеком в ходе его деятельности. Как пишет Д. Ихде о технике как воплощении, «техника – это симбиоз артефакта и пользователя в рамках человеческого действия» [14, с. 304]. Однако наряду с такими отношениями он выделяет и герменевтические отношения, когда технику необходимо трактовать, уметь читать и расшифровывать ее показания, и отношения инаковости. Так, отношения воплощения характерны для использования очков с диоптриями, герменевтические отношения – устройств со сложными данными, например смарт-часов, которые выводят на экран определенные параметры физической активности. Например, они показывают пульс. Чтобы грамотно прочесть это, необходимо четко знать нормы пульса и собственные пульсовые зоны. Отношения инаковости характерны для использования робота-пылесоса. Несмотря на проявления человечности (голос, память), он кардинально отличается от человека, это машина с чертами человечности, это иное.

Орудия (которые предполагают значительные усилия органов и систем тела человека) и машины (использующие иные виды энергии и значительно снимающие с их пользователя нагрузку) можно разделить на те, что являются проекцией органов, отвечающих за физическую активность, и те, которые дополняют сферу сенсорики и когнитивную деятельность. И если в первом случае речь идет о практическом взаимодействии с миром, то во втором – о его познании. Техника развивалась от первого типа орудий к совершенствованию вторых вплоть до технологий, называемых искусственным интеллектом. Человек так устроен, что проецирует вовне не только свою физическую телесность, но и когнитивную деятельность и деятельность, связанную с передачей информации, т.е. коммуникацию. Таким образом, технике можно разделить на проецирующую те органы, которые отвечают за соматическое, и те, которые отвечают за отдельные проявления психического.

Второй вид технических устройств, с одной стороны, расширяет наше познавательное отношение к миру, т.е. пределы нашего познания. С другой стороны, такая техника, играющая вспомогательную роль в осуществлении когнитивных процессов или же полностью дублирующая некоторые из них, ведет к тому, что современный человек отказывается от самостоятельной умственной активности. «Человек при помощи новых технологий убивает время в виртуальном пространстве» [15, с. 48]. Так, технические средства вычисления, начиная от простых счет и завершая современными квантовыми суперкомпьютерами, избавляют человека от необходимости производить математические вычисления. И если суперкомпьютеры могут проводить такие операции, которые человек сделать не в состоянии за жизненно доступное время, то простой калькулятор, интегрированный в виде приложения в любое электронное вычислительное устройство, будь то стационарный компьютер или мобильное устройство, заменяет человека в выполнении тех операций, которые ему по силам. Но, несмотря на это, даже простейшие арифметические операции мы отдаем на откуп машинам. В результате, наши собственные способности ослабляются или не развиваются совсем (недавний яркий пример: при покупке мороженого нужно было посчитать сдачу, вычтя его стоимость из ста восьмидесяти трех, и продавец совершила данную простейшую арифметическую операцию на калькуляторе в смартфоне). Такое отношение к технике обосновано тем, что современный человек воспринимает и интерпретирует все техническое как подручные средства, как то, что помогает ему

легче жить и повышать степень собственного комфорта. Естественное мышление заменяется искусственным [16, с. 73].

Обсуждение

Именно ко второму виду техники относится сфера цифровых технологий, включающих программы и устройства обработки информации и вычислений. Их также можно определить как «технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде» [17, с. 55]. И именно эти технологии занимают значительное место в жизни современного человека и общества [18, с. 51]. «Цифровизацией пронизаны все сферы жизни россиян» [19, с. 538]. Цифровые технологии обеспечивают участие в современных формах социальной активности [20, с. 38]. Компьютеры, смартфоны, интернет, нейросети – все это прочно вкраплено в повседневную жизнь современного человека, и многое из сказанного о технике как феномене сознания напрямую относится и к цифровой сфере. Смартфон с доступом в сеть Интернет, являясь продолжением человеческого тела, раздвигает границы нашего зрения и слуха, а также коммуникации. Он расширяет нашу память, наши вычислительные возможности, способы перевода с одного языка на другой, пути понимания и т.д. Его наличие в мире человека делает его таким же естественным, как жизнь в доме, общение с другими людьми, приготовление пищи и т.д. Как пишут исследователи, «население использует сеть Интернет как для приобретения товаров и услуг, так и для общения в социальных сетях, доступа к образовательным ресурсам, сайтам развлечений, осуществления телефонных и видеозвонков, пользования государственными услугами в онлайн-формате, консультаций и т.д.» [21, с. 54]. Отношения с ним, если следовать концепции Д. Ихде, будут включать как слияние, когда, увлеченно играя в видеоигру, геймер мысленно сливается с игровым миром, так и герменевтические отношения (чтобы эффективно использовать нейросети, нужно грамотно формулировать промпты). Помимо этого, характерны здесь и отношения инаковости, когда пользователь, погружаясь в мир видеоигры, отличает себя настоящего от своего аватара в ней. Через цифровые технологии человек пытается восполнить ограниченность собственного разума и возможностей коммуникации, расширить свой жизненный мир до трансгеографических пределов.

Современные цифровые коммуникационные устройства, которые стали частью нашей повседневной жизни и воспринимаются как ее неотъемлемые атрибуты, значительно меняют социальную жизнь и самого человека. Выступая в области нашего сознания как подручные объекты, они являются и посредниками в отношениях человека с миром. Расширяя наши познавательные и коммуникационные возможности, они значительно увеличивают жизненный мир личности, делая доступным для виртуального познания и коммуникации практически все географическое пространство. Системы генеративного искусственного интеллекта все более сближаются по характеристикам с отдельными параметрами ментальной активности человека. У них развиваются такие аспекты мышления, как вычислительные операции, перевод текстов, поиск информации, продуцирование текстов, а также речь и выражение эмоций.

Заключение

Современные цифровые технологии кардинально меняют положение человека в мире, смещая разумность за пределы антропологического. Заняв прочное место в нашей повседневной жизни и в сознании каждого, техника меняет наше взаимодействие с миром. Если ранее только человек из всех творений был наделен Богом разумом, умом, рассудком, то теперь он сам воспроизводит на техническом уровне данные ему Богом качества. Так, естественный интеллект дополняется, а иногда и вытесняется искусственным. В результате, человек как творение Бога все больше сливается с артефактами как творениями самого человека. Взаимодействуя с миром через нейросети, люди вступают с ними в диалоги и познают мир через большие языковые модели. В своем стремлении к созданию все более совершенных систем генеративного искусственного интеллекта общество создает целый класс новых социальных акторов, которые могут влиять на принимаемые нами решения, формировать общественное мнение,

выступать в качестве собеседников, помощников и консультантов. Это создает значительные риски размывания человеческого: угасания творчества, ослабления эмоциональной чуткости, снижения живого общения, охлаждения веры в Бога и тяги к священному. Вместо этого человек становится все более рациональным, холодным и расчетливым, отдающим львиную долю мыслительных операций на откуп ИИ. Он становится перенасыщенным самой разнообразной информацией и смотрящим на мир сквозь лоскутное одеяло транслируемой цифровыми медиа эклектичной экранной культуры.

Список литературы

1. Столбова Н. В. «Затерянные в космосе» от 1965-го к 2018-му: формирование киборганических сообществ // Наука телевидения. 2023. Т. 19, № 3. С. 123–149. doi: [10.30628/1994-9529-2023-19.3-123-149](https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.3-123-149) EDN: [APRIFH](#)
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М. : Медиум, 1995. 323 с.
3. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
4. Шмалий В. В. К определению цифровой теологии // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 3. С. 102–109. doi: [10.28995/2658-4158-2024-3-102-109](https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-3-102-109) EDN: [OLKIWU](#)
5. Плужникова Н. Н., Ковалева С. В. Феноменология техники: философские построения Д. Юма, Э. Гуссерля и Р. Карнапа // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 11. С. 194–196. EDN: [YAGRZG](#)
6. Добродородный Д. Г., Верещако А. И. Статус технических объектов с искусственным интеллектом в современном обществе // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024. № 1. С. 66–74. EDN: [IALYPG](#)
7. Левинас Э. Заметки о смысле // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами : сб. ст. / сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2014. С. 18–38. EDN: [SDOVSZ](#)
8. Белкина В. А. Методологические ресурсы постфеноменологии в изучении роли технологий в системе «окружающая среда – человек – общество» // Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты : сб. ст. регион. науч. конф. молодых ученых (г. Курск, 7 мая 2021 г.). Курск : Университетская книга, 2021. С. 169–172. EDN: [CTARLF](#)
9. Марион Ж.-Л. Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами : сб. ст. / сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2014. С. 63–99. EDN: [SFGEKB](#)
10. Иогансон Е. Н. (Мартин-Иогансон Э.). Философия техники до и после эмпирического поворота // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 132–139. doi: [10.17223/15617793/503/13](https://doi.org/10.17223/15617793/503/13) EDN: [WAVJFB](#)
11. Мунье Э. Манифест персонализма : монография / пер. И. С. Вдовиной, В. М. Володина. М. : Республика, 1999. 599 с. EDN: [WNBEBR](#)
12. Левинас Э., Деррида Ж. Избранное: Тотальность и Бесконечное. М. : Университетская книга, 2000. 416 с. EDN: [STIJMD](#)
13. Ли В. Феноменологическое исследование взаимодействия искусства и техники в темпоральной перспективе // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 3–1. С. 80–90. EDN: [JABFMU](#)
14. Ihde D. Technology and the Lifeworld, From Garden to Earth. Bloomington : Indiana University Press, 1990. 602 p. URL: <https://archive.org/details/technologylifewo00ihde/mode/2up>
15. Зайцев А. А., Новиков С. В. Цифровая среда вечных ценностей – теология в цифре // Теологическое образование в условиях цифровой культуры: ценности, смыслы, образовательные практики : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 27 октября 2022 г.). Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2023. С. 44–49. EDN: [TRTFNC](#)
16. Vnutskikh A., Komarov S. Lebenswelt, Digital Phenomenology, and the Modification of Human Intelligence // Technology and Language. 2024. Vol. 5, № 2 (15). P. 67–79. doi: [10.48417/technolang.2024.02.06](https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06)
17. Лясковская Е. А. Региональные особенности цифровизации в субъектах Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2024. Т. 18, № 1. С. 53–68. doi: [10.14529/em240105](https://doi.org/10.14529/em240105) EDN: [FJDJGG](#)

18. Хохлов Р. Р., Герасимова П. А., Мешков И. А. К вопросу о влиянии цифровых технологий на психику молодежи // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 115–3. С. 50–53. doi: [10.18411/trnio-11-2024-108](https://doi.org/10.18411/trnio-11-2024-108) EDN: GYIXTX
19. Корунова В. О., Шакирова А. Ф. Цифровые технологии в жизни россиян: о потребностях, возможностях и опасностях // Kazan digital week – 2024 : сб. материалов Междунар. форума (г. Казань, 9–11 сентября 2024 г.). Казань : Научный центр безопасности жизнедеятельности, 2024. С. 536–542. EDN: ZCSOLI
20. Великая Н. М., Гребняк О. В. Развитие человеческого потенциала в условиях цифровой трансформации в современной России // Вопросы управления. 2023. № 2 (81). С. 33–44. doi: [10.22394/2304-3369-2023-2-33-44](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-33-44) EDN: XWSLDJ
21. Теоретико-методические основы исследования цифровой инклюзии в России / С. В. Плясова, С. В. Языкова, Е. В. Конищев, И. В. Арасланбаев // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11, № 2. С. 46–60. doi: [10.35266/2312-3419-2023-2-46-60](https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-2-46-60) EDN: SGPZPO

References

1. Stolbova N.V. Lost in space from 1965 to 2018: The formation of cyberorganic communities. *Nauka televideniya = The Science of television*. 2023;19(3):123–149. (In Russ.). doi: [10.30628/1994-9529-2023-19.3-123-149](https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.3-123-149)
2. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya = The social construction of reality: a treatise on the sociology of knowledge*. Transl. by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995:323. (In Russ.)
3. Berger P. *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoy teorii religii = The sacred veil: elements of a sociological theory of religion*. Transl. from English by R. Safronov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019:208. (In Russ.)
4. Shmaliy V.V. Towards a definition of digital theology. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyy zhurnal o religii = Studia Religiosa Rossica: a scholarly journal on religion*. 2024;(3):102–109. (In Russ.). doi: [10.28995/2658-4158-2024-3-102-109](https://doi.org/10.28995/2658-4158-2024-3-102-109)
5. Pluzhnikova N.N., Kovaleva S.V. Phenomenology of technology: philosophical constructs of D. Hume, E. Husserl, and R. Carnap. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2024;(11):194–196. (In Russ.)
6. Dobrorodny D.G., Vereshchako A.I. The status of technical objects with artificial intelligence in modern society. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2024;(1):66–74. (In Russ.)
7. Levinas E. Notes on meaning. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami: sb. st. = Post-phenomenology: new phenomenology in France and beyond: collection of articles*. Moscow: Akademicheskii proekt: Gaudeamus, 2014:18–38. (In Russ.)
8. Belkina V.A. Methodological resources of postphenomenology in studying the role of technology in the “environment – man – society” system. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: istoricheskie, filosofskie, metodologicheskie aspekty: sb. st. region. nauch. konf. molodykh uchenykh (g. Kursk, 7 maya 2021 g.) = Current issues of modern science: historical, philosophical, and methodological aspects: Proceedings of the regional scientific conference of young scientists (Kursk, May 7, 2021)*. Kursk: Universitetskaya kniga, 2021:169–172. (In Russ.)
9. Marion Zh.-L. A rich phenomenon. *(Post)fenomenologiya: novaya fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami: sb. st. = Post-phenomenology: new phenomenology in France and beyond: collection of articles*. Moscow: Akademicheskii proekt : Gaudeamus, 2014:63–99. (In Russ.)
10. Ioganson E.N. (Martin-Ioganson E.). Philosophy of Technology before and after the empirical turn. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2024;(503):132–139. (In Russ.). doi: [10.17223/15617793/503/13](https://doi.org/10.17223/15617793/503/13)
11. Mun'e E. *Manifest personalizma: monografiya = The manifesto of personalism: a monograph*. Transl. by I.S. Vdovina, V.M. Volodin. Moscow: Respublika, 1999:599. (In Russ.)
12. Levinas E., Derrida Zh. *Izbrannoe: Total'nost' i Beskonechnoe = Featured: totality and the infinite*. Moscow: Universitetskaya kniga, 2000:416. (In Russ.)
13. Li V. A phenomenological study of the interaction of art and technology in a temporal perspective. *Kul'tura i tsivilizatsiya = Culture and civilization*. 2024;14(3–1):80–90. (In Russ.)

14. Ihde D. *Technology and the Lifeworld, From Garden to Earth*. Bloomington: Indiana University Press, 1990:602. Available at: <https://archive.org/details/technologylifewo00ihde/mode/2up>
15. Zaytsev A.A., Novikov S.V. The digital environment of eternal values – theology in digital form. *Teologicheskoe obrazovanie v usloviyakh tsifrovoy kul'tury: tsennosti, smysly, obrazovatel'nye praktiki: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg 27 oktyabrya 2022 g.) = Theological education in the context of digital culture: values, meanings, and educational practices: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ekaterinburg, October 27, 2022)*. Ekaterinburg: Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet, 2023:44–49. (In Russ.)
16. Vnitskikh A., Komarov S. Lebenswelt, Digital Phenomenology, and the Modification of Human Intelligence. *Technology and Language*. 2024;5(2):67–79. doi: [10.48417/technolang.2024.02.06](https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.06)
17. Lyaskovskaya E.A. Regional features of digitalization in the constituent entities of the Russian Federation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and Management*. 2024;18(1):53–68. (In Russ.). doi: [10.14529/em240105](https://doi.org/10.14529/em240105)
18. Khokhlov R.R., Gerasimova P.A., Meshkov I.A. On the impact of digital technologies on the psyche of young people. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2024;(115–3):50–53. (In Russ.). doi: [10.18411/trnio-11-2024-108](https://doi.org/10.18411/trnio-11-2024-108)
19. Korunova V.O., Shakirova A.F. Digital technologies in the lives of Russians: needs, opportunities, and dangers. *Kazan digital week – 2024: sb. materialov Mezhdunar. foruma (g. Kazan', 9–11 sentyabrya 2024 g.) = Kazan Digital Week 2024: Proceedings from the International Forum (Kazan, September 11, 2024)*. Kazan: Nauchnyy tsentr bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti, 2024:536–542. (In Russ.)
20. Velikaya N.M., Grebnyak O.V. Development of human potential in the context of digital transformation in modern Russia. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2023;(2):33–44. (In Russ.). doi: [10.22394/2304-3369-2023-2-33-44](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-33-44)
21. Plyasova S.V., Yazykova S.V., Konishchev E.V., Araslanbaev I.V. Theoretical and methodological foundations for studying digital inclusion in Russia. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Surgut State University*. 2023;11(2):46–60. (In Russ.). doi: [10.35266/2312-3419-2023-2-46-60](https://doi.org/10.35266/2312-3419-2023-2-46-60)

Информация об авторе / Information about the author

М. А. Антипов – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры церковной истории и философии, Пензенская духовная семинария, 440023, г. Пенза, ул. Перекоп, 4. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4672-7144>

M.A. Antipov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Church History and Philosophy, Penza Theological Seminary, 4 Perekop street, Penza, 440023. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4672-7144>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 04.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 09.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 1 : 32 (470+571)

EDN: BYLEZL

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-13

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ И ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

Антон Алексеевич Долматов

Ульяновский государственный технический университет, Ульяновск, Россия

antdolmatow@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Современное противостояние России и Запада обнаруживает геополитический, геоэкономический и ценностный конфликт, что свидетельствует о двух диаметрально противоположных социально-политических дискурсах, которым следуют Россия и Запад. Для концептуальной поддержки российского социально-политического дискурса представляется перспективным обращение к философско-историческому учению Н. А. Бердяева. Цель работы – обосновать эвристический и праксеологический потенциал данного учения, способного укрепить позиции России в условиях геополитического вызова со стороны западного мира. *Материалы и методы.* Реализация задач исследования была осуществлена на основе анализа философских и публицистических работ Н. А. Бердяева. Методологической базой является методология исследовательских программ И. Лакатоса, позволяющая рассмотреть социально-политический дискурс как «исследовательскую программу» с «твердым ядром» и «защитным поясом». В настоящем исследовании данная терминология применяется за счет частичного метафорического структурирования согласно используемой теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. *Результаты.* Отмечается, что современный российский социально-политический дискурс, фундированный традиционными духовно-нравственными ценностями, недостаточно концептуально обеспечен в условиях геополитического противоборства с Западом. Использование философско-исторической концепции Н. А. Бердяева для обеспечения российского социально-политического дискурса с точки зрения историографии, посвященной его учению, является дискуссионным вопросом. Указываются точки зрения ученых в отношении потенциала концепции Н. А. Бердяева. В результате предпринятого анализа выявлены перспективные для социально-политического применения концепты: персонализм как социальное мировоззрение, социальная демократия как политическая система, русская идея как историческая миссия России в мире. *Выводы.* Творческая разработка концептов персонализма, социальной демократии и русской идеи Н. А. Бердяева для теоретического обоснования российской модели социально-политического развития может способствовать укреплению места и роли России в формирующемся многополярном мире.

Ключевые слова: Н. А. Бердяев, социально-политический дискурс, традиционные ценности, русская идея, социальная демократия, персонализм

Для цитирования: Долматов А. А. Эвристический и праксеологический потенциал философско-исторического учения Н. А. Бердяева в современном социально-политическом дискурсе России // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 135–143. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-13 EDN: BYLEZL

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

Original article

HEURISTIC AND PRAXEOLOGICAL POTENTIAL OF N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL DOCTRINE IN THE MODERN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE OF RUSSIA

Anton A. Dolmatov

Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia
antdolmatow@yandex.ru

Abstract. *Background.* The current confrontation between Russia and the West reveals a geopolitical, geoeconomic, and value conflict, which indicates two diametrically opposed socio-political discourses followed by Russia and the West. For the conceptual support of Russian socio-political discourse, it seems prospective to turn to the philosophical and historical doctrine of N.A. Berdyaev. The purpose of the work is to substantiate the heuristic and praxeological potential of N.A. Berdyaev's philosophical and historical doctrine, which can strengthen Russia's position in the context of the geopolitical challenge from the Western world. *Materials and methods.* The implementation of the research objectives was carried out based on the analysis of N.A. Berdyaev's philosophical and journalistic works. The methodological framework of the study is based on the methodology of research programs by I. Lakatos, which allows us to consider socio-political discourse as a “research program” with a “hard core” and a “protective belt”. In this study, I. Lakatos's terminology is applied through partial metaphorical structuring, according to the theory of conceptual metaphor by G. Lakoff and M. Johnson. *Results.* It is noted that the modern Russian socio-political discourse, based on traditional spiritual and moral values, is not conceptually sufficient in the context of the geopolitical confrontation with the West. The use of N.A. Berdyaev's philosophical and historical doctrine to support Russian socio-political discourse from the perspective of historiography dedicated to N.A. Berdyaev's doctrine is debatable. The points of view of scientists regarding the potential of N.A. Berdyaev's doctrine are indicated. As a result of the analysis of N.A. Berdyaev's doctrine, the following concepts were identified as prospective for socio-political application: personalism as a social worldview, social democracy as a political system, and the Russian idea as Russia's historical mission in the world. *Conclusions.* The creative improvement of the N.A. Berdyaev's concepts of personalism, social democracy, and Russian idea for the theoretical justification of the Russian model of socio-political development can contribute to strengthening Russia's place and role in the emerging multipolar world.

Keywords: N.A. Berdyaev, socio-political discourse, traditional values, Russian idea, social democracy, personalism

For citation: Dolmatov A.A. Heuristic and praxeological potential of N.A. Berdyaev's philosophical and historical doctrine in the modern socio-political discourse of Russia. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):135–143. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-13

Введение

Специфика современного социально-политического и геополитического положения России обуславливается небывалым со времен самых кризисных периодов холодной войны противостоянием с коллективным Западом. Данное противостояние на современном этапе определяется отечественными и зарубежными аналитиками терминами «опосредованная война» [1, с. 7], «прокси-война» [2, с. 111]. Российские эксперты в области внешней и оборонной политики отмечают геополитическую и геоэкономическую основу противоборства. «...Мы (Россия. – А. Д.)

действительно расшатали основу того мирового порядка, в котором западники главенствовали и получали от этого жирные дивиденды», – подчеркивает С. А. Караганов [3, с. 28]. Отмечается также ценностная подоплека конфликта между Россией и постхристианской Европой [4, с. 339], в которой, как указывает Д. В. Тренин, «происходит лавинообразное ослабление традиционных, особенно христианских, ценностей, на смену которым приходят ценности трансгуманизма» [4, с. 251].

В конфликте России и Запада обнаруживается противоборство двух кардинально противоположных социально-политических дискурсов, которым соответственно следуют в России и на Западе. Конфликт России и Запада суть борьба социально-политического дискурса традиционных ценностей, укрепление которого в коммуникации российской власти и общества приобрело устойчивую тенденцию за последнее десятилетие, и западного социально-политического дискурса либеральных ценностей, претендующего на глобальное доминирование.

Материалы и методы

В рамках используемого в данной статье терминологического инструментария методологии исследовательских программ И. Лакатоса о противоборстве современного российского социально-политического дискурса традиционных ценностей и западного социально-политического дискурса либеральных ценностей следует говорить как о соперничестве двух «исследовательских программ». Необходимо отметить, что разработанная и примененная И. Лакатосом для анализа теорий в сфере естественных наук концептуальная терминология: «исследовательская программа», «твердое ядро», «защитный пояс» – в настоящем исследовании используется в частично метафорическом структурировании.

Обозначенный методологический подход в понимании абстрактного концепта социально-политического дискурса с использованием терминологического инструментария, относящегося к естественно-научной семантической области, находится в русле теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно этой теории «метафора – это прежде всего способ постижения одной вещи в терминах другой, и таким образом ее основная функция заключается в обеспечении понимания» [5, с. 62]. В рамках экспликации метафоры как когнитивного феномена, связанного с обеспечением понимания абстрактных концептов, использование лакатосовской терминологии нами было ранее обосновано как перспективный способ исследования социально-политических дискурсов [6].

Основная часть

Наш исследовательский интерес сосредоточен на современном российском социально-политическом дискурсе. Проблема этого дискурса заключается в недостаточном концептуальном обеспечении в условиях геополитического противостояния с Западом. Дискурс традиционных ценностей лишь относительно недавно занял ключевую позицию в динамике российской социально-политической системы: с вступлением в силу поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г. Однако заметное усиление дискурса традиционных ценностей в общественно-политической дискуссии произошло после избрания В. В. Путина на пост Президента России в 2012 г. Так, концепт русского мира, который однозначно следует трактовать в логике развития современного российского дискурса традиционных ценностей, как отмечает Ф. А. Лукьянов, послужил для аргументации присоединения к России Республики Крым и Севастополя в 2014 г. [7, с. 10]. С началом специальной военной операции в 2022 г. необходимость в концептуальном обеспечении российского социально-политического дискурса традиционных ценностей для парирования идеологических угроз, разработки модели внутреннего общественно-политического развития и позиционирования России в мире стала остроактуальной.

С нашей точки зрения, эвристическим и праксеологическим потенциалом в современном социально-политическом дискурсе России обладает философско-историческое учение Н. А. Бердяева. Однако такая точка зрения может быть предметом обсуждения. Ряд исследователей ставят под сомнение наличие конкретной социально-политической программы у Н. А. Бердяева [8, с. 332–333; 9; 10]. С другой стороны, отечественные и зарубежные ученые указывают

на потенциал его философско-исторического учения с точки зрения возможности социально-политического использования. При этом они обращают внимание на возросшую актуальность идей Н. А. Бердяева в связи с обострившимися геополитическими вызовами России. М. А. Маслин указывает, что в условиях новой холодной войны, объявленной Западом против России, именно русская идея Н. А. Бердяева как коммюнитарность людей и братство народов – это недооцененный ресурс против западного милитаризма и русофобии [11, с. 19–20]. А. И. Иваненко также указывает на потенциал русской идеи Н. А. Бердяева как альтернативной в современном мире системы ценностей, способной обеспечить функционирование российской политической модели [12].

Русская идея Н. А. Бердяева как концепция сохраняет свою значимость среди западных исследователей, изучающих как историю, так и настоящее России. А. Сильяк отмечает, что русская мессианская идея, осмыслявшаяся Н. А. Бердяевым, одна из последних пользующихся авторитетом в западном научном сообществе «“эссенциализирующих” парадигм» [13, р. 763]. В этой связи В. В. Ванчугов считает, что идеи мыслителя можно использовать в западной аудитории в контексте «мягкой силы» [14, с. 132]. Подчеркиваются и другие концепты философско-исторического учения Н. А. Бердяева, остающиеся востребованными в современных условиях. Например, В. П. Изергина и Н. И. Изергина отмечают актуальность его персоналистического учения в выстраивании социального мировоззрения в России [15].

В нашем исследовании мы рассмотрим концепты философско-исторического учения Н. А. Бердяева: русскую идею, социальную демократию и персонализм – в ракурсе их возможного использования для концептуального оснащения российского социально-политического дискурса традиционных ценностей. Анализируя социально-политический дискурс как «исследовательскую программу», мы выделяем в нем метафизическое ядро («твердое ядро») и «защитный пояс». Метафизическое ядро образует базисное суждение (суждения), конвенционально принятое как истинное в рамках определенной системы понятийных координат, служащее посылкой опровергаемых концептуализированных высказываний, например, социально-политических учений и доктрин. Основоположение метафизического ядра невозможно без веры, выражаемой базисным суждением (суждениями).

Метафизическое ядро современного российского социально-политического дискурса образуют суждения традиционных ценностей. В ходе общероссийского голосования в 2020 г. были одобрены поправки в Конституцию Российской Федерации, среди которых есть упоминание о Боге (ст. 67.1, ч. 2), о сохранении традиционных семейных ценностей (ст. 114, ч. 1, п. «в»)¹. Указом Президента России традиционные российские духовно-нравственные ценности получили нормативно-правовой статус, причем было подчеркнуто значение исторических конфессий, особенно православия, в становлении и укреплении традиционных ценностей в России².

С нашей точки зрения, концептуально обеспечить метафизическое ядро российского социально-политического дискурса традиционных ценностей способно персоналистическое учение Н. А. Бердяева. В персонализме, разрабатывавшемся философом, права и свободы отдельного человека сопрягаются с духовно-нравственными ценностями: Бог, Богочеловечество, соборное единство личностей, Родина, семья, любовь, свобода, творчество, справедливость. Общество и государство Н. А. Бердяев определял как духовные ценности второго и третьего порядка [16, с. 175]. Государству придавалось функциональное значение, связанное с защитой прав и свобод человека, преодолением безработицы, нужды, трудового угнетения, природных и антропогенных бедствий. В то же время общество понималось как система знаково-символических коммуникаций, нуждающихся в упорядочении через принцип социальной

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета : интернет-портал. URL: <https://rg.ru/documents/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения: 10.09.2025).

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации № 809 от 9 ноября 2022 г. // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.09.2025).

справедливости для перехода к более высокой ступени духовной общности – коммуниону или, другими словами, соборности.

Иерархию ценностей Н. А. Бердяев выстраивал с позиции личности, находящейся в соборном или коммюнитарном, по терминологии философа, единстве с другими личностями. Н. А. Бердяев подчеркивал: «...персонализм ни в коем случае не должно смешивать с индивидуализмом, который губит европейского человека. Это персонализм коммюнитарный и социальный» [17, с. 193]. Персоналистическое мировоззрение является более гибкой формой общности, в которой преодолеваются крайности индивидуализма, но отсутствует стремление к обобществлению индивидуумов.

Для обеспечения твердого ядра, согласно методологии исследовательских программ И. Лакатоса, образуется защитный пояс, который состоит из дополнительных концепций, действовавших для усиления объяснительного и эвристического потенциала исследовательской программы в рамках соперничества с другими исследовательскими программами. С нашей точки зрения, в «защитный пояс» российского социально-политического дискурса традиционных ценностей должны быть включены концепции перспективного общественно-политического развития и глобального позиционирования России.

В вопросе модели развития России Н. А. Бердяев отстаивал тезис о новой политической системе, идущей на смену либеральной демократии, – социальной демократии. Концепт социальной демократии наиболее ярко стал фигурировать в позднем периоде творчества философа, хотя встречался и в раннем. После Второй мировой войны Н. А. Бердяев подчеркивал: «Будущее принадлежит новой форме демократии, демократии социальной» [17, с. 324]. Он был уверен, что Россия в исторической перспективе придет к своему типу социальной демократии: «Не думаю, чтобы Россия шла к демократиям западного типа, она создаст свой тип советской социальной демократии, но она должна идти к свободе, к реальной свободе» [17, с. 295].

Концепт социальной демократии Н. А. Бердяева не является аналогом или вариантом политических доктрин христианской демократии, народной демократии, социал-демократии или демократического социализма, распространившихся в Новейшее время. От доктрины христианской демократии концепт социальной демократии Н. А. Бердяева отличается критическим отношением к западной либерально-капиталистической системе; от народной демократии – отвержением марксизма-ленинизма; от социал-демократии и демократического социализма – приоритетом христианства. Подлинным источником концепта социальной демократии Н. А. Бердяева является доктрина «христианского социализма», которую, несмотря на скептическое отношение к самому термину «христианский социализм», развил философ в послереволюционном творчестве, размышляя над возможностью социальной политики в пользу организованных форм труда при духовном содействии христианской Церкви.

Н. А. Бердяев не развернул целостного представления о социальной демократии в каком-либо одном сочинении. Однако вполне возможно концептуализировать модель общественно-политического устройства России на основе анализа его философских и публицистических трудов. По форме правления социальная демократия предусматривает сильные полномочия президента. Н. А. Бердяев писал: «Без такого единоличного начала невозможны никакие реформы. Демократическое начало само по себе делается инертным и консервативным, оно неизбежно должно сочетаться с элементом аристократическим и монархическим, понимая под монархическим не монархию, а единоличность в форме президента с сильной властью или вождя» [18, с. 336]. По форме государственного устройства социальная демократия предполагает федерацию [19, с. 122].

Представительные и законодательные органы власти становятся «деловыми профессиональными парламентами, собранными на основаниях представительства реальных корпораций (имеются в виду отраслевые профессиональные корпорации и союзы. – А. Д.), которые будут не бороться за политическую власть, а решать жизненные вопросы, решать, например, вопросы сельского хозяйства, народного образования и т.п. по существу, а не для политики» [20, с. 250]. Философ отдавал предпочтение синдикалистскому общественному устройству, которое он называл творческо-трудовым.

В экономике Н. А. Бердяев выступал за смешанную модель, в которой были бы представлены государственный, кооперативный и частный секторы. Особое значение он придавал развитию кооперативных предприятий и управляемых рабочими коллективами трудовых синдикатов [21, с. 443]. Важная роль, связанная с актуализацией в обществе духовно-нравственных ценностей, отводилась Церкви. В философском учении Бердяева Русская Православная Церковь признается исторически значимым конфессиональным объединением России, русский народ – ядром многонационального российского государства.

Н. А. Бердяев утверждал, что у России должна быть своя собственная футурологическая перспектива – русская идея. Она понималась философом как миссия России по созданию более справедливого миропорядка: «Русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более человечный социальный строй, чем тот, который существует на Западе. Он должен осуществлять братство людей и братство народов. Такова русская идея» [17, с. 255]. Н. А. Бердяев указывал, что миссия России проявится с кризисом европейской христианской культуры. В 1922 г. философ писал: «Час наш еще не настал. Он связан будет с кризисом европейской культуры» [20, с. 381]. С русской идеей тесно связаны размышления Н. А. Бердяева о необходимости третьей силы на глобальной геополитической арене [22]. В геополитической третьей силе подразумеваются имплицитные чаяния философа о будущей России.

Заключение

Представляется перспективным творческое развитие концептов персонализма, социальной демократии и русской идеи Н. А. Бердяева, способных концептуально обеспечить согласно используемой в исследовании лакатосовской терминологии метафизическое ядро («твердое ядро») и «защитный пояс» российского социально-политического дискурса традиционных ценностей. Концептуальное обеспечение метафизического ядра российского дискурса традиционных ценностей на базе персонализма отвечает на вызов культурного релятивизма, утверждающего несводимость различных культур, конфессий и ценностей. В рамках персоналистического мировоззрения вполне возможно разработать духовно-нравственный базис, который содействовал бы нахождению устойчивого взаимопонимания и согласия между российскими гражданами разных национальностей и конфессий, что было названо Патриархом Московским и всея Руси Кириллом (Гундяевым) нравственным консенсусом для мирного человеческого общежития [23].

«Защитный пояс» российского дискурса традиционных ценностей способны укрепить концепты социальной демократии и русской идеи. С нашей точки зрения, эволюционное развитие партийно-политической системы современной России в направлении более значительного представительства профессиональных союзов и объединений в Государственной Думе Российской Федерации, законодательных собраниях субъектов Федерации и муниципальных советах отражало бы большую связь представительной ветви власти с реальными экономическими и духовно-культурными интересами российского народа. Этой же задаче отвечает разработка законодательного механизма, обеспечивающего за трудовыми коллективами права совладельцев предприятий, что могло бы компенсировать негативные социальные и политические последствия приватизационных процессов 1990-х гг.

С нашей точки зрения, стратегическое развитие российской социально-политической системы и глобальное позиционирование России как третьей силы – социальной демократии, отличающейся от либеральной демократии Запада и от социалистического государства Китая (социализма с китайской спецификой), могло бы стать выражением русской идеи в XXI в., способствуя укреплению места и роли страны в формирующемся многополярном мире.

Список литературы

1. Тренин Д., Авакянц С., Караганов С. От сдерживания к устраниению. М. : Молодая гвардия, 2024. 152 с.

2. Ким Сон Мён. Украинский кризис. Армагеддон или мирные переговоры? Комментарии американского ученого Ноама Хомского. М. : Дашков и К°, 2025. 144 с.
3. Караганов С. А. О третьей холодной войне // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 4 (110). С. 21–34. EDN: [RMCQUP](#)
4. Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М. : Альпина Паблишер, 2021. 471 с.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 256 с. EDN: [QRAADX](#)
6. Долматов А. А. Потенциал методологии И. Лакатоса в исследовании социально-политических дискурсов // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, № 2. С. 100–104. doi: [10.18500/1819-7671-2025-25-2-100-104](#) EDN: [GQWTEK](#)
7. Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил : монография / А. Арбатов, И. Окунев, А. Яковенко [и др.]. М. : Эксмо, 2015. 384 с. EDN: [WARKTL](#)
8. Волкогонова О. Д. Бердяев. М. : Молодая гвардия, 2010. 390 с. EDN: [PFALXM](#)
9. Маркова Т. В., Шетулова Е. Д. Общественный идеал в философии Н. А. Бердяева // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4. С. 25–30. doi: [10.25730/VSU.7606.19.051](#) EDN: [FBEIAM](#)
10. Макарова А. Ф. Социализм – это персонализм: Н. А. Бердяев о «правильном» общественном устройстве // Философский журнал. 2024. Т. 17, № 2. С. 37–50. doi: [10.21146/2072-0726-2024-17-2-37-50](#) EDN: [AIIDLR](#)
11. Маслин М. А. К вопросу о консерватизме Николая Бердяева // Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 11–20. doi: [10.24030/24092517-2018-0-2-11-20](#) EDN: [YURRXV](#)
12. Иваненко А. И. Проблема национальной атрибуции в философии // Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 135–140. doi: [10.24030/24092517-2018-0-2-135-140](#) EDN: [YURSBN](#)
13. Siljak A. Nikolai Berdiaev and the Origin of Russian Messianism // The Journal of Modern History. 2016. Vol. 88, no. 4. P. 737–763. doi: [10.1086/688982](#)
14. Ванчугов В. В. Бердяев today: образ мыслителя в современном англоязычном мире // Тетради по консерватизму. 2018. № 2. С. 127–134. doi: [10.24030/24092517-2018-0-2-127-134](#) EDN: [YURSBF](#)
15. Изергина В. П., Изергина Н. И. Актуализация религиозно-философского понимания личности (к 150-летию со дня рождения Н. А. Бердяева) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2024. Т. 24, № 4 (68). С. 385–395. doi: [10.24412/2078-9823.068.024.202404.385-395](#) EDN: [CQXFZI](#)
16. Бердяев Н. А. О назначении человека. М. : Республика, 1993. 382 с. EDN: [TJNGST](#)
17. Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения / послесл. В. Г. Безносова. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1996. 383 с.
18. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с. EDN: [TJMLWL](#)
19. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : АСТ, 2006. 349 с. EDN: [QWNCQZ](#)
20. Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье / сост. и коммент. В. В. Сапова. М. : Канон+, 2002. 446 с.
21. Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 445 с.
22. Бердяев Н. А. О духовной буржуазности / предисл. А. П. Козырева. М. : Nouveaux Angles, 2022. 184 с.
23. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово к ближним и дальним : собрание трудов. Серия IV. Т. 6. М. : Издательство Московской Патриархии, 2020. 440 с.

References

1. Trenin D., Avakyants S., Karaganov S. *Ot sderzhivaniya k ustrasheniyu = From deterrence to intimidation*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2024:152. (In Russ.)
2. Kim Son Men. *Ukrainskiy krizis. Armageddon ili mirnye peregovory? Kommentarii amerikanskogo uchenogo Noama Khomskogo = The Ukrainian Crisis. Armageddon or Peaceful Negotiations? Comments by American Scientist Noam Chomsky*. Moscow: Dashkov i K°, 2025:144. (In Russ.)
3. Karaganov S.A. About the Third Cold War. *Rossiya v global'noy politike = Russia in Global Affairs*. 2021;19(4):21–34. (In Russ.)

4. Trenin D. *Novyy balans sil: Rossiya v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiya* = *The New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium*. Moscow: Al'pina Publisher, 2021:471. (In Russ.)
5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* = *Metaphors we live by*. Transl. from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova; edited and with a preface by A.N. Baranov. Moscow: URSS, 2004:256. (In Russ.)
6. Dolmatov A.A. The potential of I. Lakatos' methodology in the study of socio-political discourses. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika.* = *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2025;25(2):100–104. (In Russ.). doi: [10.18500/1819-7671-2025-25-2-100-104](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-100-104)
7. Arbatov A., Okunev I., Yakovenko A. et al. *Rossiya v global'noy politike. Novye pravila igry bez pravil: monografiya* = *Russia in global politics: new rules for a no-rules game: a monograph*. Moscow: Eksmo, 2015:384. (In Russ.)
8. Volkogonova O.D. *Berdyayev*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2010:390. (In Russ.)
9. Markova T.V., Shetulova E.D. The Social Ideal in the Philosophy of N.A. Berdyayev. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Herald of Vyatka State University*. 2019;(4):25–30. (In Russ.). doi: [10.25730/VSU.7606.19.051](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.051)
10. Makarova A.F. Socialism is personalism: Nikolai Berdyayev about the «proper» social organization. *Filosofskiy zhurnal* = *Philosophy Journal*. 2024;17(2):37–50. (In Russ.). doi: [10.21146/2072-0726-2024-17-2-37-50](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2024-17-2-37-50)
11. Maslin M.A. On the issue of Nikolaj Berdyayev's conservatism. *Tetradi po konservatizmu* = *Essays on Conservatism*. 2018;(2):11–20. (In Russ.). doi: [10.24030/24092517-2018-0-2-11-20](https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-2-11-20)
12. Ivanenko A.I. The problem of national attribution in philosophy. *Tetradi po konservatizmu* = *Essays on Conservatism*. 2018;(2):135–140. (In Russ.). doi: [10.24030/24092517-2018-0-2-135-140](https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-2-135-140)
13. Siljak A. Nikolai Berdiaev and the Origin of Russian Messianism. *The Journal of Modern History*. 2016;88(4):737–763. doi: [10.1086/688982](https://doi.org/10.1086/688982)
14. Vanchugov V.V. Berdyayev Today: The Image of the Russian Philosopher in the Contemporary English-Speaking World. *Tetradi po konservatizmu* = *Essays on Conservatism*. 2018;(2):127–134. (In Russ.). doi: [10.24030/24092517-2018-0-2-127-134](https://doi.org/10.24030/24092517-2018-0-2-127-134)
15. Izergina V.P., Izergina N.I. Actualization of the Religious and Philosophical Understanding of Personality (on the 150th anniversary of the birth of N.A. Berdyayev). *Gumanitarniy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya* = *Russian Journal of the Humanities*. 2024;24(4):385–395. (In Russ.). doi: [10.24412/2078-9823.068.024.202404.385-395](https://doi.org/10.24412/2078-9823.068.024.202404.385-395)
16. Berdyayev N.A. *O naznachenii cheloveka* = *On the purpose of man*. Moscow: Respublika, 1993:382. (In Russ.)
17. Berdyayev N. A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniya* = *Truth and revelation: prolegomena to the critique of Revelation*. Saint Petersburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 1996:383. (In Russ.)
18. Berdyayev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* = *The philosophy of free spirit*. Moscow: Respublika, 1994:480. (In Russ.)
19. Berdyayev N.A. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya* = *Kingdom of the Spirit and Kingdom of Caesar*. Moscow: AST, 2006:349. (In Russ.)
20. Berdyayev N.A. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* = *The meaning of history: The new Middle Ages*. Moscow: Kanon+, 2002:446. (In Russ.)
21. Berdyayev N.A. *Dukhovnye osnovy russkoy revolyutsii. Istoki i smysl russkogo kommunizma* = *The spiritual foundations of the Russian revolution. The origins and meaning of Russian communism*. Moscow: AST: Khranitel', 2006:445. (In Russ.)
22. Berdyayev N.A. *O dukhovnoy burzhuanosti* = *On spiritual bourgeoisness*. Moscow: Nouveaux Angles, 2022:184. (In Russ.)
23. Kirill, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rusi. *Slovo k blizhnim i dal'nim: sobranie trudov. Seriya IV. T. 6* = *A word to those near and far: a collection of works. Series IV. Vol. 6*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii, 2020:440. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Долматов – аспирант, Ульяновский государственный технический университет, 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5465-6395>

A.A. Dolmatov – Postgraduate student, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets Street, Ulyanovsk, 432027. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5465-6395>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 19.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 130.2: 004:32.019.5

EDN: OBVOES

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-14

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Технологическое противостояние XXI в. представляет собой полноценную войну нового типа, которая несет в себе ряд беспрецедентных антропологических рисков. Полному пересмотру подлежат способы идентичности человека, построения его карьерной, социальной и личной жизни, хранения и защиты персональных данных и многие другие параметры, которые в совокупности полноценно определяют человека в социуме. Цель исследования – раскрытие и анализ антропологических рисков, обусловленных технологической войной как перспективным направлением межгосударственного противоборства в рамках войны нового поколения. *Материалы и методы.* В основу настоящего исследования был положен антропологический анализ. С его помощью были рассмотрены антропологические риски, которые порождает технологическая война в цифровом пространстве, а также изучены их последствия, уже наступившие и предполагаемые в будущем. Также были использованы философско-культурологический метод и сетевой подход. *Результаты.* Рассмотрено антропологическое измерение технологической войны, т.е. ее гуманитарное, а не сугубо техническое, измерение. Отмечены характеристики новой идентичности современного человека, в которой обязательным элементом становится цифровой аспект. Раскрыты новые критерии неравенства, усугубляющим фактором становится технологическая отсталость, которую человек не сможет преодолеть, находясь на «цифровой периферии». *Выводы.* Технологическая война поднимает сразу несколько вопросов, поиск ответов на которые позволит современному человеку успешно адаптироваться к происходящим в цифровую эпоху изменениям. Новая этика, цифровая и культурная гигиена помогут человеку найти сбалансированный вариант адаптации. Человек – продукт независимого развития национального государства, именно поэтому в первую очередь ориентированность на привычные (культурно обусловленные) модели поведения и вместе с тем повышение цифровой вовлеченности и грамотности позволят повысить адаптационный потенциал личности в эпоху тотальной цифровизации.

Ключевые слова: человек, природа, противостояние, трансформация, технологии, развитие, адаптивность, независимость

Для цитирования: Ковалев А. А. Антропологические риски цифровой эпохи: технологическая война // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 144–154. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-14 EDN: OBVOES

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

THE ANTHROPOLOGICAL RISKS OF THE DIGITAL AGE: THE TECHNOLOGICAL WAR

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. *Background.* The technological confrontation of the 21st century is a full-fledged war of a new type, which carries a number of unprecedented anthropological risks. The methods of a person's identity, building his career, social and personal life, storing and protecting personal data, and many other parameters that together fully define a person in society are subject to complete revision. The purpose of the study is to reveal and analyze the anthropological risks caused by technological warfare as a promising area of interstate confrontation within the framework of the new generation war. *Materials and methods.* The present study is based on an anthropological analysis. With its help, the anthropological risks posed by the technological war in the digital space were considered, as well as their consequences, which have already occurred and are expected in the future. The philosophical and cultural method and the network approach were also used. *Results.* The anthropological dimension of technological warfare is considered, that is, its humanitarian, rather than purely technical, dimension. The characteristics of the new identity of a modern person are noted, in which the digital aspect becomes an indispensable element. New criteria of inequality are being revealed, and technological backwardness, which a person cannot overcome while on the «digital periphery», is becoming an aggravating factor. *Conclusions.* The technological war raises several questions at once, the search for answers to which will allow a modern person to successfully adapt to the changes taking place in the digital age. New ethics, digital and cultural hygiene will allow a person to find a balanced adaptation option. A person is a product of the independent development of a nation-state, which is why, first of all, focusing on habitual (culturally conditioned) behaviors and, at the same time, increasing digital engagement and literacy will increase the adaptive potential of the individual in the era of total digitalization.

Keywords: man, nature, confrontation, transformation, technology, development, adaptability, independence

For citation: Kovalev A.A. The anthropological risks of the digital age: the technological war. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):144–154. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-14

Введение

В последние несколько лет качественно изменились способы ведения международного соперничества, поскольку в этот период произошли серьезные трансформации, среди которых преобразование цифровых платформ, распространение влияния искусственного интеллекта, биотехнологий, автоматизированных систем и новых средств коммуникации. Тем самым можно констатировать, что современное межгосударственное противоборство определяется борьбой за ресурсы цифрового мира, которые представлены контролем над инфраструктурой, обработкой данных, созданием и внедрением ключевых технологических стандартов.

Развитие технологической сферы затрагивает не только область экономики и безопасность, но и антропологическую сферу. Это воздействие проявляется в том, что усиливается влияние цифровых технологий на повседневные решения, социальное поведение, профессиональные стратегии, а также формы коллективной и индивидуальной ответственности. В результате

отмечается изменение структуры мышления и способов участия в общественной жизни, на основании чего актуализируются вопросы переоценки личных ориентиров и границ личной свободы [1, р. 529].

Использование технологических достижений против человека, его природы и свободы позволяет говорить о том, что в настоящее время развязана технологическая война в рамках войны нового поколения, получившей название «гибридной» и затронувшей антропологические аспекты [2, с. 8]. Современный этап характеризуется недостаточностью и неполнотой разработок в сфере проблемы влияния технологических достижений на человеческое существование, а также необходимостью выявить и преодолеть скрытые угрозы в управлении социальной и индивидуальной жизнью. Особое значение приобретает изучение моральных дилемм, связанных с применением автоматизированных решений, контролем поведения и неравномерным доступом к ресурсам цифрового общества.

Цель исследования – раскрытие и анализ антропологических рисков, обусловленных технологической войной как перспективным направлением межгосударственного противоборства в рамках войны нового поколения.

Технологическая война рассматривается в качестве многоуровневого процесса, поскольку в нем одновременно взаимодействуют технические, политические и культурные аспекты жизнедеятельности, а также наличествуют факторы, влияющие на человеческое поведение и социальную организацию в цифровую эпоху.

Материалы и методы

В статье рассматривается технологическая война как закономерное следствие распространения глобализационных тенденций и беспрецедентного технологического развития человечества в XXI в. При этом межгосударственная технологическая зависимость создает множество рисков антропологического характера: от цифрового неравенства различной природы до несамостоятельности ряда государств при определении своего цифрового статуса и его контроле. Таким образом, соперничество в сфере новейших технологий и их абсолютная ценность как признака процветания и прогресса представляют новую форму войны, порождающей сложнейшие антропологические риски.

В первой части исследования технологическая война рассматривается как новый вид противоборства с присущими ему особенностями. Далее раскрывается механизм влияния цифровизации на антропологические основания, анализируются место человека в сетевом пространстве, а также способы и результаты его адаптации. Также отмечается, что с развитием цифрового пространства и его возможностей появились новые формы власти и контроля, которые только усугубили уже имеющиеся социальные противоречия, а также вторглись в сферу культурного пространства и продемонстрировали потенциал ее переформатирования.

В основу настоящего исследования был положен антропологический анализ. С его помощью были рассмотрены антропологические риски, которые порождает технологическая война в цифровом пространстве, а также изучены их последствия, уже наступившие и предполагаемые в будущем. Также были использованы философско-культурологический метод и сетевой подход.

Основная часть

Эпоха цифровизации затрагивает все сферы жизнедеятельности, в том числе и военнополитическую. Это означает, что меняется характер войны преимущественно за счет использования невоенного инструментария с военными целями, среди которых захват, контроль, доминирование. Так, технологии перестают быть просто инструментом развития человечества и улучшения качества его жизни, они получают статус средства глобального соперничества.

В трудах Карла фон Клаузевица («О войне» [3]), Томаса Гоббса («Левиафан» [4]) и ряда последователей классической политической философии война трактовалась как кульминация конфликта между государствами или сообществами, результатом которого становились завоевание территорий, ресурсов, статуса. В XXI в., который является эпохой цифровизации,

противостояние выходит за пределы материального пространства. Борьба за установление новой мировой системы в глобальном пространстве продолжается, однако она отличается от традиционных моделей, поскольку соперничество государств и корпораций за формирование нового баланса сил происходит с использованием, в частности, доступных государствам мер по ограничению экспорта высокотехнологичных компонентов, созданию альтернативных цепочек поставок, поддержке национальных технологических корпораций и формированию международных альянсов в сфере кибербезопасности [5, с. 166]. Таким образом, глобальное лидерство определяется не борьбой за территории, а возможностью влиять на архитектуру глобальных данных, условия доступа, хранения, передачи и анализа информации. Тем самым эти обстоятельства формируют новые основания международной конкуренции.

В трудах Льюиса Мэмфорда [6], Пола Вирильо [7], Мануэля Кастельса [8] подчеркивается, что современная война ведется между крупными технологическими платформами, когда происходит соперничество за влияние на управление сложными инфраструктурными системами и массовыми коммуникациями. При этом участниками противоборства становятся не только государства и армии, но и транснациональные корпорации, консорциумы, исследовательские альянсы, а также группы независимых специалистов, находящиеся вне рамок формальных институтов [9, с. 8]. Например, наиболее известными и масштабными случаями соперничества в области цифровых технологий в последние годы являются международные конфликты с участием крупных компаний (Huawei, Google, Microsoft, Samsung), которые были связаны с ограничением доступа к программным продуктам, остановкой сотрудничества или пересмотром лицензионных соглашений.

Современные технологии оказывают все большее влияние практически на все сферы жизнедеятельности, с их помощью появляется возможность формировать архитектуру распределенных платформ, задавать алгоритмы фильтрации и сортировки данных, регулировать порядок взаимодействия пользователей и устанавливать контроль над потоками информации. Как отмечал Бенджамин Брэттон [10], цифровое насилие реализуется не напрямую, а опосредованно – путем закрепления приоритетов в протоколах и навязывания алгоритмов, оказывающих системное воздействие на общественные и экономические процессы. При этом такая деятельность не подпадает под контроль традиционных институтов регулирования.

Технологическая война XXI в. характеризуется усилением соперничества государств и крупных корпораций в сферах искусственного интеллекта, мобильных сетей нового поколения, квантовых и облачных вычислений. При этом преимущество остается на стороне тех игроков, которые способны не только модернизировать и создавать технологии, но и удерживать контроль над ними, так как в этом процессе важны все этапы – от научных исследований до их промышленной реализации и последующего экспорта. В этих условиях особое значение начинают приобретать поддержка национальных производителей, государственное инвестирование в создание научно-технических центров, усиление контроля над передачей ключевых знаний и технологических компетенций за рубеж. По сути, вовлечение государства в этот процесс и обеспечение развития отечественных проектов становится важнейшим вопросом национальной безопасности, частью которой является технологическая безопасность [11, с. 28].

Обстоятельства, связанные с развитием современных форм технологического соперничества, принципиально меняют подходы к пониманию феномена современной войны, которая не связана с территориальными и национальными ограничениями. Подобная трансформация сопровождается размытием привычных границ между состоянием мира и периодами военного противостояния (обострения конкурентной борьбы), острого соперничества. Такая динамика приводит к необходимости поиска новых инструментов анализа и регулирования отношений, возникающих на стыке технологий, экономики и политики.

Технологическая война обусловлена ростом количества участников такого противостояния [12, с. 9]. Так, в последние годы активно включились в технологическое соперничество университетские лаборатории и региональные ассоциации разработчиков. Например, только в странах Европейского союза по линии альянса GAIA-X реализуется свыше пятидесяти

проектов по созданию независимых облачных платформ. Эти инновационные решения разрабатываются для промышленности, здравоохранения и транспорта, а результаты таких программ формируют новые отраслевые стандарты безопасности и совместимости. В России с 2022 г. в регионах реализованы десятки пилотных решений по внедрению распределенных систем обработки данных, многие из которых впоследствии учитываются при формировании федеральных стратегий цифровой трансформации. В Соединенных Штатах университетские альянсы и лаборатории ежегодно запускают сотни совместных разработок с частными компаниями, и результаты этих работ служат технологическим ориентиром для крупных поставщиков цифровых услуг и банковских платформ.

На фоне роста числа кибератак и новых угроз безопасности большое значение приобретает укрепление горизонтальных связей между университетами, промышленными центрами и региональными администрациями для внедрения лучших практик и ускоренного масштабирования технологических решений.

Успешные технологические решения и структуры важны не только для обеспечения национальной безопасности, экономического роста, функционирования социальных институтов, но и для сохранения культурного и политического суверенитета. Практика последних лет показала, что государственное финансирование инновационных проектов в самых разных отраслях позволяет формировать новые стандарты надежности и безопасности, ускорять внедрение передовых решений и минимизировать последствия технологических разрывов. Так, в Германии инфраструктура Fraunhofer-Gesellschaft объединяет свыше 75 научно-исследовательских центров, ежегодно реализует более 6 тыс. прикладных проектов в интересах Siemens, Bosch, Deutsche Telekom и других ведущих предприятий. Это позволяет обеспечивать непрерывный трансфер технологий из лабораторий в промышленную сферу¹. В России, по данным Минобрнауки и «Национальной технологической инициативы», к 2024 г. действует свыше 35 центров компетенций по цифровым технологиям, транспортным системам, робототехнике и новым материалам². Они тесно связаны с федеральными программами «Цифровая экономика» и «Развитие научно-образовательных центров мирового уровня», а внедрение их решений в транспортной и энергетической сферах позволяет сокращать сроки перехода от научных исследований к промышленному производству. В этот процесс также активно включены Япония, страны Европы, США, Китай, Южная Корея, результатом становится нарастание мировой технологической конкуренции [13, с. 82].

Технологический суверенитет в настоящее время определяет возможность контролировать критически важные цифровые платформы и инфраструктуры, способные обеспечивать безопасность, экономическую эффективность и независимость в долгосрочной перспективе [14, с. 310]. Технологическое противостояние ведущих мировых игроков наблюдается в самых разнообразных сферах: от усиления конкуренции в области стандартов мобильной связи до внедрения отечественных платформ в образовании и здравоохранении. Для современной России особую актуальность приобретают вопросы успешного применения программ цифрового импортозамещения [15, с. 214]. В этих целях за последние несколько лет внедрены отечественные операционные системы «Астра Линукс» и «РЕД ОС» в госсекторе³. Также усиливается технологическая конкуренция в сфере биотехнологий, использования альтернативных валютных систем, введения национальных центров сертификации для защиты от киберугроз и в прочих областях.

Ведущие международные игроки, обладающие инновационными технологическими решениями и программами, все чаще используют свои возможности для возведения препятствий

¹ Fraunhofer-Gesellschaft – Annual Report 2023. URL: <https://www.fraunhofer.de/en/media-center/publications/fraunhofer-annual-report/annual-report-2023.html> (дата обращения: 30.07.2025).

² Центры компетенции НТИ // Фонд Национальной технологической инициативы. URL: <https://nti.fund/support/centers/> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Минцифры выбрало три российские операционные системы для господдержки. Разработчиков обяжут оптимизировать ПО системы // IXBT.COM.01.11.2022. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/11/01/mincifry-vybralo-tri-rossijskie-operacionnye-sistemy-dlja-gospodderzhki-razrabotchikov-objazhut-optimizirovat-po-pod.html> (дата обращения: 30.07.2025).

для своих прямых конкурентов. Так, в 2022–2024 гг. Соединенные Штаты, Европейский союз, Япония и Австралия ввели новые пакеты экспортных ограничений в отношении чипов, литографического оборудования и специализированного программного обеспечения для проектирования микросхем. Это решение напрямую затронуло интересы китайских, индийских и российских производителей электроники и затруднило реализацию крупных промышленных программ. Дополнительные трудности в процесс технологического противостояния вносит создание региональных альянсов и консорциумов, каждый из которых сосредоточен на стремлении достичь преимущества в какой-либо конкретной сфере. Так, Южная Корея и Тайвань совместно с Японией инвестируют в развитие независимых производственных линий по выпуску полупроводников, страны ЕС расширяют платформу European Battery Alliance для создания полной цепочки производства аккумуляторов, а Индия и Саудовская Аравия запускают совместные проекты по освоению технологий водородной энергетики. Так формируются автономные техноэкономические блоки, которые способны снижать внешние риски и самостоятельно развиваться в выбранной сфере.

В условиях возрастающей глобальной конкуренции в области технологических производств и решений важно не сводить роль человека к пассивному пользователю или оператору машинных систем. Человек в этой системе сложных и не всегда понятных современных цифровых конфликтов испытывает колоссальное давление, которое затрагивает границы свободы, ответственность за свою жизнь и важность сохранять независимость мышления в автоматизированной среде. Современный человек непосредственно включен в область технологических стратегий. Так, это касается автоматизации городского управления, использования интеллектуальных платформ для построения профессиональных и социальных направлений, распространения персонализированных рекомендаций и адаптивных цифровых сервисов, которые формируют новую картину распределения полномочий и источников влияния. Новые технологии внедрились в жизнь человека и стали практически незаметными, однако их присутствие нельзя недооценивать [16, с. 29].

В последние годы особое внимание уделяется теориям коллективного действия и распределенной ответственности, где принимаемые решения и ответственность за них распределяются между человеком, цифровой инфраструктурой и профессиональными сообществами. Глобальный научный интерес направлен на попытки разрешения таких важнейших вопросов, как определение границ ответственности, установление корреляции поступков человека и решений алгоритма, проведение анализа сбоев инфраструктуры и влияния ошибок искусственного интеллекта, исследование проблемы неравного доступа к знаниям и инструментам работы с цифровыми технологиями и ряд других.

Представления о человеке кардинально изменились в эпоху цифровизации. Особую озабоченность вызывает провоцируемая тотальной цифровизацией многозадачность, которая требуется от современного человека для ведения успешной жизнедеятельности (социальной, профессиональной, личной и т.д.). Высокая мобильность и адаптивность становятся ключевыми навыками каждого из членов цифрового общества, поскольку технологии присутствуют повсюду. В результате и идентичность становится многоаспектной. При этом любая активность человека в цифровом пространстве не останется незамеченной или незафиксированной, а это накладывает дополнительные обязательства на пользователя. Контроль над собственным поведением во все большей степени обусловлен необходимостью соответствовать нормам цифровых взаимодействий, требованиям по защите данных, политике аутентификации, а также учитывать неявные правила сетевого взаимодействия, вырабатываемые автоматизированными системами управления. Также весьма спорным остается вопрос о свободе в сетевом пространстве, под которой нередко подразумевается полное отсутствие правил и границ при интернет-коммуникации, либо, напротив, несвобода воспринимается как неотъемлемый атрибут цифрового пространства из-за фиксации любой активности пользователей. При этом цифровые правонарушения и реальное наказание не всегда соотносятся между собой и нередко вызывают непонимание. Наиболее резонансными являются уголовные дела из-за комментариев,

признанных правоохранительными органами экстремистскими или призывающими к терроризму¹. В результате на первый план выходит дилемма адаптации, т.е. сохранения внутренней целостности, которое обязывает человека постоянно анализировать границы допустимого, корректировать стратегии поведения и принимать решения с учетом реакции автоматизированных фильтров, систем рекомендаций и процедур цифрового наблюдения, встроенных в инфраструктуру повседневной жизни.

Существование в цифровом пространстве принципиально меняет личность и ее характеристики, поскольку сейчас для человека имеет значение не столько его биография и оффлайн-опыт (традиционный, не связанный с технологиями), сколько вовлеченность в цифровую среду, адаптация в ней, нахождение баланса между групповой цифровой динамикой и личным опытом, а также цифровые следы и способы передачи информации, благодаря которым устанавливается взаимосвязь между человеком и окружающей действительностью. Тем самым подлежат изменениям как внешние параметры коммуникации и каналы получения сведений, так и внутренние когнитивные и адаптационные механизмы человека, определяющие характер взаимодействия с реальностью.

Современные исследования в области философии медиа, психологии восприятия и теории информации (Маршалл Маклюэн [17] и др.) свидетельствуют о том, что технологические среды воздействуют на способы самоопределения и критерии оценки событий, тем самым сами участвуют в процессе формирования новых границ восприятия и принятия решений. Так, видимые изменения восприятия можно наблюдать вследствие появления и закрепления клипового мышления, которое характерно для активных потребителей контента в виде коротких видео и кратких сообщений, размещаемых в TikTok, Instagram Reels, Telegram-каналах. При этом требуемая от современного человека многозадачность также являет собой пример изменения внутренних процессов восприятия, мышления и принятия решений. Таким образом, у человека развивается настроенность на краткосрочные решения, которые требуют быстрой мобилизации его ресурсов, но при этом теряют актуальность в течение непродолжительного времени. В таких процессах страдают в первую очередь логика, стратегическое мышление и способность к аналитике. В результате человек начинает жить краткосрочными установками.

Цифровая активность современного человека практически полностью поглощает его социальную жизнь и влияет на степень социального одобрения, которое строится преимущественно в перманентно возникающих и исчезающих виртуальных сообществах. Такое положение перегружает человека эмоционально, подвигает его соответствовать недолговременным идеалам (моде) и зависеть от критериев «социальной полноценности», также выработанных в цифровом мире [18, р. 520]. Выбор человека, от масштабного и значимого до ежедневного, становится опосредован алгоритмами. Например, это актуализируется на фоне развития рекомендательных систем YouTube, «Яндекс.Дзен» и Google Discover.

Особую озабоченность в настоящее время вызывают, в частности, введенные во врачебную практику платформы IBM Watson Health и Philips HealthSuite, на основе которых врачи принимают решения, риск от их использования по-прежнему высок². Подобные механизмы с высоким рискогенным фактором имеются также в финансовой, судебной и прочих системах. Важное место занимают личная безопасность и нарушение приватности посредством сбора биометрических данных (платформами Apple, Google и «Яндекс»), которые используются для разных целей, например, для запуска таргетированной рекламы. Ричард Талер и Касс Санстейн убеждены, что даже интерфейсы выбора на платформах государственных услуг (российских «Госуслуг» и австралийских «myGov») и корпоративных сервисах сводят возможность независимого выбора пользователя к минимуму, заранее настраивая его на заданный сценарий³.

¹ Мамаева М. «Сжечь ведьму!»: россиянку обвинили в призывах к терроризму за угрозы министру из-за масла // Газета.ru. 2025. 15 февраля. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/02/15/25096100.shtml> (дата обращения: 25.07.2025).

² Reuter E. 5 takeaways from the FDA's list of AI-enabled medical devices // Informa. 07.11.2022. URL: <https://www.medtechdive.com/news/FDA-AI-ML-medical-devices-5-takeaways/635908/> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора : как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. М. : МИФ, 2017. 237 с.

Результатом подобного скрытого давления на пользователей становится снижение возможностей их логических умозаключений и уровня критического мышления. Так создается некий продукт с признаками управляемости – «предсказуемое общество».

Несмотря на то, что XXI в. является веком прорыва в технологиях, они по-прежнему остаются недоступными или доступными в ограниченных объемах значительной части населения в разных странах, тем самым возникает феномен цифрового неравенства. С одной стороны, эти люди лишены возможностей, которые предоставляет цифровизация; однако, с другой – они свободны от навязываемых алгоритмами решений и имеют возможность сохранить свои персональные данные, в том числе и биометрические. При этом важно все же заключить, что в настоящее время это является признаком отсталости и наличия факторов, сдерживающих развитие практически во всех областях: образовательной, карьерной, социальной и пр. Так, по данным Международного союза электросвязи (ITU), в 2023 г. примерно 2,6 млрд человек – это 33 % населения планеты – все еще не были подключены к интернету¹.

Цифровое неравенство также проявляется в том, что население дифференцируется на работников (приложений, контента и прочих цифровых продуктов), которых меньшинство, и простых пользователей готовых решений, они в большинстве. Таким образом, в привилегированном положении оказываются архитекторы алгоритмов, владельцы платформ и специалисты по искусственному интеллекту, именно они определяют структуру цифровых сервисов и логику их функционирования. В свою очередь пользователи становятся своеобразным цифровым пролетариатом, потребителями, лишенными рычагов контроля или возможности реального творческого вклада [19]. У первой категории, соответственно, возможности отслеживать работу алгоритмов, защищать персональные данные, получать информацию из разных источников значительно шире. Примечательно, что уровень отставания государств в области цифровых технологий преимущественно (как и ранее в других отраслях) определяется географически. Так, наглядным является различие между государствами Евросоюза и странами Африки или Юго-Восточной Азии.

Феномен цифрового неравенства обрел глобальные масштабы и явился дополнительным фактором, усиливающим разрыв между государствами и континентами. Однако бесконтрольное пребывание в цифровом пространстве имеет серьезные недостатки, особенно в тех случаях, когда его использование не дополняет оффлайн-пространство и не направлено на расширение его возможностей, а заменяет его. В этом контексте в группе риска находятся дети и молодежь. Так, исследование Оксфордского университета выявило, что у 60 % молодых людей в возрасте 16–18 лет, использующих социальные сети 2–4 часа в день, наблюдаются симптомы тревожных и депрессивных расстройств².

Особое внимание следует уделить такому антропологическому риску, как вмешательство в некогда целостное и органичное культурное пространство, когда алгоритмы входят в культурную среду и перепрограммируют ее. Так проявляется негативное воздействие на национальный менталитет. Эти обстоятельства тем не менее являются вполне органичным продолжением глобализации, наступающей на суверенитет, национальное самосознание и государства, не желающие следовать этому сценарию мирового развития [20, с. 291]. Однако в настоящее время национальным государствам все сложнее оставаться в стороне от глобальных процессов и сохранять свою независимость, как политическую, так и технологическую [21].

На технологически зависимые страны оказывают серьезное давление транснациональные корпорации и иностранные регуляторы. Такие стратегии приводят к ограничению в выборе собственных стратегий цифрового развития, столкновению с искусственно созданными барьерами при реализации национальных образовательных, культурных и экономических программ

¹ Population of global offline continues steady decline to 2.6 billion people in 2023 // Committed to connecting the world. URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/Pages/PR-2023-09-12-universal-and-meaningful-connectivity-by-2030.aspx> (дата обращения: 30.07.2025).

² Teenage social media use strongly linked to anxiety and depression // FT.com. 13.10.2024. URL: <https://www.ft.com/content/bced2138-366b-448f-ab12-3c068199145a> (дата обращения: 30.07.2025).

и вынужденной необходимости согласовывать стандарты обработки и хранения персональных данных. Результатом такой колоссальной внешней зависимости становятся невозможность самостоятельно формировать цифровую повестку, снижение эффективности защиты интересов граждан и повышение уязвимости перед внешними технологическими рисками.

Заключение

Технологическое развитие является не только символом цифровой эпохи и обретения практически безграничных возможностей, но и новым витком межгосударственного противостояния. При этом, несмотря на появление новых мировых игроков (транснациональные корпорации и пр.), роль государств по-прежнему является определяющей. Именно поэтому технологическую гонку XXI в. справедливо можно считать новым видом военного противоборства, порождающего принципиально новые антропологические риски. К ним относятся и культурные, и личностные, и социальные аспекты, которые под воздействием этих рисков усугубляются.

Результатом подобного воздействия на разные сферы жизни становятся изменение человеческой природы, появление новых форм отчуждения человека от результатов собственной деятельности, возникновение неравенства, усложнение способов самоопределения и развития когнитивных моделей. Также под угрозой оказываются личная и коллективная независимости ввиду распространения алгоритмического контроля, манипуляций в цифровой среде и зависимости от внешних платформенных решений. Тем самым изучение антропологических рисков является очень актуальным и перспективным направлением дальнейших научных поисков, имеющих как теоретическую, так и практическую значимость.

Список литературы

1. Brayford K. Myth and technology: finding philosophy's role in technological change // Human Affairs. 2020. Vol. 30, iss. 4. P. 526–534. doi: [10.1515/humaff-2020-0045](https://doi.org/10.1515/humaff-2020-0045)
2. Новожилова Е. О. О войнах настоящего и будущего // Военная мысль. 2011. № 2. С. 2–12. EDN: [NCSXJT](https://elibrary.ru/nscxjt)
3. Клаузевиц К. фон. О войне : пер. с нем. М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2007. 861 с.
4. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.
5. Данилин И. В. Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 4. С. 160–176. doi: [10.24411/2221-3279-2020-10056](https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10056) EDN: [GYRYVR](https://elibrary.ru/gyryvr)
6. Mumford L. The Transformations of Man. New York : Harper & Brothers Publishers, 1956. 188 p.
7. Virilio P. The vision machine. Bloomington : Indiana University Press, 1994. 81 p.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
9. Лузянин С. Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? // Азия и Африка сегодня. 2023. № 2. С. 5–13. doi: [10.31857/S032150750024431-6](https://doi.org/10.31857/S032150750024431-6) EDN: [CMLJXJ](https://elibrary.ru/cmljxj)
10. Bratton B. H. The Stack: On Software and Sovereignty. Cambridge : MIT Press, 2015. 502 p.
11. Байнев В. Ф. Технологическая безопасность как главный стратегический приоритет союзного государства Беларуси и России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2022. № 3 (39). С. 25–33. doi: [10.37468/2307-1400-2022-3-25-33](https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-3-25-33) EDN: [EFFEJO](https://elibrary.ru/effejo)
12. Бартош А. А. «Трение» и «износ» гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 1. С. 5–13. EDN: [YNELMY](https://elibrary.ru/ynelmy)
13. Юдина Т. Н., Шмелев П. С. Неклассические войны: технологическая война между США и КНР за лидерство во внедрении «искусственного интеллекта» в экономику // Теоретическая экономика. 2024. № 6 (114). С. 75–89. doi: [10.52957/2221-3260-2024-6-75-89](https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-6-75-89) EDN: [CZYWBZ](https://elibrary.ru/czywbz)
14. Петров М. Н., Филиппов Я. С. Технологический суверенитет: эволюция российских и зарубежных экономических моделей // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 5–1. С. 305–314. doi: [10.34670/AR.2023.38.40.116](https://doi.org/10.34670/AR.2023.38.40.116) EDN: [KPLJZF](https://elibrary.ru/kpljzf)

15. Мошечков Е. Н. Цивилизационные войны России в XX и XXI веках: причины и следствия для экономического и технологического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 6 (488). С. 210–218. doi: [10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218) EDN: [CWLEBJ](https://esj.pnzgu.ru/EDN/CWLEBJ)
16. Пальцев А. И. «Глобальная гибридная война» как геополитическая стратегия США // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 3 (16). С. 25–35. EDN: [ZKWGLR](https://esj.pnzgu.ru/EDN/ZKWGLR)
17. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева ; закл. ст. М. Вавилова. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2003. 464 с.
18. Wilford H. Emotional intelligence: culture, intimacy, and empire in early CIA espionage // *Intelligence and National Security*. 2022. No. 37 (4). P. 513–525. doi: [10.1080/02684527.2022.2065612](https://doi.org/10.1080/02684527.2022.2065612)
19. Агапова Е. А. Деструктивные «вызовы» современной цивилизации // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89, № 6. С. 2–6. doi: [10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6) EDN: [OWIAAY](https://esj.pnzgu.ru/EDN/OWIAAY)
20. Хейфец Б. А. Глобализация 4.0 и Россия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. Т. 218, № 4. С. 288–296. EDN: [HENRPX](https://esj.pnzgu.ru/EDN/HENRPX)
21. Кириченко Э. В. Контроль США над международными каналами трансфера технологий: вызовы, механизмы, тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 89–97. doi: [10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97) EDN: [HCEITG](https://esj.pnzgu.ru/EDN/HCEITG)

References

1. Brayford K. Myth and technology: finding philosophy's role in technological change. *Human Affair*. 2020;30(4):526–534. doi: [10.1515/humaff-2020-0045](https://doi.org/10.1515/humaff-2020-0045)
2. Novozhilova E.O. About the wars of the present and future. *Voennaya mysl' = Military Thought*. 2011;(2):2–12. (In Russ.)
3. Klausevits K. fon. *O voine = On war*. Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard, 2007:861. (In Russ.)
4. Hobbes T. *Leviathan*. Moscow: Mysl', 2001:478. (In Russ.)
5. Danilin I.V. The US-China technological war: risks and opportunities for China and the global tech sector. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics*. 2020;11(4):160–176. (In Russ.) doi: [10.24411/2221-3279-2020-10056](https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10056)
6. Mumford L. *The Transformations of Man*. New York: Harper & Brothers Publishers, 1956:188.
7. Virilio P. *The vision machine*. Bloomington: Indiana University Press, 1994:81.
8. Kastells M. *Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo i kultura = The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2000:606. (In Russ.)
9. Luzyanin S.G. China – USA: Model 2023. “Managed conflict” or global split? *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa Today*. 2023;(2):5–13. (In Russ.) doi: [10.31857/S032150750024431-6](https://doi.org/10.31857/S032150750024431-6)
10. Bratton B.H. *The Stack: On Software and Sovereignty*. Cambridge: MIT Press, 2015:502.
11. Baine V.F. Technological security as the main strategic priority of the Union State of Belarus and Russia. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2022;(3):25–33. (In Russ.) doi: [10.37468/2307-1400-2022-3-25-33](https://doi.org/10.37468/2307-1400-2022-3-25-33)
12. Bartosh A.A. Friction and wear of hybrid warfare. *Voennaya mysl' = Military Thought*. 2018;(1):5–13. (In Russ.)
13. Yudina T.N., Shmelev P.S. Non-classical wars: the technological war between the United States and China for leadership in the implementation of “artificial intelligence” in the economy. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical Economics*. 2024;(6):75–89. (In Russ.) doi: [10.52957/2221-3260-2024-6-75-89](https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-6-75-89)
14. Petrov M.N., Filippov Ya.S. Technological sovereignty: the evolution of Russian and foreign economic models. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2023;13(5-1):305–314. (In Russ.) doi: [10.34670/AR.2023.38.40.116](https://doi.org/10.34670/AR.2023.38.40.116)
15. Moschelkov E.N. Civilizational wars in Russia in the 20th and 21st centuries: causes and consequences for economic and technological development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(6):210–218. (In Russ.) doi: [10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-488-6-210-218)
16. Paltsev A.I. “Global hybrid war” as a geopolitical strategy of the United States. *Gumanitarnye problemy voennogo dela = Humanitarian Problems of Military Affairs*. 2018;(3):25–35. (In Russ.)
17. Maklyuen M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka = Understanding Media: The Extensions of Man*. Moscow; Zhukovskiy: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2003:464. (In Russ.)
18. Wilford H. Emotional intelligence: culture, intimacy, and empire in early CIA espionage. *Intelligence and National Security*. 2022;(37):513–525. doi: [10.1080/02684527.2022.2065612](https://doi.org/10.1080/02684527.2022.2065612)

19. Agapova E.A. Destructive “challenges” of modern civilization. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2021;89(6):2–6. (In Russ.) doi: [10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6)
20. Kheifets B.A. Globalizatsiya 4.0 i Rossiya. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia*. 2019;218(4):288–296. (In Russ.)
21. Kirichenko E.V. US control over international technology transfer channels: challenges, mechanisms, trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*. 2021;65(7):89–97. (In Russ.) doi: [10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97)

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Ковалев – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний проспект В.О., д. 57/43. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

A.A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management, North-Western Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 57/43 Sredny prospekt V.O., St. Petersburg, 199178. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7760-5732>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 04.08.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 07.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 130.2

EDN: XUNBPP

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-15

О ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТАХ ДУШЕВНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Наталья Владимировна Федорова

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

tashafed@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Вопросы души в своих размышлениях рассматривали еще философы древности (Аристотель, Платон, Демокрит), они же и проблемы душевных отклонений подняли до уровня философской рефлексии. С тех пор время от времени в философских исследованиях анализировались разные стороны проблемы душевных девиаций. К ней обращались и классики немецкой философии (И. Кант и Г. В. Ф. Гегель), и представители постклассической философии (Ф. Ницше, Ж. Делёз, М. Фуко). *Материалы и методы.* Основными в исследовании стали диалектический метод, принцип всеобщей связи и развития, позволяющие раскрыть различные аспекты изучаемой проблемы. Для анализа связи душевных отклонений человека и социальности применялся социально-антропологический метод, а рассмотрение взаимовлияния культуры и общества осуществлялось с помощью социокультурной методологии. *Результаты.* В ходе данного исследования было выявлено, что первоначально проблема душевных отклонений рассматривалась с педагогических позиций, как недостаток воспитания. В поздние периоды авторы сосредоточились на критике подходов коррекции и отношения общества к людям с отклонениями. Изучение работ современных философов показывает, что душевные отклонения в современном обществе приобрели новые интересные нюансы, требующие систематизации. Анализ философских аспектов душевных отклонений человека проводился на основе общефилософской диалектической методологии, дополненной рассмотрением связи душевных отклонений человека и социальности с помощью социально-антропологического метода, а взаимовлияния культуры и общества – с помощью социокультурной методологии. *Выводы.* Проведенная работа позволила прийти к выводу о необходимости активизировать тенденцию переосмысления не только причин душевных расстройств, но и понимания душевной девиации как таковой. Следует переосмыслить идеи постмодерна, в которых критикуется коррекционная работа по отношению к людям с душевными аномалиями и все чаще звучит отказ признавать их ненормальными в соответствии с реалиями современности.

Ключевые слова: душа, душевные отклонения, девиация души, воспитание, невроз, сумасшествие, коррекция, стирание идентичности, социальная диссоциация, повседневная театральность

Для цитирования: Федорова Н. В. О философских аспектах душевных отклонений: исторический обзор // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 155–163. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-15 EDN: XUNBPP

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

ON THE PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MENTAL DEVIATIONS: HISTORICAL REVIEW

Natalia V. Fedorova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

tashafed@mail.ru

Abstract. *Background.* Ancient philosophers (Aristotle, Plato, and Democritus) considered questions of the soul in their reflections, and they also elevated the problems of mental deviations to the level of philosophical reflection. Since then, various aspects of the problem of mental deviations have been analyzed from time to time in philosophical studies. It was addressed by both classics of German philosophy (I. Kant and G.W.F. Hegel) and representatives of postclassical philosophy (F. Nietzsche, J. Deleuze, M. Foucault). *Materials and methods.* The dialectical method and the principle of universal connection and development were the main ones in the study, allowing us to reveal various aspects of the problem under study. To analyze the relationship between human mental deviations and sociality, a socio-anthropological method was used, and the mutual influence of culture and society was examined using sociocultural methodology. *Results.* This study revealed that the problem of mental deviations was initially viewed from a pedagogical standpoint, as a shortcoming of upbringing. In later periods, the authors focused on critiquing approaches to correction and society's attitudes toward individuals with disabilities. A study of the works of contemporary philosophers reveals that mental deviations in modern society have acquired new and interesting nuances that require systematization. The analysis of the philosophical aspects of human mental deviations was conducted based on a general philosophical dialectical methodology, supplemented by an examination of the connection between human mental deviations and sociality using a socio-anthropological method, and the mutual influence of culture and society using a socio-cultural methodology. *Conclusions.* The conducted work allowed us to conclude that it is necessary to intensify the trend of rethinking not only the causes of mental disorders but also the understanding of mental deviation itself. It is necessary to rethink postmodern ideas that criticize corrective work in relation to people with mental anomalies and increasingly refuse to recognize them as abnormal in accordance with modern realities.

Keywords: soul, mental deviations, deviation of the soul, education, neurosis, madness, correction, erasure of identity, social dissociation, everyday theatricality

For citation: Fedorova N.V. On the philosophical aspects of mental deviations: historical review. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):155–163. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-15

Понятие души для философии является базовым, относящимся к истокам философского знания. В то же время оно никогда не было однозначным. Во всех направлениях философской мысли интеллектуалы, сменяя друг друга, считали своим долгом определить сущность души. Это понятие встречается практически во всех религиозных традициях. В современных же философских исследованиях проблема души встречается редко. Живя в мире материальном, вспомнить о душе нет времени, лишь изредка применительно к человеку говорят о его душевных качествах.

В то же время актуальность философского анализа проблем душевных отклонений обусловлена несколькими важными факторами современного социокультурного контекста.

Во-первых, углубленное изучение природы человеческих душевных отклонений позволяет лучше понять границы нормы и ненормального. Философская антропология ставит

перед собой цель осмыслить специфику человеческой психики, выявить фундаментальные основания индивидуальности и социального взаимодействия. Душевные отклонения в этой связи представляют особый интерес именно потому, что демонстрируют как пределы возможностей нормального функционирования психики человека, так и сложность процессов его самоидентификации и социализации.

Во-вторых, философия культуры обогащается благодаря рассмотрению культурных аспектов восприятия и понимания душевных расстройств. Исторически и культурно сложившиеся представления о здоровье и болезни влияют на отношение общества к людям с различными проблемами душевного здоровья, формируя социальные стереотипы и культурные нормы. Таким образом, понимание культурного аспекта может стать тем ключом, который будет способствовать принятию имеющегося разнообразия индивидуальных особенностей.

И наконец, развитие современных технологий и глобализация требуют переосмысления традиционных подходов к пониманию душевных отклонений. Распространение цифровизации, расширение виртуальных пространств и подмена естественного интеллекта искусственным ставят новые этические вопросы относительно границ нормы и ненормального.

Все это подчеркивает необходимость философских исследований, которые позволят критически оценить современные тенденции и положить концептуально обоснованные подходы к определению душевной нормы и отклонений от нее.

Таким образом, философский анализ проблемы душевных отклонений имеет не только теоретическое значение, но и важное прикладное применение, позволяя обществу лучше понимать природу человеческих страданий и способствуя развитию гуманистической парадигмы в частнонаучных исследованиях.

Говоря о человеке душевном, всегда имеют в виду исключительно его положительные характеристики. Мы используем выражение «...широта души», подразумевая доброту, щедрость, искреннее желание помочь. Желая добра, мы прикладываем руки к сердцу и произносим: «...от всей души». В то же время, характеризуя человека как бездушного, имеют в виду не отсутствие таковой, а отрицательные проявления его натуры, такие как зависть и злоба. Поступки такого человека эгоистичны, направлены на получение выгоды, удовольствия за счет страданий других. В данном случае речь может идти о воспитании. Только под влиянием социума, культуры человек развивается в том или ином направлении, а значит, особенности воспитания станут причиной наличия или отсутствия тех или иных душевных качеств человека.

В отношении душевных расстройств мы говорим, по сути, о душевных болезнях, которые в современной медицине принято называть психическими заболеваниями или расстройствами. Однако в некоторых авторитетных источниках, в частности в МКБ-10, утверждается, что это не вполне синонимы. В широком смысле под психическими расстройствами понимается состояние психики, отличное от нормального, здорового. В этом случае воспитание имеет второстепенное значение, в первую же очередь речь может идти о наследственности, о влиянии внешних факторов окружающей среды.

Анализируя философский аспект проблемы изучения душевной девиантности, обратимся к первоисточникам.

Аристотель полагал, что человек обладает одновременно тремя видами души, связанными как с потусторонним, так и с посюсторонним миром, поэтому в вопросах воспитания он настаивал на том, чтобы в равной степени заботиться обо всех видах души человека. Он считал, что хорошие родители дают хорошее потомство, но при этом замечал, что природа только стремится к такому соответствию, но не всегда способна этого достичь. В своих работах философ тщательно анализирует такие отступления от нормы, как порочность, злость, глупость, невежество. Все нарушения понимаются им как излишки или нехватка, которые свойственны любому пороку. Для благополучного бытия, с точки зрения Аристотеля, человеку необходимо уклоняться от таких перегибов и следовать скромности. В своем сочинении «Никомахова этика» философ подробно рассматривает методы воспитания, необходимые для формирования добродетели и добродушия [1]. Иначе говоря, в философском учении Аристотеля

зарождается осознание необходимости предупреждения нарушений душевного развития человека посредством воспитания.

Можно сказать, что Аристотель в определенном смысле был продолжателем идей Демокрита, Платона и Сократа. Так, Демокрит в своих размышлениях отмечал, как важно родителям посвятить себя воспитанию детей. Он осуждал скупых родителей, не желавших тратить средства на обучение детей и обрекавших их на невежество¹. А Платон в трактате «Государство», рассуждая о воспитании, полагает, что необходимо обеспечить «для тела гимнастику, для души музыку». Философ отмечал, что государство должно опекать будущих матерей, заботиться, чтобы они вели здоровый образ жизни, справедливо полагая, что здоровье будущего ребенка, в том числе и душевное, напрямую зависит от здоровья матери. Можно сказать, что Платон уже затрагивает проблемы современной пренатальной медицины и психологии [2]. Говоря о предназначении учителя, Сократ главной его задачей называл пробуждение душевных сил ученика [3].

Другими словами, древние философы признавали значимость воспитания для становления душевных качеств подрастающего поколения, указывали на важность примера наставников и родителей. Благодаря правильному воспитанию, по мнению мыслителей, общество получит справедливых, добродетельных, ответственных, сознательных, благородных граждан. В меньшей степени, но все-таки уделяется внимание душевному здоровью детей через оздоровительные мероприятия, которые следует начинать родителям еще до рождения ребенка, и подчеркивается обязанность государства помогать будущим родителям в деле поддержания их здорового образа жизни.

В Средние века общество было нетерпимым к людям с психическими недостатками. Душевнобольные и слабоумные считались «детьми дьявола». В Западной Европе инквизиция подвергала их пыткам, держала в тюрьмах, изолируя от общества, а в крайних случаях сжигала на костре [4].

В некотором смысле можно сказать, что общество стеснялось появления таких детей. Церковь однозначно объясняла их появление грехом родителей, что в свою очередь заставляло последних избавляться от собственного ребенка, как избавляются от греха. Скрывать, прятать от чужих глаз, делать вид, что их нет, – вот стратегия поведения общества того времени в отношении детей с психическими отклонениями, стратегия, которая не могла решить проблемы этих детей.

В эпоху Возрождения формируются гуманистические тенденции, которые отчетливо проявились в частных науках – медицине и педагогике. Тогда уже Я. А. Каменский подчеркивал особую роль образования и воспитания для любой категории детей. Начиная с эпохи Возрождения прослеживается эволюция взглядов на проблему аномальных детей.

Первые попытки обучения детей с легкими формами отсталости были осуществлены в специальных учебных заведениях швейцарским педагогом Г. Песталоцци. Известный итальянский педагог М. Монтессори создает систему сенсомоторного воспитания слабоумных детей как основу лечебной педагогики. Большой вклад внесли французский психолог А. Бине и психиатр Т. Симон, разработав тесты проверки интеллекта. Ими же был определен диапазон нормы и отклонений от нее [4].

Таким образом, можно сказать, что общество сделало огромный шаг от презрения к признанию по отношению к людям с душевными аномалиями.

Следует отметить, что на Руси к людям с проблемами психического развития всегда относились более гуманно, с состраданием и милосердием. Почти тысячу лет назад князь Владимир в Уставе церкви упоминает о ее обязанности проявлять заботу по отношению к убогим. Подтверждение исполнения княжеского указа содержится в Повести временных лет, где описывается помощь монастырей юродивым и слабоумным. В частности, в Киево-Печерской

¹ Воспитание детей. Педагогические взгляды Демокрита // Учебно-методический кабинет : сайт. URL: <https://ped-kopilka.ru/pedagogika/vospitanie-detei-pedagogicheskie-vzglyady-demokrita.html> (дата обращения: 10.10.2025).

лавре опекали слабоумных, которые признавались святыми, а простой народ считал богоугодным делом накормить и обогреть «блаженных» [5].

В то же время слабоумные в своих скитаниях по монастырям и добрым людям приносили много вреда, совершая преступления, становясь опасными для общества, что привело к идее об их изоляции.

Реализация проекта изоляции продолжалась на протяжении длительного периода – от указа о создании лечебниц для детей и взрослых Петра I до реализации этой идеи во времена Екатерины II через постройку домов для душевнобольных [5].

Из этого небольшого экскурса в проблему душевнобольных в России следует, что Россия решала этот вопрос по-своему. Однако жалостью, как и замалчиванием проблемы, также нельзя помочь этим людям. Приюты и школы, открытые на частные пожертвования в дореволюционной России, охватывали лишь небольшую часть аномальных детей.

Увеличение практического опыта врачей и специалистов в области дефектологии предъявило требования к конкретизации теоретических постулатов о содержании, этиологии и видах аномального развития, в связи с этим появилось направление проектирования философских систематизаций отклонений в развитии человека.

В частности, И. Кант в соответствии со своими идеями разработал типологию душевных немощей и недугов. Любопытно, что слабоумием он считал «полную душевную слабость», под которой понимал не душевную болезнь, а отсутствие души.

Долгом человека во взаимоотношениях с другими людьми философ называет обязанность благотворения, которая состоит в поддержке, участии к людям, безвозмездном способствовании их благополучию. Вклад И. Канта заключается в доказательстве обязательности государственного покровительства и поддержки малоимущих, людей с ограниченными физическими возможностями и слабым здоровьем [6].

В данном случае можно говорить о кардинальном повороте общества в сторону людей с душевной аномалией – от жалости к посильной помощи как обязанности каждого приличного человека. На наш взгляд, это может быть некий возврат долга людьми с душевным превосходством людям с душевным недостатком.

В философской системе объективного идеализма Г. В. Ф. Гегеля при анализе субъективного духа исследуются виды сумасшествия, появляющиеся в ситуациях противоречия между человеческой субъективностью и объективностью [7].

В этом случае актуализируется вопрос излечения ненормальных, неестественных процессов психики, исследуются различные варианты врачевания душевных болезней. Иными словами, речь уже идет о реальной профессиональной помощи со стороны специалистов.

Особую значимость социальных и экономических обстоятельств в причинной обусловленности нарушенного, девиантного, развития выявили с точки зрения материализма К. Маркс и Ф. Энгельс. На их взгляд, жалкое состояние рабочих и их нечеловеческая эксплуатация представляют собой главные причины запредельной распространенности заболеваний среди детей, а также происшествий на предприятиях среди трудящихся.

На этапе зарождения вопроса отклонений от нормы качество лечения и поддержки нуждающихся было крайне низким. Этот факт объясняет негативную позицию философов по отношению к врачебной и педагогической помощи нуждающимся. Так, А. Шопенгауэр утверждал, что природа человека неизменна, а значит, она не может быть исправлена медицинскими или педагогическими методами. Аналогичную позицию находим и у Ф. Ницше, который порицал способы коррекции, называя их противоестественными и даже бесполезными [8]. В то же время учение Ф. Ницше о стремлении к превосходству стало основой для исследования перспектив исправления отклонений в развитии его последователями в частнонаучных исследованиях.

Психодинамические теории личности З. Фрейда, А. Адлера и К. Г. Юнга развивались на базе выводов, полученных в ходе обобщения сведений психоаналитической практики излечения неврозов. Причину появления неврозов психоаналитики видели в обуздании бессознательных стимулов под влиянием карательных мер культуры, а избавление от них становится

возможным благодаря ослаблению напряжения стремлений бессознательного при их осознании. Дальнейшее исследование эта идея получила в работах А. Адлера о возможностях развития ребенка с отклонениями как процессах, ориентированных на социализацию и компенсацию комплекса неполноценности [9].

В постмодернизме сходные с идеями З. Фрейда взгляды представлены в исследовании Ж. Делёза, в котором он акцентирует внимание на отсутствии границ между нормальным и ненормальным, безумством и разумом. Анализируя медицинские тексты, автор подчеркивает сложность в идентификации этих феноменов во врачебной деятельности и выявляет процесс распространения патологии в различные слои бытия и сознания человека [10].

Совместно с Ф. Гваттари Делёз предложил альтернативную концепцию психических заболеваний, основанную на идее «шизоидного тела». Авторы представляют психику человека как динамичную систему, которая постоянно находится в процессе изменения и трансформации, критикуют традиционную психиатрию за ее стремление подавлять необычные формы поведения человека и восприятия мира, называя это стремление проявлением репрессивного характера современного им общества [11].

Ж. Ф. Лиотар в свою очередь обратил внимание на разрушение метарассуждений и утрату доверия к традиционным источникам знания о данной проблеме. Его идея перекликается с отказом от универсалистских определений психических расстройств и смещением акцента на индивидуальные различия и уникальный опыт каждого человека. Автор критикует попытки создать единую теорию психопатологии и отдает предпочтение индивидуальному подходу с учетом всех обстоятельств [12].

Размышления о причинах безумия стали одной из главных тем в работах М. Фуко. Он высказывает недоумение относительно нежелания западной культуры искать эти причины, объясняя это тем, что в этих поисках она могла выйти на саму себя, поскольку под безумием он понимал последствия прогресса, негативно влияющего на психику человека, в которой появляются девиации как зеркало современного общества. Здесь следует заметить, что прогресс не стоит на месте, а значит, само развитие общества порождает безумных, что в дальнейшем должно привести к регрессу. М. Фуко называет это закономерным и трагическим исходом, приводя примеры «нарастающего безумия», которые становятся обычными сюжетами новостных программ [13].

Д. Батлер сосредоточила свое внимание на исследовании механизмов, посредством которых формируются категории идентичности и нормальности. Она утверждает, что данные категории создаются социальными процессами и властными структурами, что приводит к исключению тех, кто не соответствует принятым стандартам. Ее взгляды необходимо учитывать, если мы хотим понять, как представления о психических заболеваниях влияют на повседневную жизнь и общественные установки [14].

В отечественной философии А. П. Вяткин описывает в целом состояние общества как нестабильное, указывая, что нестабильность выражается в невозможности идентификации субъектом себя, своей роли в обществе и общества в целом [15]. Исследуя современную попкультуру, Р. В. Пеннер идет другим путем – от частного к общему. Автор высвечивает проблему постепенного стирания идентичности, которая, по его мнению, касается не только отдельных индивидов, но и культурной ситуации постмодерна в целом [16]. М. С. Абиров исследует нарастание социальной диссоциации в современном обществе [17].

Подобную тенденцию обнаруживают современные авторы М. М. Абрамычев и Б. Ю. Громов, указывая на политизацию психопатологии и демонстрацию безумия как привлекательного, соблазнительного и даже желанного [18].

Ряд интересных наблюдений представлен в работах М. В. Рахимовой. Последовательно анализируя малоизвестные феномены повседневной театральности и драматического поведения, она приходит к выводу, что именно они в условиях патологического мышления способствуют адаптации человека в современном мире и сохранению эмоциональной безопасности [19–21].

Таким образом, современная наука, на наш взгляд, находится в стадии переосмысления проблемы душевных отклонений и расстройств. Философы и представители частных наук предлагают иное видение не только причин и последствий данного явления, но и самих душевных девиаций. В некоторых случаях исследователи вообще отказываются признавать их таковыми. В частности, в постмодернизме опосредованно аргументируют осуждение работы по коррекции лиц с психическими отклонениями.

Подводя итог исследования девиации души с позиции философии, следует сказать, что проблема душевных расстройств в ней не нова и выходит далеко за рамки узкого клинического подхода, приобретая статус важной культурфилософской темы. Начиная с древних греков рассматривался преимущественно педагогический аспект, причины отклонений виделись в неправильном воспитании, в котором особую роль отводили личным качествам учителей. Родительские ошибки, как в воспитании, так и в образе жизни, также упоминаются в древних трактатах. Позже, в Средние века и в эпоху Возрождения, общество проделало огромный путь от презрения к признанию по отношению к людям с душевными отклонениями. Особое отношение к душевнобольным было в России, где они находились под защитой православной церкви. Однако реальная помощь в виде педагогической и психологической коррекции появилась и в России, и за рубежом не так давно.

В современной философии, помня мнение Аристотеля о душе как сути бытия, необходимо активизировать тенденцию переосмысления не только причин душевных расстройств, в качестве которых называются достижения технического прогресса и цивилизация, но и понимания душевной девиации как таковой. Следует пересмотреть идеи постмодерна, в которых критикуется традиционный подход к психическому здоровью и коррекционная работа по отношению к людям с душевными аномалиями, а также звучит отказ признавать их ненормальными в соответствии с реалиями современности.

В современном подходе необходимо отказаться от навязывания единых стандартов и перейти к диалогу с каждым человеком, страдающим от душевных расстройств, с учетом идеи индивидуального опыта и признания уникальных характеристик каждой личности. Именно подход, ориентированный на признание и уважение автономии личности, может стать основным в современной философской рефлексии.

В целом проблематика душевных отклонений остается актуальной и востребованной темой научного исследования, открывающей перспективы для дальнейших дискуссий и практических рекомендаций. Рассмотрение данной проблемы в философском ключе позволит сформировать более гибкое и антропоцентричное общество, готовое принять все многообразие человеческого опыта и проявить действенную заботу о каждом своем члене.

Список литературы

1. Трубецкой С. Н. Метафизика в Древней Греции. М. : Мысль, 2010. 589 с.
2. Платон. Государство. М. : Изд-во АСТ, 2024. 448 с.
3. Джурицкий А. Н. История зарубежной педагогики. М. : Форум : Инфра-М, 1998. 272 с. EDN: [VRMOUF](#)
4. Борякова Н. Педагогические системы обучения и воспитания детей с отклонениями в развитии. М. : АСТ, 2008. 222 с. EDN: [QVUPNT](#)
5. Замский Х. С. История олигофренопедагогики. М. : Просвещение, 1980. 398 с.
6. Кант И. Метафизика нравов. М. : Мир книги, 2007. 399 с. EDN: [QWPBOB](#)
7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М. : Наука, 2000. 495 с.
8. История философии / Белов А. В. [и др.] ; отв. ред. В. П. Кохановский, В. П. Яковлев. Ростов-н/Д. : Феникс, 2011. 731 с.
9. Фреджер Р., Фейдимен Дж. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб. : Прайм-Еврознак ; М. : ОЛМА-Пресс, 2004. 608 с.
10. Делёз Ж., Фуко М. Логика смысла. Обнинск : Раритет, 1998. 480 с. EDN: [SNDCAD](#)
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. 672 с.

12. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.
13. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М. : АСТ, 2010. 573 с. EDN: [QWWZZT](#)
14. Батлер Д. Психика власти: теории субъекции. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.
15. Вяткин А. П. Кризис социальной идентичности и личностное конструирование экономических ролей // Психология в экономике и управлении. 2014. № 2. С. 5–13. EDN: [TEDCWT](#)
16. Пеннер Р. В. De Re ad absurdum: проблема идентичности человека в феномене косплея (онто-антропологический анализ) // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 117–122. EDN: [WJKUIP](#)
17. Абиров М. С. Социальная диссоциация российского общества в условиях радикальных перемен // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 298–308. EDN: [RPJMKB](#)
18. Абрамычев М. М., Громов Б. Ю. Кризис идентичности и социальная диссоциация в обществах контроля // Философия и культура. 2022. № 7. С. 96–108. doi: [10.7256/2454-0757.2022.7.38362](https://doi.org/10.7256/2454-0757.2022.7.38362) EDN: [BJLPOL](#)
19. Рахимова М. В. К вопросу о специфике «повседневной театральности» в контексте осмысления некоторых патологических паттернов мышления человека // Философская мысль. 2025. № 7. С. 127–142. doi: [10.25136/2409-8728.2025.7.75245](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2025.7.75245) EDN: [COHHNU](#)
20. Рахимова М. В. Философское размышление о «театральной» природе человека: в поисках направлений исследования «повседневной театральности» // Философия и культура. 2025. № 3. С. 89–105. doi: [10.7256/2454-0757.2025.3.73432](https://doi.org/10.7256/2454-0757.2025.3.73432) EDN: [XPUJYR](#)
21. Рахимова М. В. Отражение театральности как философско-антропологического феномена в научном дискурсе // Социология. 2024. № 10. С. 172–177. EDN: [ZHKPFM](#)

References

1. Trubetskoy S.N. *Metafizika v Drevney Gretsii = Metaphysics in Ancient Greece*. Moscow: Mysl', 2010:589. (In Russ.)
2. Platon. *Gosudarstvo = State*. Moscow: Izd-vo AST, 2024:448. (In Russ.)
3. Dzhurinskiy A.N. *Istoriya zarubezhnoy pedagogiki = History of foreign pedagogy*. Moscow: Forum: Infra-M, 1998:272. (In Russ.)
4. Boryakova N. *Pedagogicheskie sistemy obucheniya i vospitaniya detey s otkloneniyami v razvitii = Pedagogical systems for teaching and educating children with developmental disabilities*. Moscow: AST, 2008:222. (In Russ.)
5. Zamskiy Kh.S. *Istoriya oligofrenopedagogiki = History of oligophrenopedagogy*. Moscow: Prosveshchenie, 1980:398. (In Russ.)
6. Kant I. *Metafizika нравов = Metaphysics of morals*. Moscow: Mir knigi, 2007:399. (In Russ.)
7. Gegel' G.V.F. *Fenomenologiya dukha = Phenomenology of spirit*. Moscow: Nauka, 2000:495. (In Russ.)
8. Belov A.V. et al. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*. Rostov-on-Don: Feniks, 2011:731. (In Russ.)
9. Fredzher R., Feydimen Dzh. *Lichnost': teorii, eksperimenty, uprazhneniya = Personality: theories, experiments, exercises*. Saint Petersburg: Praym-Evroznak; Moscow: OLMA-Press, 2004:608. (In Russ.)
10. Delez Zh., Fuko M. *Logika smysla = The logic of meaning*. Obninsk: Raritet, 1998:480. (In Russ.)
11. Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya = Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia*. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2008:672. (In Russ.)
12. Liotar Zh.F. *Sostoyaniye postmoderna = The state of postmodernism*. Moscow: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteyya, 1998:160. (In Russ.)
13. Fuko M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu = A history of madness in the Classical Age*. Moscow: AST, 2010:573. (In Russ.)
14. Batler D. *Psikhika vlasti: teorii subyektsii = The psyche of power: theories of subjectivity*. Kharkov: KHTSGI; Saint Petersburg: Aleteyya, 2002:168. (In Russ.)
15. Vyatkin A.P. Crisis of social identity and personal construction of economic roles. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii = Psychology in Economics and Management*. 2014;(2):5–13. (In Russ.)
16. Penner R.V. De Re ad absurdum: the problem of human identity in the phenomenon of cosplay (ontoanthropological analysis). *Sotsium i vlast' = Society and power*. 2016;(3):117–122. (In Russ.)
17. Abirov M.S. Social dissociation of Russian society in the context of radical changes. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Humanities and social sciences*. 2013;(5):298–308. (In Russ.)

18. Abramychyev M.M., Gromov B.Yu. Identity crisis and social dissociation in control societies. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and culture*. 2022;(7):96–108. (In Russ.). doi: [10.7256/2454-0757.2022.7.38362](https://doi.org/10.7256/2454-0757.2022.7.38362)
19. Rakhimova M.V. On the issue of the specificity of “everyday theatricality” in the context of understanding some pathological patterns of human thinking. *Filosofskaya mysl' = Philosophical thought*. 2025;(7):127–142. (In Russ.). doi: [10.25136/2409-8728.2025.7.75245](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2025.7.75245)
20. Rakhimova M.V. Philosophical reflection on the “theatrical” nature of man: in search of directions for research into “everyday theatricality”. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and culture*. 2025;(3):89–105. (In Russ.). doi: [10.7256/2454-0757.2025.3.73432](https://doi.org/10.7256/2454-0757.2025.3.73432)
21. Rakhimova M.V. Reflection of theatricality as a philosophical and anthropological phenomenon in scientific discourse. *Sotsiologiya = Sociology*. 2024;(10):172–177. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Н. В. Федорова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии, Омский государственный педагогический университет, 644099, г. Омск, ул. Партизанская, 4а. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9923-2439>

N.V. Fedorova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Educational Psychology, Omsk State Pedagogical University, 4a Partizanskaya street, Omsk, 644099. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9923-2439>

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests**

Поступила в редакцию / Received 01.10.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 008: 17.021.2: 291.13

EDN: JYVDJS

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-16

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ПОСРЕДСТВОМ МИФОВ

Елена Людвиговна Яковлева

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия

mifoigra@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В современности становится важной идея формирования личности на основе ценностей российской цивилизации, что заставляет обратиться к советскому периоду истории России и вопросу конструирования советского человека. Целью исследования избраны советские мифы, посредством которых формировался новый тип личности – советский человек. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач осуществляется на основе изучения транслируемых в советском государстве текстов, связанных с образом советского человека. Методами исследования избраны аналитический и герменевтический. *Результаты.* Анализ текстов показал, что в качестве распространенных нарративов конструирования индивида выступили мифы о советском человеке, базирующиеся на архетипе Прометея, о вожде, включающие в себя архетипы Мудрого старца, Воина и сверхчеловека, советском народе, обладающем определенной избранностью и единством с партией, о нравственных ценностях, способствующих формированию определенных качеств советского человека, героизме и классовой борьбе, где обязательным считался образ врага, с которым необходимо было бороться. Эффективности внедрения мифов в сознание человека способствовали законы мифотворчества. Среди них назовем использование бинарных оппозиций, принцип подобия и закон сгущения. Тиражируемые в Советском государстве мифы представляли собой телеологический конструкт, формирующий советского человека, ориентирующий его в мироздании и способствующий стабильности бытия. *Выводы.* Внедрение мифов в сознание большого количества людей имело не только положительные, но и негативные аспекты, в том числе подавляло критическое мышление, приводило к конформизму и нетерпимости к инакомыслию, рождало двойные стандарты. Понимание сути и механизмов действия советских мифов в современных условиях поможет сформировать новые мифы для конструирования самодостаточной личности, обладающей ценностными ориентирами российской цивилизации.

Ключевые слова: миф, советский миф, миф о советском человеке, архетип Прометея, миф о вожде, образ врага, законы мифотворчества

Для цитирования: Яковлева Е. Л. Конструирование советского человека посредством мифов // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 164–178. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-16 EDN: JYVDJS

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

Original article

CONSTRUCTING A SOVIET MAN THROUGH MYTHS

Elena L. Iakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia

mifoigra@mail.ru

Abstract. *Background.* In modern times, the idea of personality formation based on the values of Russian civilization is becoming important, which makes us turn to the Soviet period of Russian history and the issue of constructing a Soviet person. The purpose of the study is Soviet myths, through which a new type of personality was formed – the Soviet man. *Materials and methods.* The implementation of research tasks is based on the study of texts broadcast in the Soviet state related to the image of a Soviet person. The analytical and hermeneutic methods of research are chosen. *Results.* The analysis of the texts showed that the myths about the Soviet man based on the archetype of Prometheus, the leader, including the archetypes of the Wise Elder, the Warrior and the superman, the Soviet people possessing a certain chosenness and unity with the party, moral values contributing to the formation of certain qualities of the Soviet man, heroism and class struggle appeared as common narratives of constructing the individual where the image of an enemy that had to be fought was considered mandatory. The laws of myth-making contributed to the effectiveness of introducing myths into human consciousness. Among them are the use of binary oppositions, the principle of similarity, and the law of condensation. The myths replicated in the Soviet state represented an ideological construct that shaped the Soviet man, oriented him in the universe and contributed to the stability of existence. *Conclusions.* The introduction of myths into the minds of a large number of people had not only positive but also negative aspects, including suppressing critical thinking, leading to conformism and intolerance to dissent, and creating double standards. Understanding the essence and mechanisms of action of Soviet myths in modern conditions will help to form new myths for the formation of a self-sufficient personality with the value orientations of the Russian civilization.

Keywords: myth, Soviet myth, the myth of the Soviet man, the archetype of Prometheus, the myth of the leader, the image of the enemy, the laws of myth-making

For citation: Iakovleva E.L. Constructing a Soviet man through myths. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):164–178. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-16

Миф относится к числу вечных символических форм культуры, оказывающих мощное влияние на бытие общества и отдельного человека. В его содержании обнаруживается «сочетание компонентов действительного мира и мира художественного вымысла», «элементов магического и технического мышления» [1, с. 16, 116]. Осознавая мощную роль мифа, способного абсолютизировать какую-либо идею и воздействовать на массы, государственный аппарат эксплуатирует его в социальном пространстве. «Миф оказывается необходимым, объективным и уникальным средством хранения и использования совокупного социального опыта», и он выступает «в качестве инструмента для осмысления той реальности, в которой существует социум» [2, с. 34]. В качестве других причин обращения к мифу со стороны властных структур назовем его определенную простоту, историчность и универсальность. Так, Е. М. Мелетинский, размышляя о незамысловатости мифа, подчеркивает, что он «вообще исключает неразрешимые проблемы и стремится объяснить трудно разрешимое через более разрешимое и понятное» [3, с. 419]. В пользу историчности свидетельствует то, что содержание мифа подстраивают под парадигму культурно-исторической эпохи, трансформируя в зависимости

от государственных и идеологических ценностей. В мифе задается *сюжетный ход* (С. Бойм), позиционируемый в качестве истины, и описываются идеальные/требуемые образы на основе архетипов, что служит ориентиром для огромного количества людей. Для усиления воздействия и консолидации общества идеологи обращаются в мифах к проблемам власти и подчинения, несправедливости и равенства, зависимости и свободы, подкрепляя их конкретными примерами из истории государства. Среди приемов создания мифа выделим «сакрализацию идей, героизацию событий и деяний отдельных исторических лиц», использование противопоставлений (например, свои – чужие, социализм/коммунизм – капитализм, власть – насилие) и продвижение идеи «о борьбе против "общего врага"» [1, с. 113–114]. Сам миф представляет собой *слово*, высказанное и/или визуально зафиксированное «в письменном дискурсе... в фотографии, кино, репортаже, спорте, спектаклях, рекламе» [4, с. 234]. Миф проникает в разные сферы культуры и виды искусства, что свидетельствует о его всеохватности и универсальности.

Модель устройства общества, представленная в мифе, выступает в качестве эталона. В нем незаметно осуществлена подмена действительного положения дел мифологической реальностью, содержащей в себе элементы вымышленного как желаемого, но воспринимаемого в качестве истинного. Онтологический разрыв с реальностью оказывается незамечаемым, и об этом рефлексировать только небольшая группа людей. Сами «мифологические представления постепенно перетекают в бытие человека, становясь навигатором жизненного сценария, "формой жизни"» [5, с. 121]. Сопереживание мифу со стороны людей становится показателем легитимации власти и принятия картины мира, созданной идеологами. Необходимо признать, что специально конструируемые социальные мифы «всегда были и остаются гарантами устойчивого развития общества» [2, с. 31]. В них предложены рамки социальной действительности, служащие ориентиром для людей.

Особого внимания заслуживает ситуация в СССР. Как справедливо отмечает Е. Н. Шапинская, «советская культурная реальность сама по себе была пространством мифологии, сформированной под влиянием идеологических требований и установок» [6, с. 153]. В данный период миф помогал конструировать советского человека, выступая в качестве коммуникативной системы, определяющей не только картину мира, но и взаимоотношения людей внутри социальной системы. Все советские мифы выстраивались вокруг идеи «величия нашей социалистической Родины» с целью воспитания «у советских людей чувства гордости за советскую страну, за наш героический советский народ» и ведения «решительной борьбы против низкопоклонства отдельных граждан СССР перед современной буржуазной культурой»¹. Влиянию советского мифа подчинялись все сферы культуры, жизнь общества и отдельного человека, что позволяет говорить о его тотальности, универсальности и мощной силе управления.

Советский миф как феномен культуры, фиксирующий определенный порядок существования общества, вызывает интерес исследователей, анализирующих его с разных ракурсов. Часть ученых пытается выяснить причины мифотворчества в советском дискурсе, другая – проанализировать специфику разнообразных советских мифов и дать им интерпретацию. Например, Е. П. Аристова оценивает советское бытие через призму исследований второй половины XX в. и начала XXI в., приходя к выводу, что в нем имели место мифы [7]. С. А. Добрецова, В. М. Куимова и В. А. Тирахова актуализируют изучение советской культуры и советского быта в контексте мифов [8]. С. М. Климова, затрагивая проблему изучения в философии СССР советского мифа 50–70-х гг. XX в., замечает, что она была связана с французским структурализмом и немецким символизмом [9]. А. А. Смирнова, И. В. Леонов и И. В. Кириллов рассматривают мифосферу в качестве непрерывной составляющей культуры, включающей в себя ценностно-смысловые доминанты и разного рода сомнительные тексты, что требует для адекватного их восприятия комплексного анализа [10]. А. Л. Топорков резюмирует, что «миф упраздняет реальность и создает на ее месте новую, куда более совершенную и привлекательную»,

¹ Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза (Правда. 1947. 1 мая. № 106 (10497). С. 2) // Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова : сайт. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166089/pages/2> (дата обращения: 21.05.2025).

обладающую «видимостью правдоподобия и наукообразия», а конструируется она «определенными людьми или группами людей»¹. В. М. Насртдинова и Е. А. Аглей называют миф мощным инструментом общественного сознания, выступающим в качестве религиозноподобного мировоззрения. Данные авторы классифицируют советские мифы на основе двух критериев: «а) хронологической интенции вектора мифотворчества», выделяя мифы прошлого, настоящего и будущего, «и б) мифопродуцирующего источника в его отношениях с социальностью» [11, с. 11]. Ю. Г. Коргунюк подчеркивает, что обращение к мифу имело в себе положительные черты, потому что он был «объяснительной конструкцией», заполняющей «собой пространство неизвестного» и защищающей «сознание от дискомфорта, создаваемого наличием гигантских "дыр" и "серых зон" в картине мира» [12, с. 7]. Т. В. Савина обращает внимание на устойчивость советских мифов к разрушениям, причинами чего она видит их встроенность «в языковое сознание советского человека» и подчинение «двум требованиям – обязательности к использованию и массовому характеру распространения» [13, с. 164, 167].

Л. А. Васильева затрагивает проблему возвеличивания мифоконцепта вождя посредством СМИ [14]. Е. Н. Шапинская советский миф пытается осмыслить «в культурных текстах советского периода и в ретропродукции на тему "советскости", распространенной в современной культуре» [6, с. 149]. В. Даренский обращает внимание на переформатирование сознания индивида советским мифом на примере взглядов А. А. Зиновьева [15, с. 91]. А. Д. Попова мифы советского общества рассматривает на основе писем советских людей, «материалов пропаганды и высказываний современных россиян о советском периоде на различных форумах в Интернете» [16 с. 60]. З. И. Резанова анализирует миф о советском народе в контексте советского и постперестроечного дискурсов [17]. И. Б. Фан акцентирует внимание на амбивалентности конструирования советского человека. Исследователь заключает: сталинская культура «с ее явным и неявным, формальным и неформальным символическим содержанием была нацелена на массовое производство рабочей и военной силы по идеальному образцу сознательного коммуниста», «но в реальности сформировался человек советский, мотивируемый на выживание, изменчивый, манипулируемый, подавляющий собственное мнение и индивидуальность, инфантильный, лукавый» [18, с. 40]. Е. В. Калимова миф о советском человеке представляет «в экспозиции советских павильонов на Всемирных выставках», акцентируя внимание на том, что он способствовал необходимому «представлению об СССР не только внутри самой страны, но и за ее пределами» [19, с. 317]. С. Г. Новиков осуществляет реконструкцию мифа о Ленине, его роли в воспитательной деятельности и проектировании нового типа личности [20, 21]. М. Ю. Елепова, затрагивая проблему мифопоэтики прозы Прокопия Явтысого, обнаруживает советский неомиф о Ленине «как новом культурном герое, усвоившем функцию мифологического первопредка по созиданию новой общности людей» [22, с. 113]. Л. А. Закс анализирует мифологию соцреалистического искусства, где проявляются архетипические герои и сюжеты [23]. М. М. Иоскевич в результате анализа произведений белорусских авторов на производственную тематику приходит к выводу: сформировавшийся новый тип личности с его идеалами в действительности «уничтожался административно-командной системой управления», что «свидетельствовало о разрушении социального мифа о "советском человеке"» [24, с. 30]. Изучая мифологему *счастливое детство* в советской литературе, транслирующую идею «все на благо ребенка», Н. Ю. Мочалова резюмирует, что она отражала универсалии социокультурного пространства (коллективизм, приобщенность к труду, любовь к Родине), помогая формировать новый тип личности [25]. Е. П. Панова и Н. Р. Саенко, фокусируя внимание на содержательно-сюжетной стороне художественной литературы для детей, выявляют в ней черты мифа, где главный герой выступает в качестве архетипа героя-жертвы [26]. Богданова О. А., рассматривая произведение А. П. Гайдара «На графских развалинах» с точки зрения мифа, утверждает, что «истинными наследниками непреходящих усадебных ценностей становятся не помещичьи, не графские дети, а советские школьники из простых крестьянских

¹ Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие // Мифотека : сайт. URL: https://mifoteka.ru/articles/reading/toporkov-mifi_i_mifologia_xx_veka.traditsia_i_sovremennoe_vospriatie.htm (дата обращения: 21.05.2025).

семей» [27, с. 223]. Е. В. Барышева анализирует советские праздники через призму «исторического мифа о революционном движении в России и революции 1917 г.», замечая, что они «выполняли функцию воспитания и формировали новые духовные ценности, внушали чувство сопричастности к событиям 1917 г.» [28, с. 180]. А. В. Голубцова изучает восприятие Советского Союза иностранцами на основе травелогов итальянских литераторов, благодаря чему выявляет следующее: в результате взаимодействия русского и советского мифа сложился образ СССР как «страны детства (индивидуального детства автора травелога либо коллективного детства Европы или всего человечества)» [29, с. 286].

Краткий обзор публикаций показывает разнообразие аспектов изучения советского мифа. Тем не менее вне оптики научного внимания остается и большое количество не проработанных проблем. В связи с этим объектом представленного исследования стали советские мифы, а предметом – конструирование посредством них советского человека. В качестве методов исследования избраны аналитический и герменевтический.

Советский миф сыграл колоссальную роль в формировании идентичности советского человека. «Мифическое знание пытается объяснить социальную реальность, исходя из "сакрализации"» [2, с. 9] и идеологии СССР, а советский человек «доверяет "священному", авторитету, гарантированному, подписанному знанию», выстраивая в соответствии с ним свой повседневный опыт [2, с. 9]. Для конструирования советского человека идеологический аппарат СССР создал серию мифов. Они представляли собой сложный и многогранный конструкт, направленный на создание особого типа личности, обладающей определенными качествами. Подчеркнем, «за мифологическими построениями лежит некая социокультурная реальность», определяемая как советская [6, с. 162].

Рассмотрим некоторые основные мифы, повлиявшие на формирование нового типа личности.

Советский человек в нарративах представлял собой идеал личности, обладающей определенным набором положительных качеств. Довольно часто миф о советском человеке преподносился через призму *архетипа Прометея*. Подчеркнем, архетипы относятся к фундаментальным символам и универсальным моделям поведения, присутствующим в коллективном бессознательном человечества, что объясняет обращение к ним в мифах. Они придают мифам смысл, понятный большому количеству людей. В мифах посредством архетипов транслируются культурные ценности и нормы, объясняются существующие традиции и обычаи. Такие мифы предлагают модели поведения и стратегии преодоления жизненных трудностей, основанные на архетипическом опыте. Вместо случайного набора событий миф становится историей, резонирующей с глубинными психологическими потребностями и ожиданиями аудитории. Создаваемый идеологами миф «включает в себя:

- 1) архетип какой-либо ситуации, связанной с осуществлением мер социального регулирования и принуждения;

- 2) содержание конкретного опыта, эмпирически полученного в ситуациях, объединенных данным архетипом;

- 3) систему иносказательных образов, функциональная символика которых соотносит "желаемое" с "должным", т.е. со сложившимся архетипом» [1, с. 109]. Использование архетипов в мифах не только способствует долговечности и универсальности последних, но и выступает в качестве ключевого фактора управления человеческим сознанием и поведением. Архетипы служат своего рода строительными блоками, из которых создаются мифические истории, раскрывающие глубинные аспекты человеческой природы и опыта. При этом смысловые функции архетипов зависят «от социально-исторических формаций, часто придававших им совершенно неузнаваемый вид» [30].

Возвращаясь к мифу о Прометее, конструирующему советского человека, выделим следующие его черты. Образ Прометея как архетип нового типа личности неслучаен. По А. Ф. Лосеву, Прометей делает «людей причастными разуму, воле и свободному развитию» [30]. Совершая культуросозидающий подвиг, Прометей олицетворяет «удел человеческой жизни не как проклятие и наказание за грехопадение, но как оплаченное страданием самостояние человека,

который в неустанном труде строит свой мир» [31]. Прометей был титаном, похитившим огонь для людей и наказанным за это богами. Параллели между образами Прометея и советского человека очевидны. Оба являются героями и борцами за прогресс, высокие идеи и благо человечества. Прометей, осознавая отсталость и беспомощность людей, дарит им огонь, символизирующий знания и прогресс. Советский человек в мифах также позиционировался как строитель нового, справедливого общества, где процветают наука и технологии. Задачей советского человека было преодоление тьмы невежества, капиталистического прошлого и создание светлого коммунистического будущего. Прометей, осознавая последствия своего поступка, добровольно принимает наказание богов: прикованный к скале, он обречен на вечные муки. Эта жертвенность ради блага людей находит отражение в идеологии КПСС и образе советского человека. Его личные интересы подчинялись интересам коллектива, государства и коммунистической партии. Самопожертвование ради дела коллектива, трудовой героизм и готовность отдать жизнь за Родину считались высшими добродетелями. Например, в нарративах героин войны, стахановцы, строители БАМа воплощали собой архетип Прометея. Их образы демонстрировали примеры патриотизма, самоотверженной борьбы/труда и преданности Родине/делу, стимулируя людей совершать подвиги, повышать производительность и достигать высоких результатов.

Но существовал определенный трагический диссонанс, обусловленный искажением идеала за пределами мифа. Прометей, олицетворяя жизнь, являет собой не только победы, но и определенные мучения и страдания. Он – «трагический герой культуры», рискующий и приносящий «самого себя в жертву», что делало его «символом самораздираания человечества собственной совестью, символом трагедии сознания» [31]. Ему присуща «мука, вызываемая противоречием между всемогуществом в воображении и бессилием в действительности», неслучайно его «плоть постоянно раздирает Зевесов орел» [31]. Как в случае с Прометеем, образ идеального советского человека не совпадал с реальностью и даже имел определенные деформации. Так, приоритет коллектива над личностью нередко становился подавлением индивидуальности, ограничением свободы и нетерпимостью к инакомыслию, жертвенность превращалась в слепое подчинение, а трудовой героизм – в принудительный труд. В этом контексте архетип Прометея приобретает трагическое звучание. Его благородный порыв, направленный на освобождение человечества, оборачивается страданиями и несправедливостью. Точно так же попытка создать советского человека, оторванного от личных интересов и полностью подчиненного идеологии, привела к трагическим последствиям: искажению гуманистических идеалов и подавлению индивидуальной природы.

Миф о советском человеке через призму образа Прометея позволяет увидеть его амбивалентный характер. С одной стороны, он воплощает идеальный образ личности, стремящейся к прогрессу, справедливости и коллективному благу. С другой стороны, он несет в себе опасность деформации идеалов, подавления индивида и трагического разрыва между декларируемыми ценностями и реальной практикой. Рассмотрение мифа о советском человеке в контексте архетипа Прометея позволяет лучше понять его сложные и противоречивые аспекты, а также извлечь уроки из истории создания и разрушения образа нового типа личности.

Квинтэссенцией воплощения мифа о советском человеке стал *миф о вожде*. Он поддерживал культ личности В. И. Ленина, а затем – следующих лидеров Советского государства (И. В. Сталина, Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева и др.). Миф о вожде опирался на систему нарративов, создававших образ идеального правителя, наделенного сверхъестественными способностями и отеческой заботой о каждом советском человеке.

Вождь в нарративах олицетворял идеал советского человека. Для усиления его позитивных качеств в данных повествованиях помимо архетипа Прометея используются архетипы Мудрого старца, Воина и одновременно сверхчеловека как носителя верховной власти и истинного знания. Вождь характеризуется как гениальный глава государства, стратег и эффективный управленец, обладающий уникальным знанием и непогрешимостью в своих решениях. Он отважно ведет народ к коммунизму. Именно от вождя зависит позиция государства на мировой исторической арене и жизнь людей. В данном мифе лидер Советского государства

демонстрировался в качестве мессианской фигуры, predetermined историей для спасения народа от угнетения и приведения его к светлому будущему. Например, В. И. Ленин изображался как продолжатель дела К. Маркса и Ф. Энгельса, воплотивший их идеи в реальность. И. В. Сталин считался преемником В. И. Ленина, верным хранителем его наследия и мудрым руководителем, способным провести страну через трудности. Данная нарративная линия подчеркивала избранность вождя и его закономерный, исторически необходимый приход к власти.

Именно правитель как вождь в созданных о нем мифах обладал абсолютной истиной, поэтому его решения всегда верны и направлены на благо народа. Вспомним лозунг «Товарищ Ленин/Сталин всегда прав!», выступающий смысловым ядром данной установки. Подобный образ непогрешимости не только обеспечивал политическое послушание со стороны людей, но и подавлял критическое мышление, заменяя его безоговорочной верой в вождя.

Правитель характеризовался как заботливый отец нации, пекущийся о благополучии каждого гражданина, что создавало эмоциональную связь между советским человеком и правителем. Образ Ленина/Сталина/Хрущева/Брежнева, принимающего детей или награждающего передовиков производства, активно тиражировался в пропагандистских материалах и искусстве, укрепляя представление о его отеческой любви и справедливости. Миф о лидере Страны Советов утверждал неразрывную связь между вождем и народом, представляя их как единое целое, движимое общими целями и идеалами. Популярные лозунги (например, «Партия и народ едины!», «Сталин – это мы!») отражали эту идею.

Биография лидеров Советского государства мифологизировалась, превращаясь в череду героических подвигов и самоотверженной борьбы за счастье своего народа. Образ лидера демонстрировался идеализированным: ему приписывали все достижения страны. Героизм играл роль мифологической жертвенности, выступая в качестве дара людям во имя благой миссии, что сакрализовало имя лидера и увеличивало его власть. Реальные факты подвергались избирательной обработке, утрировались или искажались исходя из идеологических целей. Мифологизированное биографическое прошлое служило обоснованием безграничной власти лидера в настоящем и будущем.

Подобные мифы о правителе поддерживались с помощью мощного пропагандистского аппарата. Он включал в себя цензуру, благодаря которой любая информация, противоречащая мифу, пресекалась; пропаганду, подразумевающую подчинение всех сфер культуры (в том числе науки, искусства, образования) задаче прославления лидера и утверждения его непогрешимости; тиражирование высказываний, речей, статей и книг лидера; ритуалы (массовые демонстрации, парады) и символику (памятники, портреты главы государства в каждом кабинете и общественном месте), создававшие атмосферу культа вождя и укреплявшие в сознании людей его главенствующую позицию в государстве.

Мощную роль для поддержания мифа о вожде как сверхчеловеке играли его изображения (фотографии, портреты, памятники, плакаты). Они представляли собой наглядную агитацию, сакрализируя изображаемого и внушая благоговейный трепет перед ним. Обычно лидер страны представлялся как всезнающий вождь, мудрый отец народа, непогрешимый гений. В портретах лидера скрывались недостатки внешности, подчеркивались достоинства и транслировались идеологические установки. Например, портреты главы государства с детьми олицетворяли его заботу о будущем поколении, с рабочими и крестьянами – единство партии, рабочего класса и крестьянства.

Портреты и фотографии лидера, олицетворявшие свойства всезнания и заботы о каждом, развешивались не только в общественных, но и в частных пространствах. Их можно было увидеть на заводах и фабриках, в школах и университетах, на площадях и в парках, в различных общественных и культурных учреждениях, на рабочем месте и в квартирах людей. Повсеместное размещение изображений вождя символизировало единство советского человека с ним и партией, безоговорочную преданность идеям коммунизма. Данная ситуация способствовала ощущению близкого присутствия лидера: его всевидящего глаза, всепроникающей силы власти, постоянного наблюдения и заботы о советском человеке. Глядя на лицо правителя, советский человек чувствовал его внимание и заботу, а себя ощущал частью великого целого,

подчиненного высшей цели – движению к светлому будущему. Данные изображения как визуальное (идеализированное) представление стали мощным инструментом пропаганды и формирования идентичности советского человека.

Сам лидер советского государства с целью усиления своей власти прибегал к *пророчествам*, манипулируя воображением людей. Дело в том, что человеку присуще «стремление заглянуть в будущее» и его замещают «идеализированным и мифологизированным» конструктом [12, с. 6]. К числу популярных пророческих нарративов относился миф о светлом будущем – коммунизме, являя собой для советского человека (мифологическое) чудо. Он обещал изобилие, равенство, свободу и бесклассовое общество при условии, что каждый советский человек будет во имя будущего в настоящем самоотверженно трудиться. При этом разность социальных положений в обществе и зарплат уравнивалась мифом о всеобщем равенстве и отсутствии классовой розни, а также понятием *советский трудящийся*, вызывающим чувство гордости. Советским человеком его «права и свободы больше понимались с точки зрения социальной защиты, доступности бытовых благ» [16, с. 64]. Миф о светлом будущем оправдывал текущие трудности и лишения (в том числе дефицит определенных товаров) как временные жертвы на пути к цели.

Но у мифа о вожде была и обратная сторона. Так, миф о И. В. Сталине, укреплявший его власть, укрывал массовые репрессии, политические чистки, подавление свободы слова и искажение исторических фактов. Критика культа личности И. В. Сталина (десталинизация), начатая Н. С. Хрущевым на XX съезде КПСС в 1956 г., стала первым шагом к деконструкции мифа. Заметим, последствия данного нарратива до сих пор ощущаются в российском обществе, где присутствует определенная неоднозначность отношения к личности И. В. Сталина. Тем не менее миф о вожде в Советском государстве способствовал появлению *культа вождя* или *культа личности*. Вождь сакрализировался и обожествлялся, его идеи и решения считались абсолютными и непогрешимыми. В результате у людей формировались вера в лидера Советского государства и готовность к беспрекословному подчинению его указаниям, что делало незамеченным подавление критического мышления и самостоятельности.

Обратим внимание еще на одну деталь. Вождизм является «характерным для тоталитарных режимов, в том числе для СССР, явлением возвеличивания руководителей всех рангов, от секретарей райкомов и выше», что позволило создавать «маленькие и большие "культы личности"»¹.

В нарративы о советском человеке и вожде внедрялись идеи о нравственных ценностях, целью которых стало формирование определенных качеств индивида. Так, моральный кодекс строителя коммунизма представлял собой набор принципов, которые должны были развивать советские люди и на которые они должны были ориентироваться в своем поведении. В данный перечень входили такие ценности, как коллективизм, патриотизм, трудолюбие, бескорыстное служение обществу. Нарратив о коллективизме содержал идею приоритета общественных интересов над личными. Считалось, что только совместными усилиями можно добиться успеха и построить коммунизм. В связи с этим с детства поощрялись коллективные формы учебы/труда/досуга, в контексте которых критиковались индивидуализм и эгоизм, пропагандировались чувства солидарности и взаимопомощи. В итоге у советского человека формировались чувство ответственности за коллектив, готовность жертвовать личными интересами ради общего блага, стремление к сотрудничеству и взаимопомощи, негативное отношение к индивидуализму и личному обогащению. Нарратив о советском патриотизме транслировал мысль о том, что Советский Союз – самое передовое и прогрессивное государство в мире, родина героев и новаторов, защитник мира и справедливости. В патриотических установках содержались прославления героической истории страны, показывались достижения в науке, технике, культуре и спорте, приводились примеры самоотверженного труда и служения Родине, критиковался западный образ жизни. Любовь к Родине и преданность ей считались высшим долгом каждого советского человека.

¹ Беловинский Л. В. Энциклопедический словарь истории советской повседневности. М. : НЛО, 2015. С. 112.

В рамках мифа о патриотизме появился миф о всесии советской науки и техники. Советскому человеку внушалось, что наука и техника – главные инструменты для преобразования мира и построения коммунизма, а советские ученые и инженеры – герои, способные решить любые задачи. В итоге новый тип личности, веря в прогресс, выказывал стремление к образованию и научным знаниям, прославлял научные достижения, освоение космоса, строительство новых городов и заводов, испытывал уверенность в возможности решения любых проблем с помощью науки и техники. В целом миф о патриотизме давал осознание принадлежности к великой державе, укреплял чувство гордости за страну, способствовал готовности к ее защите от врагов и строительству коммунизма.

Для формирования у советского человека чувства национальной идентичности и общности идеологами был создан еще ряд мифов. Среди них выделим миф о советском народе, обладающем исключительностью и определенной избранностью, общими целями и ценностями, что заменяло национальные идентичности наднациональной советской идентичностью. Все граждане СССР должны были ощущать себя частью единого целого. «Вера в единство окружающего бытия становится главенствующей в рамках мифологического сознания, затмевая собой все несомненные и неустраимые различия» [5, с. 90]. Еще одним мифом, направленным на поддержание сплоченности, считался миф о единстве партии и народа. Он подчеркивал неразрывную связь между коммунистической партией Советского Союза и советским человеком, создавая иллюзию всенародной любви и поддержки политики партии.

Для укрепления позитивного образа Родины была создана серия нарративов о героическом прошлом, посвященных доблестным страницам истории (например, Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войне, Великой Отечественной войне). В этих нарративах укрывались негативные моменты, а на первый план выходили значимость событий и проявление в них мужества, смелости и отваги советского народа. Повествования о самоотверженности участников революционных/военных столкновений подчеркивали их стойкость и преданность идеалам, что заставляло советского человека равняться на них. Так, нарратив о Великой Октябрьской социалистической революции интерпретировался не как политический переворот, а как точка рождения нового мира, освобождение от угнетения господствующего класса, начало эры справедливости и равенства. Данный миф, поддерживающий легитимность власти большевиков, олицетворял героическое событие, освободившее народ от гнета капитализма и открывшее путь к коммунистическому раю как обществу благоденствия и процветания. Великая Октябрьская революция прославлялась во всех видах искусства. Советского человека с детства воспитывали на примерах героизма революционеров и преданности идеям коммунизма. Популярностью пользовалась серия книг об активистах общественного движения всех времен и народов «Пламенные революционеры», выходившая в издательстве политической литературы СССР с 1968 г. Благодаря революционным нарративам у личности формировались чувство причастности к великому делу, вера в светлое будущее, готовность жертвовать личными интересами ради общего блага, преданность партии и идеалам коммунизма.

Для объяснения сложных исторических и социальных процессов появились мифы о загнивающем капитализме как системе, обреченной на гибель, в то время как социализм олицетворял прогрессивный и передовой общественный строй; о коварных происках империалистов, рассказывающие о международной напряженной обстановке и злом умысле враждебного капиталистического мира; об исторической закономерности общественного прогресса, приводящего к победе коммунизма. Перечисленные мифы внушали советскому человеку уверенность в неизбежности построения коммунистического общества и оправдывали любые действия партии, направленные на достижение этой цели.

Миф о классовой борьбе поддерживал бдительность и нетерпимость к врагам народа, а позже к диссидентам и инакомыслящим, не разделяющим со всем обществом советские ценности. В данном мифе мир делился на два непримиримых лагеря: пролетариат/угнетенные народы, борющиеся за освобождение, и буржуазия/империалисты, стремящиеся сохранить свое господство. В соответствии с этим в содержании расставлялись акценты на *свои*

(трудящиеся, рабочий класс, крестьяне) и *чужие* (эксплуататоры, враги народа). Также подчеркивались идеи о несправедливости капиталистического мира, звучали призывы к бдительности и борьбе с врагами.

Необходимо признать, *образ врага* относится к числу архетипических. Враг у советского человека был как внешним, так и внутренним. Внешний враг виделся в лице капиталистических западных стран, империалистов и капиталистов, которые представляли собой воплощение антигуманного начала и главную угрозу советскому человеку и советскому народу в целом. С ними необходимо было вести (виртуальную) борьбу. Уже в «Обращении ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза», опубликованном в газете «Правда» № 106 от 1 мая 1947 г., встречаем следующий тезис: «В публичных лекциях члены Общества¹ должны разъяснять внешнюю политику Советского государства, решительно разоблачать провокаторов новой войны и агрессии, показывать лживость и ограниченность буржуазной демократии, вскрывать реакционную сущность идеологии современной империалистической буржуазии и ее реформистских прислужников»². Капитализму в мифологических нарративах даются следующие характеристики: *проявление вседозволенности, отсутствие стабильности и равенства, безработица, эксплуатация людей, власть денежных отношений, симуляция жизни, господство пошлости*. Миф о капитализме поддерживается образными метафорами: в капиталистических странах «копошатся гады контрреволюции», «оскаливается гидра буржуазии», «воюют шакалы империализма», «зияют пастью финансовые акулы», что способствовало поддержанию «идеи об усилении классовой борьбы» [1, с. 113].

К внутренним врагам относили космополитов, формалистов, диссидентов, врагов народа, которые не соответствовали образу советского человека, идеологическим требованиям и подвергались преследованиям. Эксплуатировался в советском дискурсе и миф о мещанах. Это был исчезнувший в СССР класс. Мещанский образ жизни ассоциировался с вещиизмом и накопительством, и с ним периодически боролись в стране. «Мещанская флора и фауна остаются прежними – искусственные цветы, канарейки и граммофонные пластинки», и подобному быту в 60-е гг. XX в. противопоставляется романтический: романтик «не сидит в уютном гнезде, а торопится "убежать за поворот" или уехать "за туманом и за запахом тайги"» [32, с. 97].

В целом мифы о классовой борьбе и врагах формировали ненависть к противникам, недоверие к капиталистическим элементам, солидарность со своими, сплоченность коллектива и готовность к борьбе за победу коммунизма во всем мире. Помимо этого, данный миф оправдывал репрессии и преследования.

С целью эффективного внедрения мифов, конструировавших новый тип личности, идеологи эксплуатировали законы мифологического мышления, следы которого сохраняются в (бес)сознательном индивида. Так, согласно законам мифотворчества в нарративах необходимо наличие *бинарных оппозиций*: например, своего – чужого, друга – врага, героя – злодея, добра – зла, положительного – отрицательного. Они задают динамику развитию сюжета через противопоставление, демонстрируя в противовес негативному выгодные стороны идеального мироустройства. Обращение к бинарным оппозициям продиктовано человеческой психологией: «чтобы была воспринята та или иная фигура, нужен "фон"», контрастная фигура [1, с. 114]. Борьба оппонентов привлекает внимание и заставляет сделать выбор в пользу хорошего и благоприятного.

В рамках советских мифов обнаруживает себя и *принцип подобия*: «как вверху, так и внизу». Он подразумевал повторяемость мировидения всеми системами внутри страны. Все идеологические установления, принимаемые лидером государства и правительством, внедрялись на всех нижестоящих уровнях, в том числе в семье как ячейке общества. Советскому

¹ Речь идет о Всесоюзном обществе «Знание» по распространению политических и научных знаний.

² Обращение ко всем деятелям советской науки, литературы и искусства, к научным, общественным и другим организациям и учреждениям Советского Союза (Правда. 1947. 1 мая. № 106 (10497). С. 2) // Центральная универсальная научная библиотека имени Н. А. Некрасова : сайт. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166089/pages/2> (дата обращения: 21.05.2025).

человеку вменялось равняться на лидера государства, героев страны и передовиков производства, повторяя их образ мысли и действий в своем повседневном опыте и трудовой деятельности.

Наблюдается в мифах, конструирующих советского человека, и закон *сгущения*, проявляющийся в стремлении к определенному единству мира: *все соединяемое совпадает*, поэтому часть не только представляет собой целое, но и есть это целое. Данный тезис заключался в единомыслии (большинства) советских людей, исповедующих марксистско-ленинскую идеологию, исполняющих волю партии и равняющихся в коллективе на лучших – передовиков производства, героев труда.

Благодаря мифам конструировался новый тип личности, обладающий «советской (социальной, идейной) идентичностью», более значимой, чем этническая [17, с. 111]. Советский человек определялся в качестве *трудящегося*, у которого было сформировано «особое мировоззрение, особый характер, особые черты поведения» [17, с. 111]. Мифы, конструирующие советского человека, активно распространялись в образовательных учреждениях и трудовых коллективах партийными и общественными организациями, в том числе лекторами общества «Знание», СМИ и искусством, что способствовало эффективности их воздействия на людей.

В заключение отметим следующие моменты. Миф инвариантен. В его содержании акцентируется внимание на системе ценностей социального бытия, не допускающей сомнений, что позволяет говорить о нем как эталоне, на который равняются люди в своей жизнедеятельности. Любые негативные моменты, порочащие систему устройства общества, в мифе укрываются, ретушируются, романтизируются или оправдываются. Сам миф обладает вербальным и визуальным форматом, активно транслируясь в обществе. В результате, выступая в качестве мотивационного рычага как стремления к лучшему, он становится мощным инструментом управления общественным сознанием и мнением, что нашло отражение в советских мифах.

Советские мифы были мощным инструментом социального конструирования советского человека, формировали у него определенный тип мировидения и мышления, шкалу ценностей и убеждений. Они представляли собой грандиозную попытку создания нового типа личности в соответствии с (утопическими) идеалами коммунистического общества. Образ советского человека, созданный в мифах, есть проект желаемого, к которому следовало стремиться каждому. Сами мифы представляли собой *телеологический конструкт*, обладающий определенной целью и транслирующий способы ее достижения. Устойчивости советских нарративов способствовали их форма мифического, сюжетный ход и архетипическое содержание.

Согласно нарративам советский человек не только принадлежал к определенному общественному устройству, но и обладал набором качеств. В число обязанностей индивида входили: выражение преданности Советскому государству и его коммунистической идеологии, уважение к власти и подчинение партийной дисциплине, обладание научно-материалистическим мировоззрением и идейной осмысленностью жизни, смелостью и героизмом, проявление патриотизма и готовности к защите Родины в борьбе с идеологическими противниками/предателями/врагами народа, умение подчиняться коллективу и выполнять совместно с ним поставленные задачи, наличие трудолюбия и дисциплинированности, стремление достичь высоких целей коммунизма посредством вовлеченности в общественную жизнь. Необходимо отметить, что советский человек одновременно совмещал в своем мировоззрении научно-материалистическое и идеалистическое мировоззрение, что гармонизировало его, делая натурой цельной. Убежденный в материальности мироздания, он был воодушевлен идеей построения светлого будущего. Конструкт идеального советского человека воспринимался в качестве должного эталона, принципы которого внедрялись в жизнь.

Миф, моделирующий новый тип личности, представлял собой ряд нарративов, базировавшихся на архетипах и содержащих в себе идеологический аспект. Внедрение мифа в сознание индивида начиналось с раннего возраста посредством системы воспитания и образования, а впоследствии он проникал во все сферы жизнедеятельности (профессиональную деятельность и трудовые отношения, личную и общественную жизнь, повседневные практики и досуг).

Говоря о советских мифах, необходимо различать как их конструктивное воздействие на советского человека, так и деструктивное. Среди положительных черт советских мифов назовем их содержательную идейность, благодаря которой новому типу личности внушались преданность Родине и чувство коллективизма, готовность к труду и самопожертвованию, стремление к знаниям и прогрессу. Мифы способствовали ощущению стабильности, формировали у личности экзистенциальную цель, связанную с переустройством общества, и образцы для подражания в виде вождя, ударников труда, героев значимых событий. Индивид искренне верил в идеалы коммунизма, преданно служа своей стране ради достижения общей цели – построения коммунистического общества. Хотя со временем многие мифы были разоблачены, их влияние на формирование мировоззрения советских людей невозможно преуменьшить.

В числе негативных факторов влияния мифов назовем конформизм индивида, слепую веру в авторитеты, подавление уникальности, растворение Я в Мы, нетерпимость к инакомыслию, двойные стандарты, обусловленные расхождением между официальной идеологией и реальной жизнью. Мифы, конструирующие советского человека, внушались с раннего возраста и нередко приводили к тому, что у личности формировался страх несоответствия советским идеалам и чувство вины перед обществом из-за нарушения коллективной этики. Более того, идеальный образ советского человека и реальный советский человек не совпадали, создавая основания для внутренних конфликтов и/или почву для проявления лицемерия, двойных/тройных стандартов (по принципу «думаю одно, говорю другое, делаю третье»), что ощущалось некоторыми людьми.

Отметим, эффективность воздействия советских мифов была различной для разных поколений людей и социальных групп, что позволило даже классифицировать советского человека на *настоящего, типичного, отчасти советского* и *«лишнего»* [17, с. 118]. Исчерпание ресурсов для поддержания стабильности и развития социальной системы влияет на миф, который теряет свою эффективность и в котором начинают находить элементы деструктивности. Крах советской системы показал несостоятельность многих мифов, созданных системой, но их отголоски по-прежнему можно усмотреть в современном обществе, и они остаются актуальными в новых условиях. Мифы, конструирующие советского человека, породили множество противоречий и конфликтов, но одновременно оставили глубокий след в истории и культуре, заставляя нас задуматься о природе человека, границах социального конструирования, соотношении идеала и реальности.

Идея конструирования личности на основе мифов актуальна и в современном мире, что требует комплексного анализа проблемы с выявлением сильных и слабых сторон процесса. Понимание механизмов действия советских мифов, способствующих моделированию индивида, необходимо для осмысления истории и культуры советской эпохи, а также для современности, в том числе для лекторов возрожденного общества «Знание», в функции которых входит сохранение культурного кода России, формирование личности, трансляция ценностей и воспитание патриотизма.

Список литературы

1. Яковлева Е. Л. Игровая природа мифа и современная культура : монография. Казань : Познание, 2011. 168 с. EDN: [YNIPRH](#)
2. Бондаренко Н. Г. Общество и знание: социальная конструкция реальности : монография. Пятигорск : Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2022. 152 с. EDN: [QOXUCI](#)
3. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. М. : РГГУ, 2008. 571 с.
4. Барт Р. Мифологии : монография / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Изд-во имени Сабашниковых, 2004. 314 с. EDN: [QWGRUD](#)
5. Яковлева Е. Л. «Человек играющий» и творящий : монография. Казань : Познание, 2011. 179 с. EDN: [QXCHQP](#)
6. Шапинская Е. Н. Советский миф в пространстве культурных коммуникаций // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1 (51). С. 149–164. doi: [10.34130/2233-1277-2024-1-149](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-149) EDN: [TVUYYS](#)

7. Аристова Е. П. «Помыслить советское бытие»: советские, российские и зарубежные исследования второй половины XX – начала XXI в. // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 184–192. doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192) EDN: KPZNUX
8. Добрецова С. А., Куимова В. М., Тирахова В. А. Исследовательская парадигма советского бытия: социокультурные и философские аспекты // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5 (116). С. 225–233. doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233) EDN: WQONXA
9. Климова С. М. Мифологическое сознание в теориях советской философии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 6–17. doi: [10.24412/1997-0803-2020-597-6-17](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-6-17) EDN: CQEIRE
10. Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации. Статья 2 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2 (44). С. 146–169. doi: [10.34130/2233-1277-2022-2-146](https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-2-146) EDN: PCHKNX
11. Насртдинова В. М., Аглей Е. А. К вопросу об особенностях мифогенеза современности и мифологизации общественного сознания (обзорный контент-анализ) // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 10–15. EDN: WJBAPH
12. Коргунюк Ю. Г. Советское прошлое как миф и повестка // Полития. 2024. № 2 (113). С. 6–25. doi: [10.30570/2078-5089-2024-113-2-6-25](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2024-113-2-6-25) EDN: GBVVDK
13. Савина Т. В. Говорить по-большевистски? Язык партийца в литературе «оттепели» // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 164–179. doi: [10.31518/2618-9100-2022-6-13](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-6-13) EDN: AREXPR
14. Васильева Л. А. Конструирование советского мифа вождизма и его транслирование каналами средств массовой информации // Регионология. 2013. № 4 (85). С. 41–47. EDN: RRSCJB
15. Даренский В. Александр Зиновьев как советский традиционалист // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 89–107. doi: [10.24030/24092517-2023-0-1-89-107](https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-1-89-107) EDN: DYQFZ
16. Попова А. Д. Сделано в СССР: мифы советской эпохи как элемент российской ментальности и их историческая трансформация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 60–73. EDN: OPMTH
17. Резанова З. И. Мифологема «советский человек» в контекстах постперестроечной эпохи: переконструирование мифа // Ностальгия по советскому : монография. Томск : Томск. гос. ун-т, 2011. С. 110–126. EDN: TYAGJB
18. Фан И. Б. Отношение к человеку в официальной советской политической культуре конца 1920-х – начала 1950-х гг.: конструирование героя и мобилизация масс // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 4. С. 30–47. doi: [10.17506/18179568_2022_19_4_30](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30) EDN: BAQJL
19. Калимова Е. В. Один советский миф: «новый человек» и его репрезентация на Всемирных выставках (1937–1958) // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. 2022. № 63. С. 317–326. EDN: IMHWSY
20. Новиков С. Г. Генезис «ленинского мифа» в отечественном воспитании // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 1 (65). С. 151–164. EDN: KPNYRU
21. Новиков С. Г. «...Живее всех живых»: образ Ленина в советском воспитании 1920-х гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (144). С. 4–10. EDN: JIVJID
22. Елепова М. Ю. Мифопоэтика прозы Прокопия Явтысого: конвергенция магической ритуальности и советских идеологем // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 3 (44). С. 113–125. doi: [10.25693/SVGV.2023.44.3.010](https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.44.3.010) EDN: YKRUTQ
23. Закс Л. А. Мифология forever. Универсальное/вечное и конкретно-историческое в мифологизме искусства соцреализма // Искусство Евразии. 2022. № 1 (24). С. 166–181. doi: [10.46748/ARTEURAS.2022.01.016](https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.016) EDN: JBWOIG
24. Иоскевич М. М. Социальный миф и бинарная оппозиция «свой – чужой» (на материале белорусских произведений производственной тематики) // Успехи гуманитарных наук. 2022. № 1. С. 27–31. EDN: GRGCQA
25. Мочалова Н. Ю. Мифологема «счастливого детства» в советской детской литературе // KANT: Social science & Humanities. 2024. № 2 (18). С. 23–28. doi: [10.24923/2305-8757.2024-18.4](https://doi.org/10.24923/2305-8757.2024-18.4) EDN: GGGADT
26. Панова Е. П., Саенко Н. Р. Героический миф в произведениях советских детских писателей // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6, № 4. С. 15–34. doi: [10.12731/2576-9782-2022-4-15-34](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-4-15-34) EDN: JAMSAM

27. Богданова О. А. «Криптоусадобная мифология» в повести А. П. Гайдара «На графских развалинах» // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 215–225. EDN: [DNYGZO](#)
28. Барышева Е. В. Мифологизация истории в праздничных мероприятиях 1920–1930-х гг. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 180–193. doi: [10.28995/2073-0101-2020-1-180-193](#) EDN: [RAUPNQ](#)
29. Голубцова А. В. Взаимодействие «русского» и «советского» мифа в итальянских травелогах о Советском Союзе второй половины 1950-х годов // Шаги/Steps. 2023. Т. 9, № 1. С. 266–290. doi: [10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290](#) EDN: [CUPHCI](#)
30. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 319 с.
31. Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем., послесл. В. С. Малахова ; коммент. В. С. Малахова, В. В. Биbihина. М. : Искусство, 1991. 366 с.
32. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М. : Новое лит. обозрение, 2002. 310 с.

References

1. Yakovleva YE.L. *Igrovaya priroda mifa i sovremennaya kul'tura: monografiya = The playful nature of myth and contemporary culture: a monograph*. Kazan: Poznaniye, 2011;168. (In Russ.)
2. Bondarenko N.G. *Obshchestvo i znaniye: sotsial'naya konstruktsiya real'nosti: monografiya = Society and knowledge: the social construction of reality: a monograph*. Pyatigorsk: Reklamno-informatsionnoye agentstvo na KMV, 2022;152. (In Russ.)
3. Meletinskiy YE.M. *Izbrannyye stat'i. Vospominaniya = Selected articles. Memories*. Moscow: RGGU, 2008;571. (In Russ.)
4. Bart R. *Mifologii: monografiya = Mythologies: monograph*. Transl. from French by S.N. Zenkin. Moscow: Izd-vo imeni Sabashnikovykh, 2004;314. (In Russ.)
5. Yakovleva YE.L. «Chelovek igrayushchiy» i tvoryashchiy: monografiya = "Man Playing" and Creating: a monograph. Kazan: Poznaniye, 2011;179. (In Russ.)
6. Shapinskaya YE.N. The Soviet myth in the space of cultural communications. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye = Man. Culture. Education*. 2024;(1):149–164. (In Russ.). doi: [10.34130/2233-1277-2024-1-149](#)
7. Aristova YE.P. "To think about Soviet existence": Soviet, Russian and foreign studies of the second half of the 20th – early 20th century. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;(5):184–192. (In Russ.). doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-184-192](#)
8. Dobretsova S.A., Kuimova V.M., Tirakhova V.A. Research paradigm of Soviet existence: socio-cultural and philosophical aspects. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2020;(5):225–233. (In Russ.). doi: [10.20323/1813-145X-2020-5-116-225-233](#)
9. Klimova S.M. Mythological consciousness in theories of Soviet philosophy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2020;(5):6–17. (In Russ.). doi: [10.24412/1997-0803-2020-597-6-17](#)
10. Smirnova A.A., Leonov I.V., Kirillov I.V. Historical myth: features of genesis, paths of "reification," and methods of implementation. Article 2. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye = Man. Culture. Education*. 2022;(2):146–169. (In Russ.). doi: [10.34130/2233-1277-2022-2-146](#)
11. Nasrtdinova V.M., Agley YE.A. On the issue of the peculiarities of mythogenesis of modernity and mythologization of public consciousness-I (review content analysis). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University*. 2016;(2):10–15. (In Russ.)
12. Korgunyuk YU.G. The Soviet past as myth and agenda. *Politiya = Polity*. 2024;(2):6–25. (In Russ.). doi: [10.34130/2233-1277-2022-2-146](#)
13. Savina T.V. Speak Bolshevik? The language of a party member in the literature of the "thaw". *Istoricheskiy kur'yer = Historical courier*. 2022;(6):164–179. (In Russ.). doi: [10.31518/2618-9100-2022-6-13](#)
14. Vasil'yeva L.A. The construction of the Soviet myth of leaderism and its broadcasting by mass media channels. *Regionologiya = Regional studies*. 2013;(4):41–47. (In Russ.)
15. Darenskiy V. Aleksandr Zinoviev as a Soviet traditionalist. *Tetradi po konservatizmu = Essays on conservatism*. 2023;(1):89–107. (In Russ.). doi: [10.24030/24092517-2023-0-1-89-107](#)
16. Popova A.D. Made in the USSR: Myths of the Soviet era as an element of Russian mentality and their historical transformation. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Yesenina = Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*. 2019;(2):60–73. (In Russ.)
17. Rezanova Z.I. The mythologem "Soviet man" in the context of the post-perestroika era: reconstructing the myth. *Nostal'giya po sovetskomu: monografiya = Nostalgia for the Soviet Union: a monograph*. Tomsk: Tomsk. gos. un-t, 2011;110–126. (In Russ.)

18. Fan I.B. Attitudes toward man in official soviet political culture of the late 1920s – early 1950s: constructing the hero and mobilizing the masses. *Diskurs-Pi = Discourse-P*. 2022;19(4):30–47. (In Russ.). doi: [10.17506/18179568_2022_19_4_30](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_30)
19. Kalimova YE.V. One Soviet myth: the “new man” and his representation at the World Exhibitions (1937–1958). *Nauchnyye trudy Sankt-Peterburgskoy akademii khudozhestv = Scientific works of the St. Petersburg Academy of Arts*. 2022;(63):317–326. (In Russ.)
20. Novikov S.G. The Genesis of the “Leninist Myth” in Russian Education. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2020;1(1):151–164. (In Russ.)
21. Novikov S.G. “...More alive than all the living”: the image of Lenin in Soviet education in the 1920s. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020;(1):4–10. (In Russ.)
22. Elepova M.YU. Mythopoetics of Procopius Yavtysy's prose: convergence of magical rituals and Soviet ideologemes. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik = North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2023;(3):113–125. (In Russ.). doi: [10.25693/SVGV.2023.44.3.010](https://doi.org/10.25693/SVGV.2023.44.3.010)
23. Zaks L.A. Mythology forever. The universal/eternal and the concrete-historical in the mythologism of socialist realist art. *Iskusstvo Yevrazii = Eurasian Art*. 2022;(1):166–181. (In Russ.). doi: [10.46748/ARTEURAS.2022.01.016](https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2022.01.016)
24. Ioskevich M.M. Social myth and the binary opposition “friend or foe” (based on Belarusian works on industrial themes). *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Achievements of the Humanities*. 2022;(1):27–31. (In Russ.)
25. Mochalova N.YU. The mythologem of “Happy Childhood” in Soviet children's literature. *KANT: Social science & Humanities*. 2024;(2):23–28. (In Russ.). doi: [10.24923/2305-8757.2024-18.4](https://doi.org/10.24923/2305-8757.2024-18.4)
26. Panova YE.P., Sayenko N.R. The heroic myth in the works of Soviet children's writers. *Russian Studies in Culture and Society*. 2022;6(4):15–34. (In Russ.). doi: [10.12731/2576-9782-2022-4-15-34](https://doi.org/10.12731/2576-9782-2022-4-15-34)
27. Bogdanova O.A. « “The Cryptoid Estate Mythology” in A.P. Gaidar's story “On the Count's Ruins”. *Novyy filologicheskiy vestnik = New Philological Bulletin*. 2024;(3):215–225. (In Russ.)
28. Barysheva YE.V. Mythologization of history in festive events of the 1920s and 1930s. *Vestnik arkhivista = Archivist's Bulletin*. 2020;(1):180–193. (In Russ.). doi: [10.28995/2073-0101-2020-1-180-193](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2020-1-180-193)
29. Golubtsova A.V. The Interaction of the “Russian” and “Soviet” Myths in Italian Travelogues about the Soviet Union in the Second Half of the 1950s. *Shagi/Steps*. 2023;9(1):266–290. (In Russ.). doi: [10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290](https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290)
30. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo = The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo, 1995:319. (In Russ.)
31. Gadamer G.G. *Aktual'nost' prekrasnogo = The relevance of beauty*. Transl. from German, afterword by V.S. Malakhov; comments by V.S. Malakhov and V.V. Bibikhin. Moscow: Iskusstvo, 1991:366. (In Russ.)
32. Boym S. *Obshchiye mesta: mifologiya povsednevnoy zhizni = Commonplaces: the mythology of everyday life*. Moscow: Novoye lit. obozreniye, 2002:310. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. Л. Яковлева – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, 420111, г. Казань, ул. Московская, 42. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

E.L. Iakovleva – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, 42 Moskovskaya street, Kazan, 420111. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4940-604X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /
The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 16.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.09.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025